Борис Винокур
КЛАН
ГАМБИНО
НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ МАФИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В конце XIX века в составе итальянской общины США преобладали люди, чья родословная велась из Сицилии. Как ни печально, именно из их среды проросли зловещие корни преступной группировки «Коза Ностра» – «Наше дело». Говорят, корни дьявола проложат себе дорогу куда хотят и когда хотят. Сицилия навсегда с тех пор получила «титул» родины настоящих кровавых дьяволов: рэкетиров, торговцев наркотиками, аферистов и профессиональных убийц. Сначала их преступные деяния ограничивались «Маленькой Италией», потом распространились на всю Америку.

- Борис Винокур
- ПРЕДИСЛОВИЕ КОРНИ ДЬЯВОЛА
- ГЛАВА 1
-
-
- ГЛАВА 2
- ГЛАВА 3
-
-
-
-
-
-
- ГЛАВА 4
-
- ГЛАВА 5
-
- ГЛАВА 6
-
- ГЛАВА 7
-
-
-
-
- ГЛАВА 8
-
-
-
-
-

-
-
- ГЛАВА 9
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
- ГЛАВА 10
- ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ
- ОБ АВТОРЕ

Борис Винокур
Клан Гамбино Новое поколение мафии

Делаешь свое дело – или смерть.

Наказ Карло Гамбино

Это наша жизнь. Прекрасная, изумительная жизнь. Если бы мы могли так прожить всю жизнь и такими же счастливыми уйти из нее… Это было бы прекрасно! Но, к сожалению, наша жизнь непредсказуема. На нашем пути столько всего, что мешает нам…

Пол Кастелано, мафиози из Клана Гамбино

ПРЕДИСЛОВИЕ КОРНИ ДЬЯВОЛА

В 1882 году в США был принят закон, устанавливающий правила въезда в Соединенные Штаты иностранных граждан, в частности криминальных элементов. Однако оставил лазейку тем, кто набрался смелости и рискнул пересечь океан без всяких документов. «Мы до предела переполнили наш корабль, который идет ко дну от ужасающего наплыва попрошаек и сумасшедших, – годом позже жаловалась газета «Нью-Йорк геральд». – Нас не удивляет то, что они прибывают к нам. Но наша страна не прибежище для разбойников и тунеядцев. Чем быстрее мы закроем двери для таких людей, тем будет лучше для всех нас».

В то время газеты не жаловались на безденежных и нищих иммигрантов, прибывавших в США из Англии или Германии. К ним относились с уважением и даже с почтением за их «добропорядочность» в противовес «ненормальным сицилийцам», которые, по мнению репортеров почти всех нью-йоркских газет, слыли шарлатанами и попрошайками, порой совершавшими разбои и грабежи. Репортеры СМИ на страницах своих изданий изображали сицилийцев узколобыми, с глупым выражением лица и с не закрывающимся от постоянной ругани ртом. «Такие люди не в состоянии заботиться о своем будущем, – писал тогда в журнале «Век» известный социолог Эдвард Роз. – Они никогда не расстанутся с привычкой просить милостыню».

Выходцы из Италии, в частности из Сицилии, действительно были безденежными, ибо на их родине с конца XIX столетия царила беспросветная нищета. Сицилия – сельскохозяйственная провинция, соответственно подавляющее большинство ее выходцев – безграмотные крестьяне. Незнание английского языка лишь усугубляло их положение, хотя они считали себя баловнями судьбы, несмотря на низкооплачиваемую работу в качестве дворников, землекопов, каменщиков, разносчиков газет и еды из ресторанов.

Первые годы пребывания по ту сторону Атлантики им было очень трудно свыкнуться с незнакомыми привычками коренных жителей. Им, например, было невдомек, почему им на каждом шагу говорят: «Thank you, dear!» («Спасибо, дорогой! Спасибо, дорогая!») даже после долгого и надоедливого торга на рынке или когда пешеходы уступали друг другу дорогу. При этом за свой труд они получали гроши – в разы меньше, чем коренные жители.

Изначально нищенское существование подталкивало иммигрантов на опасный путь. Иные даже объединялись в

воровские шайки, грабившие прохожих на улицах и квартиры горожан. Однако криминальный промысел не приносил ожидаемого дохода, а лишь вызывал к итальянцам ненависть и презрение местных жителей, а со стороны полиции – жесткую реакцию.

В те первые годы иммиграционного цунами, захлестнувшего страну в преддверии XX века, главным критиком закона 1882 года стал влиятельный конгрессмен от штата Массачусетс, известный историк Генри Кабот Лодж, который увещевал своих коллег-конгрессменов: «США превратились в рай для безработных, нищих и преступников. Это безумие – разрешать всем без проверки и селекции наводнять наши берега, в особенности деклассированными элементами. Повторяю, безумие». Нью-йоркская пресса вторила ему: иммиграция из Италии принесла в Америку «не только крупицы золота, но и отработанный, никому не нужный шлак, засоряющий общество».

Но, несмотря на препятствия, чинимые беженцам американской прессой и влиятельными политическими деятелями, как Генри Кабот Лодж, а также недоброжелательство американского общества, миграция итальянцев продолжалась прежними темпами. Постепенно в Нью-Йорке на огромной территории Нижнего Манхэттена между улицами Кэнал, Хоустон, Лафайет и Беверли, примыкая к китайской общине «Чайна-таун», сформировалась новая этническая община «Маленькая Италия». В последнем десятилетии XIX века в «Маленькой Италии» проживало 40 тысяч выходцев преимущественно из Сицилии.

С возникновением новой общины облик итальянцев начал меняться с небывалой для иммигрантов быстротой. Бывшие крестьяне и плотники открывали в «Маленькой Италии» овощные лавки и небольшие продуктовые магазины. А позже – парикмахерские, прачечные, закусочные и рестораны, которые, кстати, быстро прославились на весь Манхэттен национальными итальянскими блюдами, вселив владельцам этого бизнеса уверенность в завтрашнем дне и возможность разбогатеть, подобно коренным жителям Нью-Йорка. Тогда же в «Маленькой Италии» стали появляться ночные клубы, в которых до глубокой ночи играли джаз и звучали задушевные итальянские песни. Они в короткий срок превзошли по популярности даже многие знаменитые нью-йоркские клубы.

«Маленькая Италия» продолжала развиваться: появилась собственная газета, открылся театр, по праздникам и в выходные по улицам общины часто маршировали джазовые музыканты и певцы, распевавшие любимые песни. Регулярные парады джазменов стали привычными. Постепенно неприязнь коренных

жителей Нью-Йорка таяла. Появлялись смешанные семьи, в которых царила любовь.

Так иммигранты из Италии постепенно выбирались из нищеты. Они даже инициировали, совместно с коренными жителями Нью-Йорка, празднование дня Христофора Колумба.

Между тем иммиграция на Американский континент с противоположных берегов Атлантики достигла тогда своего апогея. Новые потоки беженцев, учитывая опыт первых поселенцев, быстро адаптировались к новой жизни, получив признание коренных жителей Америки. Их даже стали именовать «италиан американ», что вселяло в них чувство гордости и уверенности в равноправии с коренными гражданами США.

К 1910 году материальное положение жителей «Маленькой Италии» улучшилось настолько, что многие из них с гордостью называли себя богатеями, иные умудрились перещеголять своих нью-йоркских партнеров по бизнесу. Десятилетия спустя представители последующих поколений итальянцев достойно вышли на жизненную арену, завоевав мировую известность в области науки, политики, бизнеса, искусства, литературы и во многих других сферах.

Среди знаменитостей – родоначальник нейтронной физики, совершивший прорыв в области ядерной физики и физики элементарных частиц, Энрико Ферми, бежавший в США из фашистской Италии. Именно он открыл цепную ядерную реакцию и первым в мире произвел взрыв в подземелье заброшенного стадиона Чикагского университета, в котором работал. В числе известных людей последующих поколений – бывший мэр Нью-Йорка Рудольф Джулиани, бывший спикер конгресса США Нэнси Пелоси, певец Фрэнк Синатра, кинозвезды Роберт Де Ниро и Сильвестр Сталлоне…

Этот перечень можно продолжать, несмотря на то что общая численность итальянской общины, в сравнении с другими этническими группами, была не столь уж велика. В начале второго десятилетия XX века было официально зарегистрировано чуть более 6 миллионов представителей итальянской общины. Это значение в городах США сохранилось и в последующие десятилетия, тогда как к 2010 году в США проживало 313 миллионов граждан.

Итальянская община по своей численности оказалась на седьмом месте, уступив разросшимся этническим общинам выходцев из Германии, Ирландии, Африки, латиноамериканских стран и стран Азии. В Чикаго и его ближайших пригородах с начала XXI столетия, к примеру, поляков числилось больше, чем их проживало в Варшаве, – почти 1,5 миллиона человек. В составе

итальянской общины преобладающее большинство – более 80 процентов – люди, чья родословная велась из Сицилии. Как ни печально, именно из их среды проросли зловещие корни преступной группировки «Коза Ностра» («Наше дело»).

Говорят, корни дьявола проложат себе дорогу куда хотят и когда хотят, в любые времена и в любых уголках земного шара. Сицилия навсегда с тех пор получила «титул» родины настоящих кровавых дьяволов: рэкетиров, торговцев наркотиками, аферистов и профессиональных убийц.

Именно в годы шквального иммиграционного потока главари «Коза Ностра» решили открыть для себя новую, более богатую и к тому времени практически неискушенную в преступных деяниях сферу за пределами Италии – на другом берегу Атлантики. Они примкнули к потоку беженцев из их родной страны и осели в США. Иногда в одиночку, а иногда со своими большими семействами осваивали Нью-Йорк, а потом и другие города страны. Особенно полюбился им Новый Орлеан.

«Коза Ностра» пустила корни в Соединенных Штатах в 1880 году. Как утверждают историки, ее первым представителем был некий Джузеппе Эспозито. Он возглавлял в Палермо, столице Сицилии, банду вымогателей и грабителей, получившую в криминальной истории Италии прозвище «Черные руки». По всей вероятности, у Джузеппе Эспозито произошел серьезный конфликт с главарями конкурирующей банды. Ему показалось, что те готовят на него покушение, после чего он и решил сбежать из страны.

Но прежде чем взойти на борт корабля, отправлявшегося с иммигрантами в США в конце июня 1880 года, Джузеппе Эспозито совершил ужасное преступление. Он дал команду членам своей банды «Черные руки» убить неугодных ему людей. По его приказу в Палермо были убиты шесть богатых землевладельцев, канцлер провинции Сицилии и его первый заместитель.

Прибыв в Нью-Йорк, Джузеппе Эспозито сразу же уехал в Новый Орлеан в надежде навсегда замести следы. Но он ошибся. Спустя почти полгода после его прибытия в Новый Орлеан, в январе 1881 года, полиция города арестовала мафиози и депортировала в Италию.

Новый Орлеан оказался первым городом в США, где «Коза Ностра» впервые всем показала, на что способна. Мафиози со знанием дела совершили там первое на американской земле злостное преступление – убили гражданина США, о чем сообщили все американские газеты, подробности которого отразили агенты ФБР в официальных документах своего ведомства.

Это произошло 15 октября 1890 года. В тот день члены «Коза Ностра» совершили покушение на главу новоорлеанской полиции Дэвида Хэннеси. Он был убит выстрелами из пистолета в затылок. В тот же день несколько десятков сицилийских иммигрантов были арестованы без объяснения причин. Но их тут же выпустили на свободу. На следующий день полиция Нового Орлеана арестовала еще девятнадцать сицилийцев, которым было предъявлено обвинение в зверском убийстве Дэвида Хэннеси.

По неизвестным причинам, а по слухам – за взяточничество, на следующий же день после ареста все девятнадцать гангстеров тоже были отпущены на свободу. Взбешенные жители Нового Орлеана решили линчевать освобожденных из тюрьмы убийц Дэвида Хэннеси. Сначала ими были пойманы двое из девятнадцати организаторов покушения и демонстративно повешены на одной из новоорлеанских улиц. Затем взбунтовавшиеся горожане поймали и убили еще девять бандитов. Но восьми гангстерам все же удалось скрыться.

События, произошедшие в Новом Орлеане, впервые в истории США выявили банды «Коза Ностра». Газеты не умолкая сообщали об опасном вторжении в США ранее никому не известных банд. В те первые дни открытой активности бандитов американская пресса тут же окрестила преступную организацию как мафию.

С тех пор слово «мафия» прочно вошло в обиход американцев. Вскоре после убийства шефа полиции Нового Орлеана члены жюри присяжных заседателей, осудившие девятнадцать бандитов, обнародовали свой манифест, в котором заменили название криминального клана. «Коза Ностра» больше нигде и никогда не употреблялось. «Скрупулезность наших исследований позволила установить существование в США новой секретной и очень опасной преступной организации, теперь именуемой американская мафия, – сообщалось в манифесте, опубликованном во всех ведущих газетах Соединенных Штатов. – Доказательства тому мы, с помощью агентов федерального следственного органа, добыли из разных источников. Выяснилось, что новоорлеанская мафия была укомплектована беженцами из Южной Италии, главным образом выходцами из Сицилии. Не исключено, что подобные банды мафии, новой преступной организации в США, по мере нарастания волны иммиграции из Италии распространятся и в других городах страны».

Вскоре предположение новоорлеанского жюри присяжных заседателей подтвердилось со всей очевидностью. В Нью-Йорке тайными агентами ФБР были обнаружены пять таких криминальных кланов. А каждый из них зарегистрирован под названием «мафия». Агенты ФБР выяснили, что все члены этой

пятерки криминальных кланов прибыли в Нью-Йорк из Сицилии и преспокойно проживали в Манхэттене в общине «Маленькая Италия».

Через некоторое время после публикации манифеста членов жюри присяжных в Нью-Йорке произошло нечто похожее на то, что случилось в Новом Орлеане. В Бруклине выстрелами из пистолета в затылок был убит глава одного из мафиозных кланов «Маленькой Италии». Завербованный агентами ФБР гангстер этой мафии Тони Нотара выдал убийцу своего босса. Им оказался наемный убийца из другой этнической общины Нью-Йорка. Тони Нотара подробно рассказал агентам ФБР о мафиозных ритуалах и о структуре организаций.

Год за годом в следственных организациях США накапливалась информация о разраставшихся в стране кланах мафии под началом главарей, в свое время сбежавших из Сицилии.

Наиболее известным информатором ФБР в 20-х годах прошлого столетия был Джозеф Валачи – в то время член одного из мафиозных кланов. Его арестовали по обвинению в рэкетирстве и посадили в тюрьму в предместье Атланты. Там Джозеф Валачи совершил еще одно преступление: до смерти избил одного из арестантов, которого подозревал в намерении совершить на него покушение по приказу сидевшего в той же тюрьме босса нью-йоркской мафии, конкурировавшей с кланом Джозефа Валачи. После этого инцидента во избежание смертного приговора Джозеф Валачи согласился сотрудничать с ФБР. И даже согласился на огласку своего имени.

Его показания были признаны американской прессой небывалой сенсацией. Нью-йоркские газеты утверждали, что именно Джозеф Валачи открыл всем глаза на то, как исподтишка в стране разрастались завезенные сицилийцами дьявольские корни, как из года в год их яд пропитывал души людей и как в те годы в Соединенных Штатах стала складываться организованная преступность. Показания Валачи транслировались по всей стране.

То, что Джозеф Валачи сообщил в своих показаниях членам комиссии конгресса, не было ранее известно агентам ФБР. Они только тогда узнали, что каждая мафия, организованная сицилийцами в США, имела ту же структуру, что и действовавшие в Италии отряды «Коза Ностра»: каждая мафия представляла собой криминальный клан, состоявший из банд, специализировавшихся на определенных сферах преступной деятельности. Эти банды, объединенные в один клан под предводительством босса, иначе мафиози, на итальянском языке назывались «коска» («бандитская семья»).

Джозеф Валачи убеждал агентов ФБР в том, что все созданные в Соединенных Штатах «бандитские семьи», как и криминальная организация «Коза Ностра», руководствовались единым кодексом «Омерта». Это старинное итальянское слово, от латинского humilitas, означает «покорность» или «смирение». В рядах «Коза Ностра» оно значило – «кодекс молчания».

Кодекс «Омерта» представлял собой свод правил поведения своих членов и наказаний даже за малую провинность, не говоря уже о предательстве или сотрудничестве со следственными органами. За подобного рода поведение, добровольно ли оно было совершено или под принуждением, – казнь на глазах остальных членов мафии или убийство предателя где угодно.

Иными словами, кодекс «Омерта», внедренный в жизнь американских мафиози, требовал держать язык за зубами даже в общении с женами или любовницами, близкими друзьями или партнерами по криминальному бизнесу, на допросах агентами ФБР или в разговорах с сокамерниками. Джозеф Валачи однажды в интервью корреспондентам нью-йоркской прессы даже сказал, что он, вероятно, стал первым человеком, который в показаниях агентам ФБР изложил оригинальную и доступную интерпретацию кодекса «Омерта». Свод законов «Омерты», как утверждал Джозеф Валачи, являлся инструментом убеждения каждого члена криминальных семейств в том, что тот, кто является солдатом мафии или ее боссом, живет в раю. Тот, кто является членом мафии, должен быть глух, слеп и молчалив, тогда он будет жить дольше любого другого человека в полном спокойствии сотни, а то и тысячи лет».

Показания Джозефа Валачи были действительно сенсационными и помогли агентам ФБР раскрыть многие секреты мафии. К 1930 году мафиозные кланы образовались в Чикаго, Детройте, Нью-Джерси, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Майами. Нью-Йорк сохранял за собой роль лидера преступных кланов.

Очередной и самый значительный расцвет мафии в США приходится на 50-е годы прошлого столетия, когда следом за концом эпохи Аль Капоне стала расцветать эпоха нового поколения мафии во главе с легендарным Карло Гамбино. Его появлению на вершине власти организованной преступности предшествовала эра запрета производства и продажи алкогольных напитков в Соединенных Штатах, сыгравшая роль мощного двигателя процесса ассимиляции сицилийских мафиози. Кроме того, эта эра создала для организованной преступности в США превосходные условия формирования и процветания «криминальных семейств» в точном соответствии с «Коза Ностра».

ГЛАВА 1

Человек, который любил пули

Эра запрета производства и продажи алкогольных напитков, или, как ее прозвали историки, «эра сухого закона», длилась почти тринадцать лет – с 17 января 1920 года по 5 декабря 1933 года. Казалось, отсутствие алкоголя должно было бы повлиять на снижение численности любителей спиртного и преступности в стране. Но этого не произошло. Наоборот, «эра сухого закона» оказалась повинной в росте количества алкоголиков и уровня преступности. Как утверждала криминальная статистика, численность алкоголиков за годы «сухого закона» увеличилась на 2,5 процента, уровень преступности в целом по стране подскочил на 24 процента, количество убийств возросло на 12,7 процента.

Во времена «сухого закона» процветал черный рынок спиртных напитков. В небывалых ранее масштабах выросла проституция. Примером тому могут служить почти 30 тысяч созданных в Нью-Йорке подпольных борделей, в которые рекой текли контрабандные поставки коньяка, виски, водки и всех сортов вин из Канады и Мексики, а также из собственного подпольного производства. В начале 30-х годов Нью-Йорк был провозглашен центром черного рынка и местом, где быстро богатели криминальные семейства нескольких мафий.

Черный рынок дал толчок активному росту в стране сети мафии. За контрабандой спиртных напитков последовали наркотики. Наркобизнес быстро проник чуть ли не во все крупные города США. Но, несмотря на постоянный рост стоимости наркотиков в годы «сухого закона», спрос на героин, кокаин и марихуану, на удивление даже агентов ФБР, оказался, как никогда ранее, очень высоким. В те времена мафиози платили контрабандистам за килограмм героина не более четырех тысяч долларов. На черном рынке цена одного килограмма этого наркотика была в три-четыре раза дороже.

Среди первого поколения сицилийских мафиози, доминировавших в преступном мире США, оказался Джо Массериа. Он родился в небольшом сицилийском городке Марсала в 1887 году. В возрасте четырнадцати лет Джо влился в банду одного из местных кланов «Коза Ностра». Он занимался воровством и вымогательством денег у продавцов рынка и владельцев уличных лавок.

Однажды, вымогая деньги у хозяина одной из уличных лавок, Джо совершил убийство. Возможно, как предполагают историки, это было не первое его убийство. Но в его биографических

сведениях, хранящихся в архивах, упоминаний об этом нет. Опасаясь ареста и смертного приговора, шестнадцатилетний гангстер в мае 1903 года сбежал в Нью-Йорк.

Там он быстро нашел себе прибежище в одной из нью-йоркских мафий, промышлявшей рэкетом, воровством и убийствами. Возглавлял ее Ник Морелло, за несколько лет до Джо Массериа тоже сбежавший в США из Сицилии. По некоторым документам, Ник Морелло, как и Джо Массериа, тоже родился в городе Марсала. Может быть, именно это подвигло Ника Морелло принять в свою банду несовершеннолетнего Джо. Несмотря на юный возраст, ему поручили весьма рискованное дело – быть наводчиком на владельцев магазинов, ресторанов, ночных клубов и просто богатых людей, которые могли стать подходящими объектами вымогательства.

Джо Массериа промышлял в этом качестве почти тринадцать лет. Он разбогател и купил дорогую квартиру в роскошном доме на Второй авеню, женился и заимел двоих детей. К тому времени уже зрелый и опытный гангстер, Джо Массериа часто подумывал о том, что может не хуже Ника Морелло руководить бандами. Он долго вынашивал план избавления от своего босса. И его час пробил.

В 1914 году гангстеры недавно сложившегося клана сицилийца Дона Морены стали посягать на территорию Ника Морелло. Они организовали в ее районе на улицах свои посты тайной торговли наркотиками и переманили на свою сторону многих клиентов Морелло. Ответный удар последовал немедленно: гангстеры Ника Морелло убили нескольких мафиози, в том числе и одного из главных помощников Дона Морены.

Война двух мафий за территории продолжалась почти два года. Жертвами ее были не только рядовые бойцы, но и некоторые вожаки. Война завершилась безжалостной расправой над Морелло.

В тот день Ник Морелло вместе со своим первым помощником Чарльзом Убриако в сопровождении двух телохранителей пришел на ланч в ресторан «Валеро», в одном из районов Манхэттена. Не успели они усесться за стол, как в ресторан зашли два человека. Они подошли вплотную к Нику Морелло и всадили в него несколько пуль. Не теряя ни секунды, они расстреляли всю его команду, включая телохранителей, не успевших даже вытащить из карманов оружие.

Через шесть лет, в июне 1922 года, в ресторане «Венеция», расположенном на одной из улиц «Маленькой Италии», состоялась секретная встреча трех представителей мафии Дона

Морены с Питером Морелло, наследником мафии покойного родственника Ника Морелло. Он прибыл с двумя представителями своей криминальной организации. Джо Массериа тоже прибыл в ресторан в сопровождении двух гангстеров и мафиози Сальваторе Де Эквуила, еще в Италии пользовавшегося среди членов «Коза Ностра» большим авторитетом, а ныне владевшего мафией, орудовавшей в Бруклине. Сальваторе Де Эквуила был близким другом Джо Массериа, поддерживавший его во всем и всегда.

Встреча была посвящена мирному договору слияния трех криминальных семейств в единую мафию и выбору босса. Наконец Джо Массериа дождался осуществления своей мечты, его избрали «боссом боссов» – главой новой и самой многочисленной в стране мафии. В ней, по свидетельству ФБР, насчитывалось не менее двух тысяч гангстеров, или солдат, как их было принято называть в Сицилии.

Однако жизнь Джо Массериа не была столь радостной, как ему раньше виделось. Завоевав почетный титул «босса боссов», он тут же нажил себе огромное число врагов и завистников, не оставлявших его в покое ни днем ни ночью. Джо получал анонимные телефонные звонки, письма с требованием немедленного ухода и угрозами убийства его, жены и детей. 9 августа 1922 года с ним произошел совершенно уникальный случай, описанный историками весьма подробно во многих публикациях.

В тот день Джо – почему-то без телохранителей – покинул свою квартиру и направился вдоль Второй авеню в сторону Пятой улицы. Был жаркий день, и Джо надел шляпу с большими полями. Но, как только он вышел из подъезда дома и сделал пару шагов по Второй авеню, его обогнал черный лимузин. И в тот же момент двое мужчин, сидевших в кафе, рядом с его домом, выхватили оружие и стали стрелять в оторопевшего мафиози.

По странности стрелки промахнулись: их пули просвистели над головой мафиози, насквозь прошив его новую шляпу. Джо тут же бросился бежать по Второй авеню и скрылся в первом попавшемся продуктовом магазине. А двое киллеров помчались за ним, стреляя ему вслед. Через десять минут хозяин магазина Фриц Хэйни уже давал показания прибывшим полицейским. «Пули звенели в моих ушах. Стекла магазина вдребезги, – сказал он. – А вбежавший в мой магазин человек не пострадал. За исключением его шляпы. Первая пуля попала в нее, а не в голову этого человека».

Когда незадачливые киллеры бросились к ожидавшему их черному лимузину, дорогу им неожиданно преградили женщины,

выбежавшие из здания на Второй авеню с собрания международной женской профсоюзной организации *International Garment Workers Union* . Они героически попытались остановить черный лимузин, но из него тут же раздался треск выстрелов: две женщины были убиты, шесть получили ранения и на прибывшей «скорой помощи» были увезены в больницу. В печальном списке жертв неудачного покушения на босса крупнейшей мафии Нью-Йорка – два случайных пешехода Второй авеню, по стечению трагических обстоятельств оказавшиеся в зоне стрельбы.

Через полчаса полицейские пришли в квартиру Джо Массериа. Там никого не было, кроме «босса боссов». Он сидел на краю кровати, опустив ноги в таз с горячей водой. Его руки дрожали, а сам мафиози был бледен и с трудом отвечал на вопросы полицейских. На его голове по-прежнему красовалась насквозь простреленная шляпа. Убедившись в том, что Джо Массериа жив и не ранен, полицейские покинули его квартиру.

Именно после неудачного покушения на Джо Массериа многие его враги стали относиться к нему с суеверным пиететом. Джо Массериа прослыл среди них «живущей легендой», «человеком, которого боятся пули», волшебником, способным совершать невозможное для рядовых людей. Некоторые газеты Нью-Йорка даже присвоили ему титул знаменитости, зачислив в новую категорию главарей мафии, якобы обладающих мистической способностью отвращать от себя смерть.

Но кем-то раздутая известность Джо Массериа не влияла на некоторых его врагов, веривших не в сказки о божественном промысле, а в меткость солдат мафии. В числе таких трезвомыслящих врагов Джо Массериа была одна незаурядная личность – Умберто Валенти. Он владел недавно организованным в Нью-Йорке кланом и, несмотря на настоятельные приглашения, упрямо не желал вступать в союз криминального семейства Джо Массериа.

Многие историки не без оснований полагают, что, скорее всего, именно Умберто Валенти хотел устранить Джо Массериа. И после неудачного покушения ненависть к мафиози, вероятно, вспыхнула у Умберто Валенти с еще большей силой, чему в немалой степени способствовал сам Джо Массериа, при каждом удобном случае демонстрируя репортерам нью-йоркских газет свою спасительницу шляпу.

В действительности же ненависть Умберто Валенти к Джо Массериа имела совсем другие причины. Мафия Джо Массериа, объединившая три криминальных семейства, завладела почти всем подпольным рынком наркотиков в Нью-Йорке, крышевала почти все тайные бордели, где шла бойкая торговля

запрещенными спиртными напитками и выгодная продажа дорогих проституток. Спрос на них в те времена был наравне со спросом на наркотики. Все эти обстоятельства выводили из равновесия очень чувствительного к потерям доходов, вспыльчивого Умберто Валенти. Он желал, чтобы Джо Массериа распустил свою тройственную мафию или с одним из кланов примкнул бы к его собственной мафии. Умберто был даже согласен на паритетное владение ею и равное разделение с Джо всех доходов от продажи наркотиков, рэкета и иных видов криминального бизнеса.

Джо Массериа наверняка понимал причины ненависти к нему соперника и верил в то, что именно Умберто организовал на него покушение. «Теперь только пули могут разрешить наш конфликт, – уверял тогда Джо Массериа своего близкого друга и протеже на пост главы тройственной мафии Сальваторе Де Эквуила. – Теперь только пули могут спасти нашу жизнь. Твою и мою».

Джо Массериа произнес эту фразу всего лишь за день до того дня, когда по совету Сальваторе Де Эквуила собирался известить Умберто Валенти о намерении встретиться с ним с глазу на глаз для сглаживания разногласий и заключения мирного договора. Как позже уверяли агентов ФБР ближайшие единомышленники Джо Массериа, он якобы был даже готов проводить эту встречу при посредничестве одного из подручных Умберто Валенти и нейтрального лица, коим на той встрече жаждал присутствовать Сальваторе Де Эквуила.

Но последующие события все перевернули вверх дном. На следующий день ранним утром, когда Джо Массериа собирался звонить Умберто Валенти, прохожие одной из улиц нью-йоркского Бруклина обнаружили на тротуаре залитый кровью труп какого-то человека. Прибывшая полиция сразу же опознала Сальваторе Де Эквуила.

Джо Массериа узнал об убийстве из утренних новостей. Он был настолько потрясен, что его жена с трудом могла успокоить разрыдавшегося и трясшегося как в лихорадке супруга. В тот день Джо Массериа был полностью выбит из колеи. Но потом, придя в себя, твердо решил во что бы то ни стало встретиться с Умберто Валенти и привести в исполнение ту идею, которую он вынашивал вместе со своим покойным другом Сальваторе Де Эквуила.

Они встретились 11 сентября 1922 года в одном из итальянских ресторанов Манхэттена. Оба пришли со своими «заместителями». Они наслаждались вкусной едой и чокнулись бокалами вина, привезенного из Сицилии, в знак достигнутого

соглашения о присоединении Джо Массериа с одним из криминальных семейств к мафии Умберто Валенти. Оба мафиози просидели в ресторане за обсуждением деталей их делового соглашения еще около часа. А потом с радостными улыбками вместе со своими спутниками вышли на Двенадцатую авеню.

Наверняка Умберто Валенти даже не догадывался о том, что его поджидали два киллера из мафии Джо Массериа. На одном из перекрестков Двенадцатой авеню они вышли ему навстречу и выхватили из карманов пистолеты. Умберто Валенти тут же бросился бежать к стоявшему на противоположной стороне улицы такси. Представитель Умберто Валенти, увидев убийц, ехидно улыбнулся и, как вкопанный, остался стоять на тротуаре.

Он видел, как те догнали его шефа, как выпустили в него заряд пуль. Умберто Валенти, залитый кровью, свалился на асфальт. С этого момента Джо Массериа взял под свой контроль мафию покойного Умберто, став властителем четырех криминальных семейств, к тому времени главенствовавших в преступном мире Нью-Йорка. Он получил еще одно прозвище: «Человек, который любил пули».

Спустя неделю после того, как Умберто Валенти ушел в мир иной, Джо Массериа был обвинен в его убийстве. Его арестовали, но тут же освободили до суда под большой залог. Следствие по делу Джо Массериа длилось почти три месяца. Но ни один из свидетелей убийства Умберто Валенти, включая даже его представителя на встрече в ресторане и водителя такси, не дали никаких показаний, которые хотя бы как-то могли быть использованы в качестве доказательств вины Джо Массериа.

Киллеры Джо Массериа исчезли бесследно. Никто из свидетелей покушения не смог даже описать следователям нью-йоркской прокуратуры их внешний вид. Все свидетели в один голос утверждали, что у них помрачение памяти и они не помнят никаких деталей.

Хозяин итальянского ресторана и официант во время допроса с восхищением отзывались о Джо Массериа. Они убеждали следователей в том, что он и погибший от пуль убийц Умберто Валенти были в прекрасном настроении, рассказывали друг другу анекдоты, смеялись на весь ресторан и выглядели как близкие друзья. «Разве Джо Массериа мог убить своего друга? – с негодованием говорил хозяин ресторана. – Вы наверняка ошибаетесь в том, что такой мягкий по характеру и доброжелательный человек, как Джо Массериа, мог совершить столь гнусное преступление». Историки и авторы нескольких изданий, в том числе автор книги «Мафия США» (*Mafia USA*) Николас Гейдж, высказывали предположение о том, что все

свидетели были куплены гангстерами мафии Джо Массериа. И возможно, не только они, но и кое-кто из членов следственных организаций.

В конце концов длившееся три месяца следствие завершилось безрезультатно. В руках нью-йоркской полиции, ФБР и манхэттенского суда не было каких-либо доказательств, на основании которых можно было бы предъявить Джо Массериа обвинение в организации убийства Умберто Валенти и приговорить его к пожизненному сроку. Судебный процесс был прекращен, подсудимый оправдан. «Босс боссов» крупнейшей нью-йоркской мафии, с облегчением вздохнув, с новой энергией взялся за выполнение своих обязанностей. Он изменил тактику руководства самой властной и многочисленной мафией Нью-Йорка.

С помощью своих единомышленников Джо Массериа распустил слух о том, что он устал от тяжкой и опасной работы и уходит на покой. С тех пор от его лица все приказы и распоряжения нижестоящим главарям мафии стали издавать три его заместителя. Создавалось впечатление, что он действительно ушел на покой, и вскоре о нем забыли даже нью-йоркские газеты.

Возможно, забыли и следователи нью-йоркской полиции и агенты ФБР, уверовавшие в то, что, поскольку Джо Массериа неделями не покидал свой дом, он больше не контактирует со своими подчиненными. Словом, интерес к нему пропал. Но историки утверждали, что Джо Массериа искусно замаскировал связь со своими подчиненными, продолжая, как и прежде, руководить мафией, оставаясь «боссом боссов» всех криминальных семейств.

В середине 20-х годов на сцене организованной преступности США появились новые личности, привлекшие внимание прессы и агентуры следственных органов. Американская пресса взахлеб писала о новых персонажах преступного мира и о том, что творилось в жизни мафий Нью-Йорка, Чикаго, Майами и других городов.

В 1925 году в Нью-Йорк прибыл Сальваторе Маранзано и первые пару лет провел тихо, стараясь глубже вникнуть в жизнь незнакомой страны. И соответственно ни у кого не вызывал интереса. Репортеры нью-йоркских газет никогда даже не слышали это имя. Вероятно, и для агентов ФБР оно не имело никакого значения. Сальваторе Маранзано устроился на работу в должности брокера одной из нью-йоркских компаний по продаже недвижимости. Словом, как и сотни тысяч иммигрантов из Италии, работал и мирно жил на свой скромный заработок.

Но так было до тех пор, пока в 1927 году Сальваторе

Маранзано не оказался в авангарде борьбы криминальных семейств Нью-Йорка за господство в мире организованной преступности. Сальваторе Маранзано открыл в одном из пригородов Нью-Йорка подпольную компанию по производству спиртных напитков. Во времена «сухого закона» его подпольное предприятие быстро разрослось и стало, как позже утверждалось в архивных документах ФБР, самым крупным и прибыльным из всех известных в Нью-Йорке и Чикаго поставщиком самогонных спиртных напитков. Главным образом популярного во всех подпольных борделях виски.

Джо Массериа узнал о существовании бизнеса Сальваторе Маранзано. И понял, кто без его разрешения втихомолку поставляет в его подпольные бордели бутыли с виски, вытеснив, таким образом, его собственных самогонщиков. Массериа приказал своим гангстерам похищать грузовики Сальваторе Маранзано, груженные бутылями спиртных напитков, когда они прибывают в его подпольные бордели. Но два гангстера, попытавшиеся выполнить наказ босса, были убиты при первой же попытке отнять грузовик. В ответ на это Джо Массериа приказал убрать Сальваторе Маранзано.

Эти события произошли в середине апреля 1931 года. А в те времена среди лидеров нью-йоркских криминальных семейств нарастало недовольство поведением Джо Массериа. В некоторых документах говорилось о его несдержанности, грубости не только по отношению к мафиози других преступных организаций Нью-Йорка, но и к своим подчиненным. Кроме того, Массериа стал частенько прикладываться к бутылке и появлялся на сходках в нетрезвом виде.

Все это вызывало неприязнь к «боссу боссов». Даже у тех членов криминальных семейств, кто раньше к нему относился с уважением. В особенности среди тех, кто вырос в его мафии с рядовых солдат до руководителей гангстерских отрядов. По свидетельству нью-йоркской газеты «Бруклин дейли» (*Brooklyn Daily*), вышедшей в свет 26 апреля 1931 года, иные из них готовились навсегда покинуть своего «босса боссов». Среди них был и вскоре прославившийся Чарльз Лучиано.

Джо Массериа хорошо к нему относился. Он даже повысил Лучиано в должности, назначив его вожаком одного из гангстерских отрядов, и одновременно сделал своим консультантом. Историк и автор книги «Мафия США» Николас Гейдж писал, что Массериа во всем доверял Чарльзу Лучиано, относился к нему, как к своему сыну, и не подозревал о той роли, которую сыграет в его судьбе Чарльз Лучиано.

14 апреля 1931 года директива Джо Массериа о немедленном

убийстве Сальваторе Маранзано не была выполнена. Почему? Ответа на этот вопрос по сей день нет. Возможно, владелец самогонного бизнеса избежал смерти потому, что она совпала с трагическим днем покушения на жизнь самого Джо Массериа.

В тот день Джо был приглашен его любимцем Чарльзом Лучиано провести пару часов за игрой в карты, и после ланча они намеревались вернуться в свой офис. «Босс боссов» без раздумий одобрил эту идею. Их встреча состоялась в полдень в популярном итальянском ресторане «Нуова Вилла Таммаро» на побережье Атлантического океана в южном районе Нью-Йорка. Джо Массериа прибыл на своем бронированном автомобиле в сопровождении четырех телохранителей.

В перерыве карточной игры Лучиано вышел в туалет. Вслед за ним без разрешения своего босса выскочили все четыре телохранителя Джо Массериа. И в тот же момент в комнату вошли два молодых, хорошо одетых человека. Не прошло и секунды, как каждый из них в упор выстрелил в голову Массериа. Это произошло 15 апреля 1931 года. Тогда же репортеры сообщили о том, что эти молодые люди, стрелявшие в Джо Массериа, – Вито Дженовезе и Альберт Анастасиа, – близкие друзья Чарльза Лучиано. Впоследствии без них не обходилась ни одна насильственная смена глав криминальных семейств.

Священник с пистолетом

Неизвестно, был ли Сальваторе Маранзано причастен к убийству Джо Массериа. И в те дни, и десятилетиями позже на этот вопрос не смогли ответить ни следственные организации, ни историки. Бытовало бездоказательное предположение о том, что убийцы Джо Массериа заранее оповестили Сальвадоре Маранзано о планах покушения на его заклятого врага. Но так ли это? Но факт остается фактом: смерть бывшего «босса боссов» открыла Маранзано дорогу к верхушке преступного мира Нью-Йорка.

Сальваторе Маранзано родился в Сицилии, в городе Касталаммарези. В юношеские годы он мечтал стать священником. Сальваторе окончил специальную школу, в которой преподавался курс истории католической религии, а затем получил сан священника в одной из католических церквей родного города.

Но потом вдруг любовь Сальваторе к религии начисто испарилась. И молодой священник переметнулся совсем в иной мир. Став старше, он вступил в один из гангстерских отрядов, орудовавший в Касталаммарези. Через несколько лет, набравшись опыта в рэкете и убийствах конкурентов, Сальваторе Маранзано стал главой одного из отрядов местной «Коза Ностра».

Ему исполнилось тридцать девять лет, когда он покинул

родные места, отправившись в Америку. Скорее всего, Сальваторе Маранзано захотел устроить свою жизнь с тем же комфортом, с каким жили первые поколения выходцев сицилийской «Коза Ностра».

Ко времени убийства Джо Массериа Сальваторе – владельцу богатого подпольного бизнеса незаконной торговли спиртными напитками – было сорок два года и он был женат. Его жену звали Элизабет. Но ни в одной из биографий Сальваторе Маранзано нет ни слова о том, где и когда он познакомился с Элизабет. Неизвестно, иммигрировал ли он будучи женатым, или женился на Элизабет уже будучи богатым мафиози. Неизвестно также, были ли у них дети.

Но, так или иначе, смерть Джо Массериа открыла дорогу властному, энергичному гангстеру и опытному бизнесмену в верха преступного мира. Спустя две недели после убийства Джо Массериа он организовал грандиозное собрание всех главарей криминальных семейств для обсуждения дальнейших планов нью-йоркских мафий. Время и место этого собрания держались в строжайшем секрете, ни в одном историческом документе нет даже намека о месте встречи. Известно лишь, что в банкетном зале одной из гостиниц северного района Нью-Йорка собралось около пятисот гангстеров.

Сальваторе Маранзано изложил участникам секретного собрания свой план преобразования гангстерских организаций Нью-Йорка. Он впервые предложил создание структуры, впоследствии ставшей основой нового поколения нью-йоркских мафий: образовать пять мафий, которые бы смогли более успешно, в мирном соревновании друг с другом, пополнять свои кошельки миллионами долларов. Все участники секретного собрания с энтузиазмом восприняли предложения Сальваторе Маранзано, который был избран боссом и вождем всей пятерки мафий. По предложению самого Сальваторе Маранзано его титул стал именоваться не «босс боссов», а «босс всех боссов». По-итальянски – *Capo Di Tutti Capi* .

На том же собрании Сальваторе Маранзано назначил Чарльза Лучиано своим первым помощником, первым в списке высших командующих пятеркой нью-йоркских мафий. Следующие по значению командные функции в штабе бывшего священника были распределены между известными к тому времени в Нью-Йорке главарями криминальных семейств Джозефом Профаси, Винсентом Мангано и Томасом Гаглиано.

Кроме того, были организованы пять нью-йоркских мафий, выбраны их главари. Чарльз Лучиано к своей высокой должности главного заместителя «босса всех боссов» присовокупил

главенство мафией, принадлежавшей покойному Джо Массериа. Джозеф Профаси остался в должности главаря и собственника своей мафии в южном районе Нью-Йорка на Лонг-Айленде. Четвертый по командному значению Томас Гаглиано возглавил мафию ушедшего в отставку мафиози Рэйна Тамили. Мафиози Фрэнку Скализе досталась мафия, ранее принадлежавшая покойному Сальваторе Де Эквуила. И наконец, Джозеф Бонанно стал главой пятой мафии, сформированной из гангстеров разных криминальных профессий и профессиональных убийц.

Спустя месяц после секретного собрания «босс всех боссов» объявил о создании под его руководством Комиссии, члены которой должны пристально наблюдать за поведением гангстеров всех пяти мафий, рядовых членов и главарями. Сальваторе Маранзано, прежде всего, имел в виду их безукоризненное подчинение его указаниям. Он представил членам Комиссии написанные им правила поведения подчиненных, ничем не отличавшиеся от правил поведения членов любой мафии, изложенных в кодексе «Омерта». Один из пунктов запрещал не только членам Комиссии, но и каждому члену всех криминальных семейств обсуждать с кем бы то ни было, даже со своими женами, любые ситуации и факты, касающиеся деятельности мафий Нью-Йорка. За нарушение полагалась смертная казнь.

Постепенно строгости Сальваторе Маранзано ко всем членам кланов и пренебрежение мнением своих подчиненных стали вызывать раздражение даже у его ближайших помощников. И прежде всего у Чарльза Лучиано. Ему стало казаться, что Сальваторе Маранзано более амбициозен и деспотичен с подчиненными, нежели Джо Массериа.

«Босс всех боссов» порой откровенно признавался Чарльзу Лучиано в том, что желает власти, как у императора Римской империи. Для демонстрации своего императорского величия Сальваторе Маранзано вскоре отдал распоряжение о захвате этнических рынков сбыта наркотиков и объектов рэкета. Борясь «за чистоту рядов», Сальваторе Маранзано запретил главам кланов зачислять в свои отряды – даже в виде рядовых гангстеров – людей, не являвшихся выходцами из Италии. Он потребовал от Чарльза Лучиано немедленно порвать деловые отношения с его давним и близким другом Мейером Лански, возглавлявшим криминальное семейство в еврейской общине Нью-Йорка.

Мейер Лански родился в семье польских евреев, выходцев из Белоруссии (Гродно). В 1911 году, когда ему было девять лет, его семья иммигрировала в Соединенные Штаты и поселилась в Нью-Йорке. Став взрослым, Мейер Лански вступил в ряды еврейской мафии, орудовавшей в восточных районах Нью-Йорка. С годами

он стал знаменитостью, прославившись в преступном мире созданным им синдикатом карточных игр.

Казино Мейера Лански были открыты не только в Нью-Йорке, но и в Лас-Вегасе, Майами, Новом Орлеане и даже в Гаване. Он создавал свой криминальный синдикат на паритетных условиях с близким другом Чарльзом Лучиано. Их содружество длилось годами. Оно успешно продолжалось в те времена, когда Чарльз Лучиано примкнул к первой криминальной семье в Нью-Йорке, образованной выходцами из Сицилии. Деловые и личные отношения Чарльза Лучиано с Мейером Лански продолжились и тогда, когда властью над пятью мафиями итальянских гангстеров завладел Сальваторе Маранзано.

Приказ «босса всех боссов» порвать все связи с Мейером Лански и больше не допускать его к совместным операциям с любой из пяти мафий выходцев из Италии до предела возмутило не только самого Чарльза Лучиано, но и его друзей, в свое время совершивших покушение на Джо Массериа: Вито Дженовезе и Альберта Анастасиа. И в конце концов они решили выйти из преступной организации Сальваторе Маранзано.

Неизвестно, каким образом их план стал известен Сальваторе Маранзано. Никто из его соратников не выдал источник информации, в газетах об этом тоже не было ни полслова. Без сомнения, Сальваторе Маранзано оказался в курсе того, что задумала троица. «Босс всех боссов» стал разрабатывать свой план: он решил устранить всех предателей. И чем скорее, тем лучше.

Сальваторе Маранзано назначил встречу с ними на 10 сентября 1931 года в своем офисе. Это была их последняя встреча. В 13.45 Сальваторе Маранзано позвонил в соседний офис номер 926, убедиться в том, что нанятый им убийца Винсент Колл, прозванный «Бешеным псом», ждет его сигнала. «Я готов», – ответил Колл на звонок «босса всех боссов».

«Подожди еще пятнадцать минут, а потом действуй!» – скомандовал Сальваторе Маранзано.

Но и Чарльз Лучиано каким-то образом узнал о том, что должно было произойти. И тогда он вместе с Вито Дженовезе и Альбертом Анастасиа разработал ответный план. В его осуществлении важную роль сыграл Мейер Лански.

В тот же день в 13.50 на девятом этаже дома номер 230 на Парк-авеню появились четверо нанятых Мейером Лански убийц, переодетых в форму полицейских детективов. Не дав охранникам Сальваторе Маранзано опомниться, они разоружили их и связали по рукам и ногам, завязав рот пропитанными спиртом тряпками. Не медля ни секунды, они вошли в офис номер 925 и выпустили

заряд пуль в голову «босса всех боссов».

Когда они вышли из офиса покойника, навстречу им по коридору бежал перепуганный Винсент Колл. Ему было велено немедленно убираться вон, в противном случае ему придется попрощаться с жизнью. Счастливый Винсент сломя голову пустился вниз по ступеням дома и тут же исчез с глаз фальшивых детективов. Убийцы Сальваторе Маранзано развязали его охранников и отпустили.

Через пару дней Сальваторе Маранзано без почестей и восхвалений был похоронен на нью-йоркском кладбище Сен-Джонс-Семетри. Ему было сорок пять лет. На том же кладбище рядом с его могилой, но почти тридцать три года спустя была похоронена его жена Элизабет.

Прошло почти пять месяцев с тех пор, как не стало Джо Массериа, на смену которому пришел Сальваторе Маранзано. Теперь не стало и Сальваторе Маранзано. Ему на замену временно пришел Джозеф Бонанно. Но по требованию Чарльза Лучиано его не стали величать «боссом всех боссов». Чарльз Лучиано категорически заявил, что это звание больше не будет присваиваться преемникам наследия «Коза Ностра». «При моей жизни оно никогда не воскреснет. Это имя навсегда ушло в могилу вместе с человеком, заслужившим это наказание», – заявил тогда Чарльз Лучиано.

По его настоянию были изменены названия всех пяти гангстерских организаций, доминировавших в те годы в преступном мире Нью-Йорка. Они стали именоваться криминальными семействами объединенной мафии. И с тех пор каждое из этих семейств нарекалось именем своего нового владельца. Джозеф Бонанно сошел с поста Сальваторе Маранзано, получив в свои руки его прежнюю преступную организацию, названную «Семейство Бонанно».

Джозеф Бонанно вынашивал планы завладеть властью всего преступного мира Нью-Йорка. Но его чрезмерные амбиции быстро рассеялись в прах, и он потерял свой авторитет. Его преступная активность и организаторские способности оказались несравнимыми даже со способностями покойного властителя пятью мафий Нью-Йорка. Но авторитет Чарльза Лучиано возрастал день ото дня.

Счастливчик «Лаки» Лучиано

Чарльз Лучиано стал известен за пределами преступного мира Нью-Йорка уже спустя два месяца после того, как организовал покушение на Сальваторе Маранзано. Слава о нем докатилась до Чикаго, Кливленда, Майами и даже Лос-Анджелеса, где к тому времени тоже начали действовать

гангстерские отряды выходцев из Италии. Свою известность Чарльз Лучиано завоевал благодаря тому, что 2 ноября того же 1931 года объявил о создании первой в истории организованной преступности США Комиссии надзора за деятельностью пяти доминировавших в Нью-Йорке криминальных семейств. Иначе – надзор за мафиями, созданными беженцами из Сицилии.

Комиссию возглавил сам Чарльз Лучиано. В ее состав он включил пять главарей криминальных семейств, из которых состояли мафии покойного Сальваторе Маранзано. Консультантом комиссии по рекомендации Чарльза Лучиано стал представитель еврейской мафии Нью-Йорка, его давний друг Мейер Лански. Эту комиссию, обладавшую большими полномочиями, прозвали «Правительственной комиссией».

Ее члены имели право разрешать конфликтные ситуации, возникавшие во взаимоотношениях криминальных семейств. Их решения считались окончательными и подлежали немедленному исполнению. «Правительственная комиссия» обладала полномочиями раздела городской территории между криминальными семействами для сбыта наркотиков и сбора «налогов» от владельцев иного бизнеса, согласившихся под угрозой смерти подписать с представителями мафии секретные контракты рэкета.

Но тем не менее реальные условия жизни реорганизованной мафии в большинстве случаев диктовались намерениями и прихотями главарей криминальных семейств, а не решениями «Правительственной комиссии». И Чарльз Лучиано это прекрасно понимал, поэтому всегда был крайне осторожен во взаимоотношениях со своими подчиненными. И, кроме того, Чарльз Лучиано, имевший большую власть не только как глава «Правительственной комиссии», но и как босс «Семейства Лучиано», всегда доверял инстинкту в отстаивании личных интересов. В его ближнем окружении находились только лояльно настроенные к нему люди, которым он мог доверять свои секреты и чувства. Первым помощником Чарльза Лучиано стал Вито Дженовезе, а вторую позицию в своей криминальной структуре босс доверил Альберту Анастасиа. По предложению Мейера Лански неофициальным советником Чарльза Лучиано стал член еврейской мафии Нью-Йорка Бакси Сигел.

Чарльз Лучиано родился 24 ноября 1897 года на Сицилии, в небольшом городке Леккара-Фридди. Его родители, Энтони и Розалина, кроме него имели еще четырех детей: Бартоломео, родившегося до Чарльза, а после него – Джузеппе, Филиппа и Сонсетта. Когда Чарльзу исполнилось десять лет, его семья покинула Сицилию и в очередном потоке иммигрантов

перебралась в Нью-Йорк.

Еще в юношеские годы у Чарльза, или, как его звали, Чарли, появилась тяга к нарушению закона. Он промышлял воровством и даже попытался организовать собственную банду уличных гангстеров. Когда Чарли было за двадцать, он слыл уже опытным в воровстве и ограблениях домов, вымогательстве денег у богатых людей и торговле наркотиками. Спустя несколько лет Лучиано познакомился с гангстером из еврейской мафии Мейером Лански, ставшим его близким другом на долгие годы.

Тогда же Чарльз нашел себе друзей в лице Вито Дженовезе и Альберта Анастасиа. Они умудрились совместно организовать подпольное производство спиртных напитков в Филадельфии – подальше от нью-йоркских агентов ФБР, опытных в борьбе с гангстерами многочисленных мафий этнических общин этого города. Эта троица наладила незаконный ввоз в США виски из Шотландии и Канады и доставку запрещенного товара по городам страны.

Тогда же Чарльз Лучиано примкнул к карточному бизнесу своего друга Мейера Лански. Архивные документы, касающиеся жизни Чарльза Лучиано в конце 20-х годов, утверждают, что его личный доход от криминального карточного бизнеса и незаконной торговли спиртными напитками составил в 1925 году 12 миллионов долларов. По тем временам это была баснословная сумма. Двадцативосьмилетний мафиози стал одним из богатейших людей США.

Во время восхождения на престол преступного мира Чарльза Лучиано в США разгорелась кровавая война между конкурировавшими мафиями иммигрантов из Италии, преступными организациями выходцев из Ирландии и бандами беглецов из России еврейского происхождения. Война достигла апогея в 1931 году, когда были убиты не только Джо Массериа и Сальваторе Маранзано, но не менее сотни мафиози более низкого ранга. Немалую роль в ней сыграли тайные фракции мало кому тогда известных гангстеров, которыми руководили Вито Дженовезе, Альберт Анастасиа, Фрэнк Костелло и только что появившийся на сцене организованной преступности Карло Гамбино. Чарли Лучиано, дирижируя их преступной деятельностью, хитроумно пытался влиять то на одну, то на другую сторону. В конце той драматической войны Лучиано чуть было не расстался с жизнью.

Однажды, когда рано утром он вышел из своей машины возле подъезда дома, где находился его офис, неизвестные люди скрутили ему руки, затащили в машину и увезли на побережье Гудзона, в то место, где река бурным потоком впадает в

Атлантический океан. Прибыв на берег, они вытащили Чарльза Лучиано из машины и под дулом пистолета стали зверски избивать. Один из них дважды пырнул Чарльза Лучиано ножом. Когда Чарли потерял сознание, бандиты сбросили свою жертву в Гудзон. Убежденные в том, что он уже никогда не вернется, бандиты скрылись.

Чарльз Лучиано чудом выжил. Именно тогда он и получил прозвище Charlie «Lucky» Luciano (Счастливчик Чарли). Как утверждает историческая хроника «Последний завет Лаки Лучиано» (*The Last Testament of Lucky Luciano*), изданная в США в 1974 году, избитый, окровавленный, Чарльз Лучиано с невероятным трудом из последних сил смог выбраться на берег. Но он настолько обессилел, что не смог встать на ноги. Чарльз упал бездыханным на песчаный берег.

Сколько времени Чарльз пролежал в беспамятстве, неизвестно. Его спасли случайные прохожие. Они увезли беднягу в госпиталь. Там его подлечили и через несколько дней окрепшего Чарльза Лучиано выписали домой. Но шрамы на теле и прищуренный после травмы правый глаз остались ему вечной памятью о том ужасном дне.

В той же исторической хронике и в ряде других исторических изданий высказывались различные предположения о том, кто мог организовать покушение на жизнь Счастливчика Чарли. Авторы ссылаются на мнение Мейера Лански, однажды высказанное репортерам нью-йоркских газет. Он якобы раскрыл секрет той ужасной истории. Лански сказал, что убийство Чарльза Лучиано было организовано по указанию Сальваторе Маранзано накануне того дня, когда он пришел к власти самой крупной в Нью-Йорке криминальной организации.

Но эта версия категорически отрицалась авторами хронологических сведений о развитии в США криминальных организаций, созданных выходцами из Сицилии. Они основывались на том факте, что, как только Сальваторе Маранзано пришел к власти, он тут же – спустя двенадцать часов после неудавшегося покушения на Чарльза Лучиано – назначил его своим первым заместителем. Зачем же нужно было «боссу всех боссов» убивать человека, который был его доверенным лицом и которому, в соответствии со статусом первого заместителя, он был готов завещать свое кресло главы мафии в случае несчастья с ним самим.

По сей день неизвестно, что произошло в тот роковой день с Чарльзом Лучиано. Скорее всего, эта история останется тайной во веки веков. Те, кто знал правду, держали язык за зубами. Теперь эти люди уже ушли в мир иной. До последнего дня своей жизни

молчал об этой трагедии и сам Чарльз Лучиано. Может быть, он и был тем, кто знал организатора покушения.

Шли годы, эта история постепенно теряла актуальность. О ней очень редко вспоминали историки и журналисты нью-йоркских газет. Счастливчик Чарли продолжал с еще большим успехом руководить «Правительственной комиссией». Постепенно его правление переросло в роль командующего всей нью-йоркской мафией, состоявшей из пяти криминальных семейств. Их боссы теряли свой авторитет и власть, которая автоматически переходила в руки Чарльза Лучиано. И тогда он предпринял еще одну попытку реорганизации всей крупнейшей преступной организации Нью-Йорка.

Сначала он решительно изменил стиль одежды и внешний вид. Вероятно, его мучил правый прищуренный глаз, постоянно напоминавший ему о случившейся истории. Кто-то однажды сказал ему, что прищуренный взгляд вызывает недоверие. Чарльз Лучиано стал еженедельно посещать салон мужской красоты, где ему делали массаж лица и новую прическу. Взамен обыденной одежды Счастливчик Чарли купил очень дорогие костюмы, рубашки, шляпы, галстуки и туфли.

Однажды, взглянув в зеркало, Чарли остался доволен собой. Это было в мае 1934 года, когда он назначил срочную встречу с пятеркой вожаков нью-йоркской мафии. Но не в своем офисе, а в гостинице «Уолдорф-Астория» – одной из самых дорогих в Нью-Йорке, где Чарли уже многие годы арендовал роскошную квартиру. Он велел своим подчиненным немедленно приступить к реорганизации их криминального бизнеса.

Чарли изложил им план сокращения затрат на производство спиртных напитков и импорта виски из Шотландии и Канады. Он велел им также умерить аппетиты в сфере рэкета. И предупредил, что, если кто-то превысит установленный им уровень ассигнований, будет строго наказан, вплоть до смертной казни. И приказал подчиненным незамедлительно приступить к созданию синдиката бизнеса проституции. Он объяснил, что содержание борделей и оплата труда проституток потребуют от них намного меньше затрат, чем весь криминальный бизнес, вместе взятый. Зато ежегодная прибыль в сумме составит не менее 20 миллионов долларов.

На той же встрече Чарльз Лучиано заверил своих подчиненных в том, что, владея борделями не только в Нью-Йорке, но и в других городах страны, у них будет надежная, как он выразился, «бронированная протекция» от слежки агентов ФБР. Чарльз Лучиано привел в пример организацию по защите интересов ирландской иммиграции в США – Таммани-Холл. В ее

составе были многие видные общественные и политические деятели, основавшие специальный финансовый фонд помощи иммигрантам из Ирландии.

В историческом издании «Мафия США» говорится, что членами этой организации были даже высокопоставленные персоны судопроизводства и видные адвокаты. По словам мафиози, они обещали ему свою протекцию. Он об этом с гордостью оповестил своих единомышленников, гарантируя им полную безопасность владения почти ста борделями, вскоре появившимися в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Чикаго, Майами, Детройте, Лос-Анджелесе, Лас-Вегасе и ряде других городов. Архивные данные утверждают, что активными помощниками мафии Чарльза Лучиано оказались нанятые им двести «мадам» – женщин, надзиравших над проститутками. Всего же в борделях работало почти полторы тысячи хорошо оплачиваемых проституток.

Но Чарли Лучиано оказался чересчур жадным. Он стал урезать ставки проституткам и жалованье мадам. По его приказу даже за незначительные проступки их избивали его подручные. Все это привело к бунту всех мадам борделей Чарли Лучиано, прозванного ими Мистер Роз.

К ним присоединились сотни проституток, отказавшихся оказывать посетителям борделей интимные услуги. Среди них, как утверждается в документах того времени, было несколько «храбрых» проституток, по всей вероятности предавших Мистера Роз, – Нэнси Призер, Куки Браун и Милдред Харрис. Пользуясь своей властью, с одной из них Чарльз Лучиано пребывал в близких отношениях, как, впрочем, и с другими. Как бы то ни было, агенты ФБР, получившие ценную информацию, напали на след созданного Чарльзом Лучиано первого в истории США синдиката бизнеса проституции.

В июле 1935 года агенты ФБР совершили облаву на восемьдесят борделей мафии Лучиано, разбросанных по городам Соединенных Штатов. Сотни проституток были арестованы. Многие из них отпущены на свободу в обмен на обещание снабдить следственные органы сведениями об организаторах борделей. В те дни агенты ФБР впервые узнали, кто такой Мистер Роз. А в том же месяце, почти через год после того, как был образован синдикат бизнеса проституции, Чарльза Лучиано арестовали.

Специальное жюри присяжных заседателей нью-йоркского суда, созванное для рассмотрения уголовного дела Чарльза Лучиано, потребовало заменить местного прокурора заместителем генерального прокурора США Томасом Дивэем,

ставшим через несколько лет губернатором штата Нью-Йорк.

Томас Дивэй заново провел расследование дела Чарльза Лучиано. Чарльз Лучиано, находившийся на свободе под залог очень большой суммы, сбежал в штат Арканзас, в город Хат-Спрингс, где находилась гангстерская банда беглеца из Сицилии Оуни Маддена. Через пару дней полиция разыскала беглеца. Мистера Роз арестовали и в кандалах вернули в Нью-Йорк.

Суд над Чарльзом Лучиано начался в середине февраля 1936 года, но продлился недолго – всего неделю.

Чарльз Лучиано был признан виновным. Главным пунктом обвинения являлось его лидерство в руководстве самой многочисленной преступной организации Нью-Йорка.

До вынесения приговора Чарльзу Лучиано федеральный судья Марк Мас-Кук молча сидел в своем кресле несколько минут, пристально вглядываясь в глаза подсудимого. Потом встал и еще раз пристально посмотрел на Лучиано. «Ты самый порочный преступник, который когда-либо был осужден здесь. Я первый раз выношу приговор человеку, который совершил столько преступлений и был столь недоброжелателен к своим подчиненным, – тихо, но с явным отвращением произнес федеральный судья. – Ты приговорен к пятидесяти годам тюремного заключения». Судья Марк Мас-Кук наверняка понимал, что этот приговор равносилен пожизненному пребыванию подсудимого за решеткой. В день вынесения приговора Чарльзу Лучиано исполнилось тридцать девять лет.

Чарльза Лучиано отправили в тюрьму особого режима «Клинтон коррекшионал фасилити», которая находилась в маленьком городке Даннемора в штате Нью-Йорк. Здесь содержались крайне опасные преступники. Но Чарльз Лучиано умудрялся и из тюремной камеры руководить мафией. Он даже не представлял себе, что его заключение может послужить причиной лишения его титула босса. Более того, с первого дня своего заточения в камеру Чарльз Лучиано предупредил своих подчиненных, что в случае неподчинения его распоряжениям они будут серьезно наказаны, вплоть до смертной казни.

Как свидетельствовал прославленный информатор ФБР Джозеф Валачи в своей книге «Документы Валачи» (*The Valachi Papers*), изданной в Нью-Йорке в 1972 году, после ареста Чарльза Лучиано его первым помощником оставался Вито Дженовезе. Он регулярно, порой по два раза в неделю, навещал своего босса. И с разрешения охраны иногда беседовал с ним в комнате для свиданий не менее получаса. Вито Дженовезе передавал все приказы Чарльза Лучиано лидерам криминальных семейств его мафии.

Но в 1937 году Вито Дженовезе прервал тайные свидания со своим боссом, опасаясь, что его привлекут к ответственности за роль связного с Чарльзом Лучиано. И, кроме того, Вито Дженовезе боялся раскрытия его прежних убийств. Однажды втайне от всех он сбежал в Италию и поселился в Неаполе, где тут же примкнул к местной мафии. Его место занял Фрэнк Костелло, который тоже долгие годы был близок к Чарльзу Лучиано. Остается загадкой, как удалось всего через пару месяцев сместить его с этого почетного поста и заменить Альбертом Анастасиа. Сам Чарльз Лучиано не имел понятия, как это произошло. Он был в шоке. Но, как утверждал автор книги «Документы Валачи», Лучиано не стал возражать по поводу выдвижения Альберта Анастасиа, который был профессиональным киллером.

Жизнь Чарльза Лучиано в тюремной камере год за годом текла без особых приключений. Однако через десять лет с ним произошло ошеломляющее событие. В ноябре 1945 года в тюрьму неожиданно прибыл адвокат Мозез Поляков. Он сразу же увез арестанта в другую нью-йоркскую тюрьму, Пароль Боард, в которой находилась одна из специальных служб рассмотрения дел о досрочном освобождении заключенных.

Правовые условия досрочного освобождения зависели от юридического статуса заключенного и причин его ареста. Поскольку Чарльз «Лаки» Лучиано не был уроженцем США, он мог воспользоваться по своему собственному желанию некоторыми привилегиями американского законодательства. Ему предоставлялась возможность причислить себя к числу зарубежных уголовников, просидевших в тюрьме США не менее десяти лет и получивших право быть отпущенными на свободу при условии немедленной депортации на родину.

Дело Чарльза Лучиано слушалось несколько часов. В зале заседания членов комиссии выступали жертвы рэкета, проститутки, прокуроры, адвокат Мозез Поляков и сам подсудимый. В конце концов члены комиссии вынесли решение о депортации Чарльза Лучиано в Италию. Чарльз Лучиано согласился с этим решением, но попросил несколько минут для своего заключительного комментария к неожиданному для него повороту событий.

Он сообщил членам комиссии, что прибыл в США десятилетним ребенком и считает Америку родной страной, которую не желает навсегда покидать. Он попросил членов комиссии спустя некоторое время разрешить ему вернуться в Соединенные Штаты. Но его просьба была отклонена, а дело поступило на рассмотрение губернатора штата Нью-Йорк.

К тому времени губернатором этого штата стал хорошо знакомый Чарльзу Лучиано человек – бывший прокурор Томас Дивэй. Он согласился с решением комиссии специальной федеральной службы и в феврале 1946 года подписал официальный документ о предоставлении Чарльзу Лучиано документа об освобождении при условии немедленной депортации в Италию.

В холодный февральский вечер 1946 года корабль «Лаура Кин» был готов к отплытию в Италию. Гангстеры пришли в гавань проститься со своим боссом. Среди провожавших Чарльза Лучиано был и Альберт Анастасиа.

Все видели, как Чарльз Лучиано, опустив голову, быстрыми шагами взбежал по трапу, очутился на палубе корабля и поспешил скрыться в вечерней мгле. «Держись, Лаки! Держись! Мы будем ждать тебя!» Наконец послышался прощальный гудок корабля «Лаура Кин».

Прибыв в Италию, мафиози поселился в Неаполе. Все его миллионы были переправлены по месту нового жительства, и Чарльз Лучиано не испытывал никаких затруднений при устройстве жизни на новом месте. К тому же он опять вернулся в хорошо знакомый ему преступный мир, примкнув к мафии Неаполя. Опытный Чарльз Лучиано быстро наладил контакты с дельцами наркобизнеса. С тех пор его дистрибьюторы стали регулярно поставлять в Неаполь, Рим и другие города Италии героин и марихуану.

И в дополнение к этому он возобновил связь со своим близким другом Мейером Лански, который вновь занял должность его консультанта, на этот раз по финансовым вопросам. Однажды Мейер Лански, выполняя поручение своего босса, вылетел на Кубу и в Гаване встретился с главой страны – диктатором Фульхенсио Батистой.

А на следующий день после той встречи Мейер Лански вернулся в Нью-Йорк, оповестив Чарльза Лучиано о том, что они получили от Батисты гарантию безопасности на открытие бизнеса азартных игр на Кубе. Как явствует из автобиографии Чарльза Лучиано, опубликованной в США, Мейер Лански дал диктатору Кубы 3 миллиона долларов наличными. Они инвестировали тысячи долларов для открытия в Гаване двух новых ночных клубов с роскошными казино. Так два старых друга с большим успехом продолжили свой криминальный бизнес в стране диктатора Фульхенсио Батисты.

В свободное время Лаки Лучиано посещал богатые рестораны Неаполя, а по вечерам в субботу и в воскресенье проводил время в популярных ночных клубах, которые посещали известные в

Неаполе бизнесмены и знаменитости. Там Чарльз Лучиано познакомился с двадцатилетней танцовщицей Айги Лиссони. Чарли ко времени их знакомства исполнилось пятьдесят лет. Они полюбили друг друга и стали жить вместе.

Начав новую жизнь, Лучиано купил роскошный особняк в привилегированном районе Неаполя. Там пара провела счастливые одиннадцать лет. В архивных документах нет упоминаний об их свадьбе. Скорее всего, Чарльз Лучиано не обращался в соответствующие городские органы на предмет регистрации его брака. Вероятно, по той причине, что условия его депортации почему-то запрещали ему женитьбу в стране пребывания. Но тем не менее они жили счастливо до того дня, когда у Айги Лиссони был диагностирован рак груди. Она умерла в возрасте тридцати одного года.

С тех пор жизнь мафиози перевернулась вверх дном. Он не знал, как жить дальше, и впал в депрессию. Им овладела идея фикс: покончить с условиями депортации и вернуться в Нью-Йорк. Чарльз Лучиано несколько раз обращался в иммиграционное агентство США и лично к губернатору штата Нью-Йорк с просьбой разрешить ему вернуться «на родину». Но каждый раз получал отказ. У него оставался единственный выход: полностью посвятить себя мафии.

Вскоре после смерти Айги Лиссони у него возник серьезный конфликт с Мейером Лански по причине таинственного исчезновения трехмесячных доходов известного в Соединенных Штатах казино «Фламинго» в Лас-Вегасе, которым владел Лучиано. Руководить казино Лански с согласия Лучиано поручил своему близкому другу Бакси Сигелу, который одно время был советником Чарльза Лучиано в Нью-Йорке.

Неизвестно, вернул ли Бакси исчезнувшие доходы Мейеру Лански и какую роль в той мистической истории сыграли тот и другой. Но известно то, что Чарльз Лучиано несколько месяцев не получал оттуда ни цента. Мейер Лански категорически не согласился с Лучиано, потребовавшим отстранения Бакси Сигела от руководства казино и его серьезного наказания.

Их споры не утихали, отношения стали враждебными. Часть денег, положенная Чарльзу Лучиано от дохода казино, больше не поступала в его карман. Прошел месяц, другой, но положение не изменилось, а Бакси Сигел наотрез отказался представить финансовый отчет своему шефу. Его судьба была решена четырьмя выстрелами в затылок неподалеку от дома, в котором он жил в Лас-Вегасе. Никому не известно, кто его убил, кроме организатора покушения.

В январе 1962 года об убийстве Бакси Сигела уже никто не

вспоминал, даже нью-йоркская пресса. Она была поглощена другими чрезвычайными новостями. Агенты ФБР арестовали группу дистрибьюторов кокаина и марихуаны, имевших контакт с бывшей мафией Чарльза Лучиано, которая к тому времени принадлежала Альберту Анастасиа. Их арестовали в подозрении контрабандного ввоза наркотиков в Неаполь, где жил Чарльз Лучиано.

Через несколько дней после их ареста депортированного из США мафиози вызвали в Рим, где его ожидали агенты итальянской службы безопасности. Во время допроса он категорически отрицал какую-либо связь с арестованными дистрибьюторами, которые тайно ввозили кокаин и марихуану в Неаполь. «Я никакого отношения не имею к их контрабанде, – уверял он агентов. – Мои руки чисты. Я соблюдаю условия депортации». Чарльз Лучиано попросил агентов прекратить допрос и дать ему возможность немедленно вернуться в Неаполь, где у него была назначена встреча с продюсером и режиссером фильма, съемки которого уже начались в том городе.

«Этот фильм посвящен моей жизни. Вы это понимаете? Я не наркодилер», – убеждал он агентов службы безопасности.

Чарльз Лучиано был освобожден от допроса, и ему разрешили вернуться в Неаполь, где его действительно ждали продюсер и режиссер, которые уже начали съемки фильма, посвященного жизненной истории прославленного мафиози Чарльза Лучиано. Вбежав в зал аэропорта Рима, Чарльз Лучиано неожиданно потерял равновесие и упал на пол. Через несколько секунд мафиози умер от разрыва сердца. Ему было шестьдесят пять лет.

Если условия депортации не разрешали Чарльзу Лучиано зарегистрировать брак с Айги Лиссони, то просьба похоронить его в «родной стране», высказанная им в завещании, была выполнена. Его тело отправили в Нью-Йорк. В похоронах мафиози участвовало около двух тысяч человек: знакомые, друзья, просто любопытные, гангстеры нью-йоркских мафий, полицейские и агенты ФБР, которым было полезно побывать на прощальной процедуре со знаменитым мафиози, и, конечно, множество репортеров местной прессы.

Чарльз Лучиано был похоронен на кладбище Сен-Джонс-Семетри рядом с могилой Сальваторе Маранзано.

Лорд Палачей

Он был среднего роста, крепкого телосложения, с курчавыми черными волосами, речь его была немногословной, порой грубой. Он не признавал компромиссы и не терпел, когда его прерывали. Его решения многих серьезных проблем всегда приводили к

убийствам – наилучшим средствам прекращения конфликтов, наказаний или ухода от негативных ситуаций. Так его описывал Джон Дэвис, автор книги «Династия мафии» (*Mafia Dynasty*).

Человек по прозвищу Лорд Палачей владел еще преступной «семьей» наемных убийц, названной впоследствии историками «Корпорацией убийц». Тот самый Альберт Анастасиа – близкий друг и помощник Чарльза Лучиано, убивавший его недругов с такой же легкостью и простотой, с которой люди убивают мух, завладевший принадлежавшей Лаки нью-йоркской мафией.

Альберт Анастасиа родился в Италии, в небольшом провинциальном городке Тропиа, 26 сентября 1902 года. Он сбежал из Италии, когда ему было пятнадцать лет, незаметно для служащих погранохраны забравшись на корабль, отправлявшийся в Нью-Йорк, в одной рубашке и в рваных штанах вместе со своим шестнадцатилетним братом Тони. Альберт поселился у своих родственников, за год до него сбежавших из Италии и довольных своей судьбой в общине «Маленькая Италия».

Через пару месяцев после приезда в Нью-Йорк Альберт нашел себе работу в том же порту, куда прибыл из Италии. Он стал работать грузчиком и тогда впервые проявил свой несдержанный, буйный нрав. Случилось так, что у него возник спор с другим грузчиком по поводу того, нужно ли им немедленно перегружать товар из одного грузового судна в другое или ждать распоряжений начальства. Альберт хотел приступить к работе немедленно, партнер возражал. И Альберт разбушевался. Потеряв над собой контроль, он затеял драку и пырнул грузчика ножом в грудь, потом свалил на пол и задушил.

Полиция сразу же арестовала Альберта по обвинению в убийстве. Когда слушалось дело, в суд были вызваны свидетели – грузчики бруклинского порта. Они подробно рассказали все, что случилось в тот роковой день, подтвердив обвинение прокуроров Бруклинского района Нью-Йорка. Убийца был приговорен к высшей мере наказания – смертной казни.

Альберта Анастасиа отправили в Синг-Синг (что означало «Пой, пой») – особую тюрьму для смертников. Странное название тюрьмы однажды вызвало у одного из заключенных желание сочинить песенку, которая начиналась такими словами: «Пой, пой, мой дорогой! Тебе осталось не так уж много времени. Пой, пой, а завтра уйдешь на покой».

Однако адвокат обжаловал решение суда. Смертная казнь была задержана, но повторное рассмотрение дела состоялось лишь через восемнадцать месяцев. Агенты полиции вновь провели расследование и вызвали всех шестерых свидетелей, дававших ранее показания в суде.

Но произошло событие, удивившее не только агентов полиции и прокуроров, но и репортеров нью-йоркской прессы. Они назвали это «громом средь ясного неба»: во время повторного допроса все шесть свидетелей уголовного дела Альберта Анастасиа отказались от своих прежних показаний. Они заявили агентам полиции о невиновности подсудимого. Как следовало из их новых показаний, спор и драку затеял не Альберт Анастасиа, а его коллега по работе. И что якобы тот пытался убить Анастасиа, а последний был вынужден защищать свою жизнь. Суд принял решение об аннулировании предыдущего приговора и освобождении Альберта Анастасиа. На следующий же день четыре главных свидетеля уголовного дела бесследно исчезли.

В историческом издании Николаса Гейджа приводится еще и другой факт: «Корпорация убийц» закончила свое существование не по желанию Альберта Анастасиа, а по причине предательства одного из гангстеров этой криминальной организации. Он сообщил полиции информацию о нахождении ее штаба – в одном из магазинов нью-йоркского района Бруклин, торговавшем шоколадными конфетами, – и передал полицейским агентам список «Корпорации убийц».

Предателем оказался некто Абэ Релес, сидевший в тюрьме по обвинению в покушении на жизнь человека, не выполнившего свои обязательства по ежемесячной выплате «налога» рэкетирам мафии Альберта Анастасиа. Его предательство, вознагражденное иммунитетом дальнейшего судебного преследования, позволило полиции арестовать почти всю верхушку «Корпорации убийц».

Когда его предательство стало известно Альберту Анастасиа, он немедленно дал приказ об убийстве Абэ Релеса, но тот после показаний в суде был вывезен из тюрьмы и помещен под тщательную охрану полиции в номер гостиницы «Полумесяц» в южной окраине Нью-Йорка. Тем не менее на следующий день Абэ Релес был убит: кто-то вышвырнул его из окна комнаты на третьем этаже, и он ударился головой об асфальт.

Тайна смерти предателя никогда не была раскрыта. Но с тех пор – а это произошло в 1941 году – «Корпорация убийц» перестала существовать, но прозвище Лорд Палачей сохранилось за Альберто Анастасиа до конца его жизни, так же как и безжалостность к жертвам и патологическая страсть к оружию.

Но что бы там ни было, его жена Эльза никогда не соглашалась с высказываниями историков о муже, мафиози Альберте Анастасиа. Она всех уверяла в том, что он никогда не носил с собой оружия и чуть ли не со слезами на глазах рассказывал ей о гибели своих противников.

Свадьба Альберта Анастасиа и Эльзы состоялась в Нью-Йорке

в 1937 году. Ей было девятнадцать лет, ему тридцать пять. «Он был семейным человеком, который никогда не повышал голос, никогда не произносил плохих слов, никогда не грубил и всегда был ласков со мной и детьми, – заявляла Эльза в одном из октябрьских номеров «Нью-Йорк таймс» 1957 года. – Я никогда не видела его пьяным. Но он курил сигареты. Курил много. Мой муж никогда не приходил домой после девяти часов вечера. Мы часто ходили в кинотеатры, а по воскресеньям посещали молебны в церкви, которая находится неподалеку от дома. Он всегда щедро жертвовал на церковь».

В начале 50-х годов прошлого столетия Альберт Анастасиа активно участвовал в расширении на Кубе рынка карточных игр. Он захватил там руководство этим видом бизнеса и перестал делиться доходом со своими партнерами из других нью-йоркских мафий, включая Мейера Лански, утратившего лидерство на Кубе. Его казино терпели убытки, а казино Альберта Анастасиа процветали.

Эта ситуация вынудила Мейера Лански привлечь на свою сторону Вито Дженовезе. И оба они решили встретиться с Альбертом Анастасиа для переговоров о возврате к прежнему равному дележу доходов. Тот отказался от переговоров. Тогда к Лански и Дженовезе примкнул Фрэнк Костелло, который обвинил Альберта Анастасиа в воровстве денег из их общего дохода от карточных игр.

14 мая 1957 года, когда Фрэнк Костелло вышел из машины и пошел к подъезду своего роскошного дома, ему навстречу заторопился незнакомец. «Привет, Фрэнк! – выкрикнул он. – Это для тебя». И выстрелил в него один раз. Но пуля лишь задела голову Костелло. Прохожие тут же вызвали скорую помощь, и Фрэнка отвезли в госпиталь. Уже наутро со шрамом на голове он возвратился домой.

Это странное покушение на жизнь Фрэнка Костелло вызвало острые дискуссии между Вито Дженовезе и Мейером Лански. Кто мог организовать покушение на их компаньона? Человек, который так неудачно выстрелил в свою жертву, скрылся, не оставив никаких следов. Но в конце концов мафиози пришли к выводу о том, что это Альберт Анастасиа подослал наемного убийцу. И тогда у них возникла ответная идея покушения на Лорда Палачей.

Они понимали, что это опасно, потому как охранники Альберта Анастасиа никогда не покидали своего босса и всегда сопровождали его даже в уборную. И тогда Вито Дженовезе и Мейер Лански решили привлечь на свою сторону Карло Гамбино.

Их тайная встреча состоялась в начале октября 1957 года.

Неизвестно, к какому решению пришел Гамбино. Скорее всего, как предполагают некоторые историки, он наверняка сочувствовал плану Вито Дженовезе и Мейера Лански. Но, может быть, и остался в стороне от всего того, что произошло 15 октября 1957 года.

К десяти часам утра охранники Альберта Анастасиа сопроводили босса к отелю «Шератон», где находилась его излюбленная парикмахерская. Они припарковали машину в гараже того же здания, проводили мафиози в парикмахерскую, вышли на улицу покурить.

Некоторые знающие люди впоследствии утверждали, что охранники Альберта Анастасиа были в курсе последующих событий и умышленно покинули Лорда Палачей в самый драматический момент его жизни. Может быть, охранников подкупили.

Когда Альберт Анастасиа зашел в парикмахерскую, его с поклоном и радостной улыбкой встретил хозяин салона Артур Грассо и усадил своего давнего клиента в его любимое кресло. Подбежал парикмахер Джо Боччино, который стриг Альберта Анастасиа уже многие годы. Они сначала поговорили о том о сем, а потом Джо Боччино прикрыл своего клиента шелковым покрывалом, и… в этот момент в парикмахерскую вошли два человека в масках. Тут прогремело несколько выстрелов.

Но Альберт Анастасиа все же попытался встать на ноги, и тогда двое киллеров подошли к нему сзади почти вплотную и дважды выстрелили в затылок. Убийцы тут же скрылись, а залитый кровью мафиози свалился на пол. Альберт Анастасиа был мертв. Его убили в точном соответствии с правилами кодекса «Омерта», как и сам Альберт Анастасиа вместе с Вито Дженовезе двадцать шесть лет тому назад стрелял в затылок Джо Массериа.

Убийство Альберта Анастасиа не было раскрыто. А кресло, в которое за пару минут до конца жизни с удобством уселся Лорд Палачей, владелец той парикмахерской Артур Грассо спрятал на долгие годы. И только лишь в июле 2006 года оно оказалось в списке реликвий и как «кресло Альберта Анастасиа» было представлено на нью-йоркской выставке, посвященной истории образования в США организованной преступности выходцами из Италии. Альберт Анастасиа был похоронен в Нью-Йорке на кладбище «Зеленый лес» (*Green Wood*) без всяких почестей. А его наследство – колоссальная по численности мафия, состоявшая из пяти криминальных семейств, – не досталось тому, кто этого ожидал, – Вито Дженовезе. Как потом выяснилось, тот мечтал о захвате короны «босса боссов» еще при Чарльзе Лучиано. Но боялся с кем-нибудь поделиться своими планами. Наследство

Лорда Палачей перешло в руки малоизвестному в те времена Карло Гамбино.

С тех пор в мире организованной преступности произошел ощутимый переворот. По свидетельству авторитетных исторических изданий, началось зарождение нового поколения мафий, начисто изменивших преступный облик уголовного мира. Вскоре его ядовитые корни расползлись из Нью-Йорка по многим городам страны. Лидером этого молодого поколения мобстеров, как стали называться мафиози, и создателем исторического клана криминальных семейств стал легендарный Карло Гамбино – патриарх будущего потомства «итальяно-американских мафий», изменивших расстановку сил на фронте тайной войны с криминальным миром.

ГЛАВА 2

Палермо

Был мрачный, холодный вечер. Резкий ветер порывами дул со стороны Атлантического океана, застилая туманом бухту портового города Норфолка. Около девяти часов вечера 23 декабря 1921 года к одному из причалов этой бухты подошло грузовое судно «Винченцо Флорио» из Палермо, столицы Сицилии. Оно было нагружено лимонами, мандаринами, бутылями оливкового масла и сотнями контрабандных бутылей с итальянским вином и виски. На судне был единственный пассажир – Карло Гамбино. Он вышел на палубу, с интересом всматриваясь в туманную мглу. Гамбино был одет в прекрасный новый костюм, сшитый перед отъездом из Палермо, новые модные остроносые туфли и широкополую шляпу. Ему исполнилось всего девятнадцать лет.

Капитан судна вместе со своим единственным пассажиром, который прибыл нелегально без единого документа, сошли на причал и направились к пограничному пункту порта. Карло Гамбино без проблем перешагнул пограничную полосу. Его никто не остановил, не потребовал документы, не спросил имя, фамилию, откуда он и кто такой. Капитан судна указал своему юному компаньону место стоянки машин.

Репортер газеты «Нью-Йорк дейли» Пол Мескил спустя почти сорок лет после прибытия Карло Гамбино в США в одном из номеров той газеты утверждал, что капитан грузового судна «Винченцо Флорио» получил солидную взятку еще в Палермо от отца Карло, по тем временам колоссальную сумму – 10 тысяч долларов. Контролеры иммиграционной и таможенной служб тоже не были обижены.

Еще в Палермо Карло Гамбино был информирован о том, что на стоянке автомашин при выходе из порта Норфолк его будет ожидать легковой автомобиль марки «Форд» с мигающими фарами, на котором его отвезут в Нью-Йорк. Когда он подошел к этому автомобилю и заглянул в окно, то увидел сидевшего за рулем родственника из семейства своей матери по фамилии Кастелано Пола, который позже станет шурином Карло Гамбино, когда тот женится на его сестре Катерине. Тот самый Пол Кастелано, который спустя некоторое время займет позицию первого помощника к тому времени уже прославленного мафиози Карло Гамбино.

По пути в Нью-Йорк Пол рассказал Карло Гамбино, как о нем позаботились родственники его матери. Оказывается, они уже

арендовали для него небольшую квартиру в Бруклине и даже купили необходимую мебель. А в честь его приезда в США сразу же после прибытия в Нью-Йорк будет ужин с участием всего семейства Кастелано. Пол сказал Карло, что он познакомит его с владельцем подпольной фирмы по производству и продаже спиртных напитков. «Выбирай все, что тебе по вкусу, по душе».

В начале XX столетия Сицилией окончательно завладели два криминальных семейства: Кастелано и Гамбино – банды, как их принято было называть, «Уважаемых сообществ». Власть в них передавалась из поколения в поколение.

Они даже породнились, когда дочь босса Кастелано вышла замуж за сына семьи Гамбино. 24 августа 1902 года у них родился сын Карло.

Он с ранних лет знал, кто были ближайшие единомышленники его отца, часто навещавшие их дом, одетые в дорогие костюмы и широкополые шляпы, и чем они занимаются. Ему нравилась их одежда, и однажды Карло стащил шляпу у одного из гостей.

Но он не был за это наказан, ибо воровство в семье было источником благосостояния. Карло научился без рассуждений выполнять распоряжения отца, внушившего сыну, что при всех обстоятельствах о криминальных делах надо держать язык за зубами. И приучил его выполнять кодекс «Омерта», наизусть выученный Карло Гамбино.

Первым испытанием подростка стало зачисление в преступное «Уважаемое сообщество» семьи Гамбино. И тогда же Карло впервые произнес заученную наизусть клятву кодекса «Омерта». И за это в подарок получил пистолет и дорогую широкополую шляпу.

Вскоре почти вся семья Кастелано покинула Палермо. Это произошло в 1920 году. Причиной тому были день ото дня ухудшавшиеся экономические условия жизни людей не только на Сицилии, но и в остальных провинциях страны. Экономический кризис болезненно отразился даже на финансовом положении богатых бизнесменов. Затронул он и семейства Кастелано и Гамбино.

В то время Карло Гамбино впервые зарядил подаренный ему пистолет и отправился на выполнение задания отца. Тогда в Палермо прибыли агенты ФБР для оказания помощи местной полиции, готовившей разгром «Уважаемых сообществ» Кастелано и Гамбино. Возглавлял группу американских агентов офицер ФБР Джозеф Петросино, родители которого еще детьми вместе со своими семействами много лет назад покинули Италию и поселились в Нью-Йорке. Карло Гамбино получил задание убить

его. И убил одним выстрелом в затылок. Свое первое убийство Карло совершил через три месяца после своего совершеннолетия. Все обошлось благополучно. Карло Гамбино бежал в Нью-Йорк. Его не мучили воспоминания о недавнем преступлении и боязнь оказаться в камере смертников. Через несколько недель после приезда в Нью-Йорк по рекомендации Пола Кастелано он сдал экзамен на вождение тяжеловесных грузовых машин, получил водительские права и приступил к работе в компании грузоперевозок.

Одновременно он получил предложение работать в одной из нью-йоркских мафий, в те времена только что создавшей подпольное производство самогонных спиртных напитков. Карло Гамбино больше устраивала работа в мафии. Он сердцем чувствовал, что у него появилась перспектива на лучшее устройство жизни в новой для него стране. Карло Гамбино стал развозить спиртное.

Он быстро адаптировался к новой жизни в Нью-Йорке, был доволен своей работой и приличными заработками. Через некоторое время Карло Гамбино стал продавцом алкоголя. Его боссы были довольны успехами молодого человека, а тот был доволен собой еще больше. Он благодарил судьбу за то, что она предоставила ему возможность жить так, как хотел, и делать то, что хотел. В его карманы текли тысячи долларов. Как утверждал репортер газеты «Нью-Йорк дейли» Пол Мескил, Карло с нескрываемым удовольствием называл себя богачом, коим, по его мнению, никогда бы не стал в Италии.

Успешная карьера Карло Гамбино закрепила за ним мнение знатока торговли нелегальными товарами на международном рынке. Именно поэтому лидер мафии Сальваторе Маранзано переманил Карло Гамбино в свою организацию, где ему выплачивалась самая высокая зарплата в сравнении с той, которая была у рядовых гангстеров того клана. Главари мафии Сальваторе Маранзано предоставили Карло Гамбино полную свободу действий в развитии торговых отношений с криминальными бандами «Коза Ностра» из Палермо. Вслед за расширением рынка торговли с ними самогонными спиртными напитками Карло Гамбино стал с помощью мексиканских картелей налаживать контрабандный ввоз в Палермо героина, кокаина и марихуаны. Его бизнес с бандами развивался успешно. Он был назначен командиром отряда наркоторговцев и контрабандной торговли самодельными винами.

Когда власть из рук Сальваторе Маранзано перешла в руки Чарльза Лучиано, круг обязанностей Карло Гамбино еще более расширился. Под его началом оказался еще один отряд мафии –

отряд профессиональных рэкетиров, которому было поручено взять под свой контроль наиболее богатые рестораны нью-йоркского района Куинс. Карьера Карло Гамбино развивалась быстро, и среди своих коллег по уголовному бизнесу он стал пользоваться репутацией знатока «куда и когда следовало направлять дуло своего пистолета».

А к тому времени Карло Гамбино был уже богачом. Спустя десять лет после приезда из Палермо в Нью-Йорк он построил в бруклинском районе трехэтажный элегантный и очень дорогой особняк с гаражом, в котором парковал машину популярной в те годы марки «Бьюик». А на номерных знаках этого автомобиля были указаны только две большие буквы и одна цифра: CG1. Они означали первые буквы его имени и фамилии, написанные на английском языке (Carlo Gambino), а цифра 1 означала его первое владение одной из лучших машин мира.

Карло Гамбино воздвигнул свой дом в 1931 году, за год до женитьбы. А женился он на сестре Пола Кастелано, которую звали Катерина. Их свадьба состоялась в апреле 1932 года в одном из самых дорогих ресторанов Манхэттена. На ней присутствовало около двухсот человек. Сама свадьба обошлась тогда жениху даже по нынешним временам в баснословную сумму – почти в 100 тысяч долларов. Вскоре в их семье появились дети: один за другим три сына, а потом дочь. По сведениям репортера Пола Мескила, мафиози Карло Гамбино, несмотря на свой резкий и крутой характер, всегда был мягок и уступчив в отношениях с женой Катериной и со своими детьми.

Гамбино умел себя сдерживать и в спорах со своими коллегами по криминальному семейству. Он старался не быть на виду у своих боссов, не появлялся на сходках лидеров мафии. Карло Гамбино всегда был молчалив, пытаясь нивелировать хвалебные отзывы о нем. «Карло был глухонемым и невидимкой» – так с известной долей сарказма утверждал Пол Мескил в своем интервью с членами его семьи спустя год после смерти мафиози.

Осторожность в общениях со своими коллегами и молчаливость во время разговоров с ними вызывали у многих недоверие к Карло Гамбино. Никто не знал, почему это произошло, но тем не менее именно Карло Гамбино Альберт Анастасиа назначил на пост своего первого заместителя всего за несколько месяцев до своей гибели в конце 1957 года. Карло Гамбино было тогда пятьдесят четыре года.

Король без коронации

Спустя почти три недели после убийства Альберта Анастасиа, 14 ноября 1957 года, Карло Гамбино, уже бывший главой мафии, отправился на секретную встречу, названную историками

«Апалачин конвенцией» – самую, пожалуй, многочисленную, по их мнению, тайную сходку высших чинов криминальных семейств. На ней присутствовали исключительно главари мафий из разных городов страны, их заместители и шефы гангстерских отрядов. Всего более сотни человек собрались в огромном имении Джозефа Барбары, одного из бывших приближенных мафиози Сальваторе Маранзано. Это богатое имение, скрытое от посторонних глаз густыми зарослями леса, вплотную примыкало к малонаселенному нью-йоркскому пригороду Апалачин, именно поэтому сходка получила такое название.

Джозеф Барбара уже несколько раз проводил в своем имении секретные сходки высших чинов мафий, но такой многолюдной и значимой не было ни разу. Барбара был уверен в ее безопасности и неприкосновенности со стороны ФБР, так как у него были налажены хорошие отношения с высшими чинами местного отделения нью-йоркской полиции. В одном из автобиографических изданий Джозеф Барбара сообщил, что по просьбе высших чинов криминальных семейств Нью-Йорка сумел подкупить кое-кого из офицеров полицейского департамента неподалеку от пригорода Апалачин. Так ли это – доподлинно неизвестно. По крайней мере, никто из историков того времени не знал, как Джозефу Барбаре удалось установить контакты с чинами нью-йоркской полиции.

Тем не менее все ранее организованные Джозефом Барбарой сходки проходили без всяких проблем. И на этот раз он гарантировал Карло Гамбино стопроцентную секретность и неприкосновенность со стороны полиции. На этих условиях новый глава нью-йоркской мафии дал согласие на участие в сходке. Карло Гамбино приехал в сопровождении четырех ближайших сподвижников, среди них был его шурин – мафиози Пол Кастелано.

Вито Дженовезе разработал повестку дня сходки из четырех пунктов. Первым по счету и важности был пункт о том, будет или нет Карло Гамбино править мафией, власть над которой после убийства Альберта Анастасиа вроде как сама плыла ему в руки. Вито Дженовезе еще пару дней назад сказал Карло Гамбино, что все поддержат его кандидатуру.

Вторым пунктом было обсуждение последствий, ожидаемых всеми мафиями страны в связи с принятым в июле 1957 года законом о запрещении торговли, импорта и употребления любых видов наркотических средств. Участники конвенции должны были продумать новые, более действенные меры секретности.

Третий пункт повестки дня «Апалачин конвенции» касался проблем в связи с нерегулярной выплатой некоторыми главарями

мафий и их замами «членских взносов» в фонд сообщества криминальных семейств. Они предназначались для компенсации расходов на оплату услуг адвокатов и оказания финансовой помощи семьям высшего звена мафий, если они попадали в затруднительные ситуации. Главой этого сообщества являлся Альберт Анастасиа. Но сразу же после его убийства начались разговоры о необходимости снижения сумм «членских взносов» и даже об их ликвидации.

В четвертый пункт входило требование Вито Дженовезе о передаче ему власти над всеми криминальными семействами Нью-Йорка. Вито Дженовезе, прозванный участниками сходки Вито-маньяк, требовал присвоения ему звания «босса всех боссов», выдуманного Сальваторе Маранзано и отвергнутого Чарльзом Лучиано.

Члены «Апалачин конвенции» уже были готовы приступить к обсуждению повестки дня, как вдруг в имение Джозефа Барбары ворвались агенты полиции и приказали всем не двигаться. «Вы арестованы!» – крикнул командир группы полицейских.

В своем автобиографическом издании, опубликованном в США в 1980 году, Джозеф Бананно утверждал, будто налет полицейских произошел в ответ на прекращение Джозефом Барбарой выплаты им взяток. Однако он не привел никаких доказательств, подтверждавших это.

О взяточничестве полицейских ни словом не упоминалось и во время судебного процесса, который состоялся вскоре после рейда в имение Джозефа Барбары. Сержант Эдгар Кросвел рассказал суду реальные причины реакции полицейских, сообщив, что еще за два дня до сборища на паркинг рядом с имением стали прибывать автомобили с номерами других штатов. «Это и явилось предвестником всех последующих событий», – заявил он в зале суда. Эдгар Кросвел приказал полицейским уставить постоянное наблюдение за имением. Он навел справки и выяснил, кому принадлежали машины. И стало ясно, что в имение Джозефа Барбары, кроме мафиози Нью-Йорка, съехались десятки главарей мафий из других городов. Среди них Сэм Джианкана из Чикаго, Фрэнк Саймон из Лос-Анджелеса, Джозеф Кивелло из Далласа, Джерардо Катена из Нью-Джерси. И даже главарь кубинской мафии Сантос Траффиканте, прибывший на «Апалачин конвенцию» из Гаваны.

Никто из главарей мафий не принял всерьез команду сержанта. Они мигом бросились врассыпную. Кто-то в другие комнаты огромного особняка, кто-то в лесную чащу, иные – к своим машинам. Эдгар Кросвел успел перекрыть им дорогу своим автомобилем, за которым находилась группа его агентов. Были

арестованы пятьдесят восемь участников «Апалачин конвенции», остальные успели скрыться. Среди них Джозеф Бонанно, тогда мало кому известный Карло Гамбино и Вито Дженовезе. Пол Кастелано, шурин Карло Гамбино, попал под суд, который состоялся 28 ноября 1957 года, через две недели после того инцидента. На все вопросы судьи Пол Кастелано отказался отвечать. Его приговорили к году тюремного заключения. Другие участники были приговорены к разным срокам наказания, но меньшим по продолжительности, чем у шурина Карло Гамбино.

Сам Гамбино остался с пустыми руками, без короны и звания «босса боссов». Но он все равно оставался на посту главнокомандующего. По правилам жизни криминальных семейств, Карло Гамбино, будучи первым заместителем покойного Альберта Анастасиа, автоматически после его смерти сохранял за собой власть. После рейда полицейских и ареста многих участников несостоявшейся «Апалачин конвенции» Карло Гамбино понял, что необходима тотальная перестройка рядов, так как ситуация в Нью-Йорке и во всех других городах страны резко изменилась, и следственные органы усилили надзор за поведением криминальных кланов.

Вито Дженовезе тоже оказался ни с чем. Хотя он знал, что титул «босс всех боссов» упразднен, тем не менее все-таки решил во что бы то ни стало бороться за власть. Это была его беззаветная мечта, к которой он стремился все предыдущие годы.

Вито Дженовезе стал готовить следующую сходку. По непонятным причинам на нее был приглашен представитель еврейской мафии Нью-Йорка Мейер Лански. Вскоре после суда над участниками «Апалачин конвенции» Вито под большим секретом объявил узкому кругу мафиози и своему давнему другу Мейеру Лански о том, что 15 декабря 1957 года они должны прибыть на, как он выразился, конференцию высших чинов мафий Нью-Йорка. Она действительно состоялась в назначенный им день в одном из залов малопривлекательного и не пользовавшегося популярностью ресторана в северной части Манхэттена. На ней присутствовало всего пятнадцать человек.

Участники прежде всего обсудили возможные последствия закона за контролем наркотиков. Следуя призыву Вито Дженовезе, они единогласно высказались за «замораживание» на неопределенный срок торговли героином, кокаином и марихуаной. «Это должно быть сделано немедленно, независимо от того, в какую сумму нам обойдется отказ от наркобизнеса», – заявил Вито Дженовезе.

Но через пару месяцев в тайне от других нью-йоркские мафии в нарушение достигнутой договоренности возобновили тайную

торговлю наркотическими средствами. Причина: подпольный рынок наркобизнеса вдруг стал разрастаться. В него активно включились мафии Чикаго, Филадельфии, Детройта, Майами, Лос-Анджелеса и Сан-Франциско. Этого Вито Дженовезе не мог предвидеть.

Он вынес на повестку дня прежнее предложение о коронации короля, имея в виду Карло Гамбино, заявив, что именно Карло проложит путь новому поколению мафиози. Как утверждается в историческом издании Джона Дэвиса «Династия мафии», Вито Дженовезе напомнил лидерам криминальных семейств Нью-Йорка очень важную черту Альберта Анастасиа – грубость по отношению к соратникам, тот был настоящим маньяком, угрозами и убийствами устанавливавший монополию своей власти не только над всеми мафиями Нью-Йорка, но и остальными криминальными семействами страны. «Карло Гамбино совсем другой человек. Он достоин сегодняшней коронации», – заявил Вито Дженовезе.

Участники сходки единогласно согласились присвоить Карло Гамбино почетное звание «Дон». С тех пор Карло Гамбино вошел в историю под именем Дон Карло, а с его официальным приходом в преступный мир итальянских мафий в США, как и предвидел Вито Дженовезе, зародилось их новое поколение – «династия Карло Гамбино». Она просуществовала десятилетия, переходя из рук ее основателя Дона Карло в руки наследников, прославившись в первом десятилетии XXI столетия.

Дон Карло не только полностью реорганизовал и перестроил структуру нью-йоркских мафий, но и заложил основу своего исторического клана. Он вовлек пять самых крупных криминальных семейств Нью-Йорка и перестроил наследие Альберта Анастасиа по принципу корпоративной кампании, которая полностью исключила из своей структуры заведенную еще со времен Сальваторе Маранзано систему участия в жизни мафии профсоюзов. Дон Карло объяснил, что, несмотря на предоставленную этим главарям самостоятельность действий, возврат к сбору профсоюзных взносов и существованию профсоюзных организаций считается незаконным, а за нарушение этого закона виновные поначалу получают предупреждение. При повторном нарушении – без всяких предупреждений приговариваются к смертной казне на основе кодекса «Омерта».

Дон Карло мечтал назначить первым заместителем своего шурина Пола Кастелано. Но тот все еще отбывал годичный срок заключения. И тогда он назначил никому не известного, но преданного ему Джо Биондо. А под его власть передал трех молодых и тоже никому не известных гангстеров. Так началось

зарождение в США нового поколения мафии Дона Карло, вскоре превратившейся не только в самую многочисленную, но и самую властную и богатую в стране преступную организацию.

ГЛАВА 3

Предательство или крик души

В 1958 году Карло Гамбино исполнилось пятьдесят шесть лет. Его семья быстро разрослась: три сына – Томас, Джозеф и Карл – и дочь Филлис. Самый младший – Томас – по рекомендации отца поступил в нью-йоркскую военную академию. А спустя пару лет, опять-таки по рекомендации папы, Томас женился на Френсис Лучизи – дочери нью-йоркского мафиози Томми Лучизи. Два его старших брата, Джозеф и Карл, нашли себе работу в одной из нью-йоркских фирм по пошиву верхней мужской одежды и были счастливы своей независимой жизнью. Что же касается дочери Филлис, она, по признанию самого Карло Гамбино, нашла себе самый благодатный путь в будущее – вышла замуж за известного в Нью-Йорке врача, и они жили счастливо. Сам Карло Гамбино, один из богатеев Нью-Йорка, счастливый в браке с женой Катериной, был преданным семьянином.

Однако между Карло Гамбино и Вито Дженовезе возрастала неприязнь. Гамбино старался не придавать значения тревожным сигналам, хотя ему не давал покоя, раздражал, вызывая зависть, растущий авторитет Вито Дженовезе. Так думали некоторые историки того времени. Но было ли это правдой, по сей день остается тайной.

Историки полагают, что Карло Гамбино собирался примкнуть к саботажу «Апалачин конвенции», который пытались спровоцировать некоторые лидеры с участием Мейера Лански. Однако Вито Дженовезе внес предложение о его коронации, как наследника Альберта Анастасиа, и будущий Дон Карло отказался от участия в заговоре.

По мнению историков, Карло Гамбино раздражали успехи Вито Дженовезе в укреплении его собственной мафии. Гамбино казалось, что однажды Вито Дженовезе сможет превзойти его влияние и получит-таки звание «босса всех боссов», о котором мечтал не один год. И тогда путь Карло Гамбино к высотам власти в преступном мире будет закрыт.

И еще одно обстоятельство не давало покоя Дону Карло. Он опасался, что станут известны имена людей, совершивших покушение на Альберта Анастасиа.

Карло Гамбино и Вито Дженовезе были совершенно разными людьми: по характеру, по взглядам на принципиальные жизненные устои и по отношению к родным и близким людям. Эти обстоятельства, по мнению Николаса Гейджа, автора исторического издания «Мафия США», тоже сыграли некую роль

во взаимоотношениях двух известных в преступном мире людей. Они никогда не находили общего языка и при обсуждении семейных проблем, в частности в плане супружеской верности.

Вито Дженовезе был женат дважды. Первый раз он женился в 1924 году, но его жена, заболев туберкулезом, умерла в 1929 году. Спустя пару лет Вито познакомился с Анной Петилло. Ей было двадцать два, а мультимиллионеру Дженовезе – тридцать четыре года. В то время Анна была замужем за Джерардо Вернотико.

Историки предполагают, что муж Анны, принадлежавший к одному из криминальных семейств Нью-Йорка, тоже бедняком не был, у него была и личная охрана, но это не помешало Вито Дженовезе убрать соперника со своего пути. Ранним утром 18 марта 1932 года тело Джерардо Вернотико было найдено на крыше одного из зданий в пригороде Нью-Йорка. Как было установлено следствием, несчастный был сначала зверски избит, задушен, а потом застрелен двумя выстрелами из пистолета. Спустя несколько дней Вито и Анна официально расписались в мэрии Нью-Йорка.

Вито Дженовезе был настолько богат, что мог безудержно тратить деньги в свое удовольствие. Он отстроил себе роскошный особняк на побережье Атлантического океана, отделав его дорогим мрамором. Все тридцать комнат украшала старинная мебель, дорогая посуда и предметы интерьера. Сам Вито почти каждый день менял золотые браслеты и цепочки. У Анны тоже было огромное количество драгоценностей, но тем не менее ее порой охватывало разочарование от второго замужества.

Она не раз замечала, как во время посещения ими ночного клуба ее супруг вдруг куда-то исчезал то с одной, то с другой молодой девицей. Однажды Анна высказала ему недовольство по этому поводу, и тогда Вито Дженовезе – то ли в шутку, то ли всерьез – пригрозил ей убийством.

Скорее всего, как утверждал в своей книге Николас Гейдж, это не было реальной угрозой нетрезвого супруга. Но когда в следующий раз Анна заикнулась об этом, он в присутствии посетителей ночного клуба ударил ее по лицу и, говорят, выбил два зуба.

В тот день Анна не вернулась в свой особняк. А через несколько дней, закончив лечение у зубного врача, подала в суд заявление о разводе. Свидетелем скандала, произошедшего в ночном клубе, был некий Стефан Фрэнси, согласившийся дать показания в суде в пользу Анны. Но суд был отложен в связи с совершенно неожиданным обстоятельством: в тот же день труп Стефана Фрэнси был найден в его автомобиле, припаркованном

на стоянке на Тридцать седьмой улице в Манхэттене. По мнению историков, его убийство стало своеобразным предупреждением для Анны, чтобы она помалкивала во время процесса о разводе.

Анна таки действительно была тише воды ниже травы во время развода. На вопрос судьи, каким образом ее бывший супруг приобрел такое огромное состояние, на часть которого она претендовала, Анна сказала, что не имеет никакого понятия, подумав же, категорически заявила, что если даже что-то и знала, то теперь не в состоянии это вспомнить.

Дон Карло не собирался менять свое решение как можно скорее избавиться от своего соперника, перекрывшего для него дорогу к еще большей власти. И он решил прощупать настроение двух бывших помощников Альберта Анастасиа – Джонни Робертса и Томми Раву. Но они, как понял Дон Карло, сожалели об убийстве босса и надеялись на то, что его наследство перейдет не к нему, а к Вито Дженовезе.

Карло стал опасаться, что эта пара раскроет рот. Он действовал, как всегда, рассудочно и быстро: Джонни Робертс был убит четырьмя выстрелами в затылок в одном из районов Бруклина, а через неделю восемнадцатью пулями, выпущенными в спину, был застрелен Томми Рава, игравший в карты в ночном клубе Бруклина.

Затем Дон Карло ревизовал участие Вито Дженовезе в наркобизнесе. Для избавления от Дженовезе Карло привлек молодого гангстера Нельсона Кантеллопса, который работал в мафии Мейера Лански и был хорошо обо всем осведомлен. Но Кантеллопс вскоре был арестован, и в то время, когда он понадобился Дону Карло, отсиживал последние дни в нью-йоркской тюрьме.

Карло вместе с Мейером Лански навестили Нельсона Кантеллопса в тюрьме и передали ему якобы в подарок за его прежнюю работу 100 тысяч долларов наличными. В историческом издании Джона Дэвиса «Династия мафии» приводятся слова либо Карло, либо Мейера: «Эти деньги молодой солдат заслужил своим трудом. Он отсидел в тюрьме, теперь он чист, как стеклышко».

В действительности эта огромная сумма была взяткой. Нельсон Кантеллопс должен был дать ложные показания агентам ФБР, что он якобы своими глазами видел, как Вито Дженовезе получал от своих дистрибьюторов наркотики и затем с помощью своих людей тайно переправлял их на грузовых судах из США на Сицилию. Эти показания Нельсон Кантеллопс обязан был подтвердить в суде.

Через некоторое время в нью-йоркское отделение федерального агентства борьбы с наркобизнесом поступило

письмо от Нельсона Кантеллопса. Он писал, что тюремное заключение в известной степени сыграло в его жизни положительную роль и отныне он никогда больше не будет заниматься торговлей наркотиками. Кантеллопс писал, что в качестве доказательства своего изменившегося поведения он выдает мафиози Вито Дженовезе.

Федеральное агентство по борьбе с наркобизнесом, оказывается, уже давно подозревало Дженовезе в контрабанде наркотиков в другие страны, но, кроме догадок, ничего не было. Агенты были уверены, что среди сообщников Вито вряд ли найдется человек, согласившийся стать их информатором.

Агенты вызвали Нельсона Кантеллопса на допрос, и тот выполнил обещание, данное Дону Карло и Мейеру Лански.

Представленная Кантеллопсом информация легла в основу обвинения Вито Дженовезе. В конце 1958 года он, вместе с двадцатью четырьмя членами его клана, был арестован. Им всем было предъявлено обвинение в нарушении закона контроля за наркотиками.

Через пару месяцев, в феврале 1959 года, в Нью-Йорке состоялся суд над Вито Дженовезе и членами его мафии. Нельсон Кантеллопс блестяще сыграл роль свидетеля, представив членам жюри присяжных заседателей не выдуманную версию, а реальные доказательства преступлений Вито Дженовезе.

Вито Дженовезе был признан виновным и приговорен к пятнадцати годам заключения в специальной федеральной тюрьме особого режима Нью-Йорка. Никто, даже близкие родственники, не провожал мафиози в тюрьму.

Дон Карло и Мейер Лански вздохнули с облегчением, полагая, что отныне Вито Дженовезе не встанет у них на дороге.

В начале 1969 года у Вито Дженовезе развилась сердечная недостаточность. Его перевели из нью-йоркской федеральной тюрьмы в медицинский центр тюрьмы в Спрингфилде.

14 февраля 1969 года он умер от повторного инфаркта. Ему было семьдесят два года. Его жена Анна о нем никогда не вспоминала: не давала интервью репортерам нью-йоркских газет, не общалась с авторами исторических изданий.

Кеннеди против Гувера

Еще при жизни Вито Дженовезе отношения между государственной властью и миром организованной преступности претерпели большие изменения. В январе 1961 года 35-м президентом США был избран Джон Кеннеди. А его брат Роберт в том же году занял пост генерального прокурора страны. Вступив в должность, Роберт заявил: «Если мы не начнем войну с организованной преступностью не на словах, а с помощью

оружия, мафиози уничтожат нас».

Никто из предыдущих президентов США, ни Трумэн, ни Эйзенхауэр, ни их генеральные прокуроры не воспринимали мафию всерьез и недооценивали ужасные последствия от убийств, грабежей, рэкета, банковских афер, совершаемых мафиями, и даже не верили в существование организованной преступности. Они не желали употреблять слово «мафия», когда речь заходила о проведении расследований тайных действий криминальных семейств.

И никто из них не отреагировал должным образом на возможные последствия сходки в ноябре 1957 года, разгромленной нью-йоркской полицией.

Эдгар Гувер, глава ФБР, как утверждают архивные документы того времени, вообще не верил в существование мафий. Он полагал, что в стране орудуют банды итальянской «Коза Ностра», состоящие, по его мнению, всего лишь из нескольких сотен уголовников.

Его заместитель Уильям Саллеван со своим помощником Чарльзом Пэком не разделяли оптимизма шефа. Результаты расследований их не на шутку встревожили. В особенности тот факт, что в имение Джозефа Барбары съехалось сто главарей мафий, представлявших сеть преступных организаций, рассеянных по всем главным городам страны. Саллеван и Пэк подготовили документ с изложением всех данных расследования «Апалачин конвенции», в котором выражалась их озабоченность возможным захватом власти новым поколением мафии над всеми остальными криминальными организациями США. Они разослали документ во все двадцать пять филиалов ФБР.

Одна из копий была передана Эдгару Гуверу. Он не сразу отреагировал на полученный служебный рапорт. Но, как утверждает Джон Дэвис, автор исторического издания «Династия мафии», Эдгар Гувер наверняка не стал даже читать этот документ. Он вызвал в кабинет Уильяма Саллевана и категорически заявил: «Твой документ не что иное, как мыльный пузырь».

Но в сентябре 1961 года Эдгар Гувер изменил свое мнение по поводу масштабов организованной преступности и согласился с тем, что в США действительно образовалась новая структура криминальных организаций, состоящая из итальянских беженцев, пустившая корни во многих городах страны.

Гувер изменился под натиском событий, произошедших в конгрессе страны. Представители республиканцев и демократов обнародовали статистику роста в стране преступности. Речь шла о возросшей численности убийств, ограблений и афер в сфере

финансовых операций банковской системы. Тем не менее Эдгар Гувер всякий раз обходил термины «организованная преступность» и «мафия», когда речь заходила о проведении очередных рейдов.

Ситуация усугублялась еще и тем, что после избрания новым президентом США Джона Кеннеди в правительственный аппарат пришел также и новый тридцатипятилетний генеральный прокурор Роберт Кеннеди. Он не мог найти общий язык с Гувером. Их разделяла пропасть в восприятии многих новых тенденций, в особенности в оценке методов борьбы с новым поколением мафии. Гувер был непреклонен.

Роберт Кеннеди неоднократно пытался договориться с Эдгаром Гувером о едином фронте борьбы с лидерами мафий. Однако его попытки не увенчались успехом. И тогда в конце 1961 года, вопреки политике шефа ФБР, Кеннеди вместе со своими помощниками из федерального департамента юстиции разработал план борьбы с организованной преступностью в стране. Главными мишенями в нем стали главари наиболее властных мафий, их заместители и оказавшиеся под их влиянием лидеры профсоюзов.

Во главе списка оказались наиболее опасные мафиози из штатов Флорида и Луизиана Карлос Марчелло и Сантос Траффиканте, лидеры мафий Чикаго и Филадельфии Сэм Джианкана и Анжело Бруно. Карло Гамбино почему-то оказался в середине этого списка.

Возможно, Гамбино почувствовал, что собой представляет Роберт Кеннеди, и сдал генпрокурору председателя крупнейшей в США профсоюзной организации «Тимстерс» Джеймса Гоффу.

Гоффа занимал эту должность с 1957 года до своего ареста агентами Роберта Кеннеди в 1963 году. Его обвинили в попытке подкупа членов жюри присяжных заседателей во время уголовного процесса над одним из его сторонников. И, кроме того, в подделке банковских документов и финансовых аферах, совершенных совместно с гангстерами нью-йоркских мафий.

В 1964 году Джеймс Гоффа был приговорен к тринадцати годам тюремного заключения. А в 1971 году тогдашний президент США Ричард Никсон согласился сократить срок в связи с сердечным заболеванием заключенного, и Джеймса Гоффу освободили из тюрьмы. Однако ему было запрещено возвращаться на работу в профсоюзы. В июле 1975 года шестидесятидвухлетний, хорошо известный в стране профсоюзный деятель Джеймс Гоффа неожиданно исчез из поля зрения родных и близких. Полиция безрезультатно искала его несколько дней. В конце концов спустя почти неделю его труп

был найден возле ресторана в одном из пригородов Детройта. Почему он оказался в Детройте, никто не знал. Медицинская экспертиза установила причину смерти Джеймса Гоффы – инфаркт. Так ли это было? И почему Джеймс Гоффа, умерший от инфаркта, пролежал почти неделю на улице пригорода Детройта? Все это так и осталось тайной.

Осуществление планов борьбы с организованной преступностью генерального прокурора США Роберта Кеннеди, несмотря на возражения Эдгара Гувера, началось в конце 1961 года. И сразу же его агенты совершили рейды в разных городах страны. Ими было арестовано сто двадцать гангстеров. Из них семьдесят три до конца года прошли все судебные процедуры, и их отправили в тюрьмы на разные сроки.

На этом борьба Роберта Кеннеди с организованной преступностью не закончилась. В следующем, 1962 году число арестованных мафиози, в соответствии с данными архивов генеральной прокуратуры США, выросло в два раза. В основном это были руководители гангстерских отрядов, чьи предки прибыли из Палермо и ряда других городов Сицилии. Впервые за всю историю организованной преступности в США ее главари по-настоящему ощутили опасность.

В период массовых арестов членов криминальных банд Эдгар Гувер немного сдал свои позиции и присоединился к осуществлению планов Роберта Кеннеди. Его агенты установили слежку за некоторыми главарями нью-йоркских мафий. В числе первых в их ловушку 2 мая 1962 года попали Мишелино Клементе и Сол Профаси. Их разговор был записан на пленку, которая до сих пор хранится в архивах ФБР. Она является доказательством того, что мафиози под натиском решительных действий генерального прокурора начали опасаться за свое будущее.

...

«КЛЕМЕНТЕ. Боб Кеннеди не остановится до тех пор, пока не пересажает всех нас в тюрьмы. Понимаешь, насколько наше время стало опасным? Мы должны чувствовать себя счастливыми, если при встречах можем пожимать друг другу руки. Понимаешь?

ПРОФАСИ. Ты прав. Я тоже не

шучу. Времена изменились. Боб действительно очень опасная личность. Я думаю, они оба хороши. Боб и Гувер. Нам надо быть более осторожными…»

А 17 февраля 1962 года агенты ФБР смогли записать еще один разговор между боссом мафии города Филадельфия Анжело Бруно и его знакомым из другой филадельфийской мафии Марио Мэджио.

…

«МЭДЖИО. Кеннеди уходит со своего поста…

БРУНО. Какой Кеннеди?

МЭДЖИО. Боб Кеннеди. Так говорят, вроде бы он уходит…

БРУНО. Говорят, что кур доят…

МЭДЖИО. Послушай, не перебивай. Я не хочу впустую тратить время. Говорят, что Боб Кеннеди будет главным советником президента. Уверен, его ждут в Белом доме. Он нужен там. Если уйдет, это будет лучше для нас. Боб уже пересажал достаточно людей из нашего сообщества. Но есть причина, по которой Боб останется на посту генерального прокурора. Я слышал, он хочет сместить Эдгара Гувера…

БРУНО. Гувера?

МЭДЖИО. Да. Как думаешь, почему? Потому что он более лоялен.

БРУНО. Не понимаю. Кто более лоялен?

МЭДЖИО. Эдгар Гувер.

БРУНО. Это чушь. Эдгар Гувер более лоялен?! И ты веришь в эти идиотские сказки? Маразм».

В начале мая 1963 года очередь дошла и до Клана Карло Гамбино. Агенты ФБР тогда впервые установили

прослушивающие устройства для слежки за некоторыми высшими чинами его криминальной организации. Причиной тому явились события, произошедшие в конце апреля того же года. Тогда умер один из очень ценных советников Карло Гамбино по финансовым вопросам хорошо известный в преступном мире Кармине Ломбардози. Его похоронили на кладбище в Бруклине. На прощальную церемонию съехалось несколько сот человек. Не только боссы и рядовые солдаты мафии Карло Гамбино, но и лидеры нескольких криминальных организаций Нью-Йорка.

Неожиданно на кладбище прибыли тайные агенты ФБР, одетые точно так же, как и все участники похоронного кортежа. Они старались незаметно записывать обрывки разговоров, имена и делать фотографии наиболее подозрительных личностей. Когда похоронный кортеж взошел на ступени входа в кладбищенскую церковь, из его рядов неожиданно выбежал восемнадцатилетний парень – гангстер мафии Карло Гамбино, племянник покойного Дани Мариино.

Он бросился на одного из агентов ФБР, у которого на плече висела приоткрытая кожаная сумка с фотоаппаратом. Дани сбил его с ног и стал избивать. По правилам кодекса «Омерта», о котором хорошо была осведомлена администрация ФБР, членам криминальных организаций мафий запрещались нападения на агентов этой организации, а тем более избиения.

Дани Мариино бесследно исчез. Но спустя несколько лет агенты ФБР опять столкнулись с ним: он был уже в числе лидеров одного из подразделений мафии Карло Гамбино. Его карьера быстро развивалась, и спустя пять лет, уже после смерти Дона Карло, Дани Мариино оказался в числе трех главарей одного из криминальных семейств Клана Карло Гамбино, которое возглавлял в те времена Джон Готти.

Спустя годы, когда Дани Мариино было уже шестьдесят пять лет, он больше ни с кем не делил власть, став единоличным главарем криминальной организации нового поколения Клана легендарного Карло Гамбино. И тогда же, в 2010 году, он наконец был арестован агентами ФБР.

Однако в 1963 году спровоцированный Дани Мариино на похоронах неожиданный эпизод, без сомнения, вызвал ненависть к членам мафии Карло Гамбино. Об этом красноречиво говорилось в архивных документах того времени. Но, с другой стороны, тот эпизод в какой-то мере сыграл и положительную роль: агенты ФБР взяли на заметку Дона Карло. С тех пор слежка за членами мафии Карло Гамбино стала, как никогда раньше, интенсивной, превратившись в постоянную работу агентуры этого ведомства.

В архивах ФБР сохранилась еще одна запись разговора от 20 мая 1963 года между боссом филадельфийской мафии Анжело Бруно и Питом Феррарой, боссом одного из отрядов Клана Карло Гамбино, которая проливает свет на возникшие после похорон Кармине Ломбардози осложнения для мафии Дона Карло во взаимоотношениях с ФБР.

…

«БРУНО. Агентура ФБР теперь нацелилась на твоего босса, на Дона Карло. Ты это знаешь?

ФЕРРАРА. Еще бы! К сожалению…

БРУНО. Не сомневаюсь в том, что эта агентура теперь знает имена его замов. И наверняка знает твое имя.

ФЕРРАРА. О да! К сожалению, они теперь кое-что знают и обо мне. Недавно на улице меня за руку дернул один из агентов ФБР. Он назвал мое имя и спросил: «Вы что, отменили закон «Омерты»?» Я сказал, что мы не отменяли закон «Омерты». А он со злостью продолжил: «Не по нашей воле, а по вашей на кладбище произошла проверка совести членов «Коза Ностра». Теперь вы готовы нападать на наших ребят, так? Теперь и мы будем бить вас по вашим пустым головам». Он сплюнул и ушел от меня».

Однако генеральный прокурор Роберт Кеннеди, о чем свидетельствуют факты, не обращал внимания на возникший конфликт между агентами ФБР и членами пяти криминальных семейств мафии Дона Карло. По мнению Кеннеди, это не имело существенного значения и никоим образом не влияло на его войну с организованной преступностью. Он продолжал свою политику, стараясь свести к нулю уголовную активность криминальных организаций. Соответственно продолжались и аресты членов преступных банд.

Объявленная Робертом Кеннеди война против организованной преступности стала постепенно утихать после того, как 22 ноября 1963 года произошло убийство его брата, президента США Джона Кеннеди. Следующим президентом США стал Линдон Джонсон, с которым у Роберта Кеннеди не было ничего общего. Они расходились во взглядах по многим проблемам, в том числе и по поводу методов борьбы с организованной преступностью. И тогда, проработав на своем посту генерального прокурора еще девять месяцев, Роберт Кеннеди подал в отставку. Произошло это в июле 1964 года. Официальной причиной стало желание Роберта Кеннеди баллотироваться на должность сенатора конгресса страны.

Среди лидеров мафиозных организаций все чаще стал возникать вопрос: почему даже при Роберте Кеннеди такие, как Карло Гамбино, никогда не попадали в списки главных организаторов нового, более властного и жестокого поколения мафий? А после ухода Роберта Кеннеди этот вопрос стал все чаще и чаще возникать и у рядовых агентов ФБР. Именно в середине 60-х годов среди лидеров преступного мира начали распространяться слухи о том, что кто-то из них имеет близкие связи с самим главой ФБР. И что этот «кто-то» наверняка может оказывать влияние на Эдгара Гувера.

Со временем эти слухи стали приобретать более конкретный характер. Слово «кто-то» исчезло из обихода, а вместо него всплыло имя Фрэнка Костелло – владельца одного из криминальных семейств Нью-Йорка. Слухи росли и множились. Поговаривали даже о том, что Фрэнк Костелло готовится к тайному заговору против высшего начальства министерства юстиции США.

В один прекрасный день среди мафиози прошел еще один слух, будто в этот заговор Фрэнк Костелло решил вовлечь своего самого близкого друга, Дона Карло. Более того, Фрэнк Костелло однажды даже говорил с ним об этом после того, как помог установить игорные автоматы в ночных клубах. Эти автоматы были запрещены в общественных местах тогдашним мэром Нью-Йорка, тоже выходцем из Италии, Фиорелло Ла Гуардиа.

Кульминационным моментом стали слухи о том, что еще одним другом Фрэнка Костелло был Эдгар Гувер, директор ФБР. Автор исторического издания «Династия мафии» Джон Дэвис утверждал, что такого рода слухи распространялись годами не только среди главарей криминальных организаций, но и среди рядовых жителей Нью-Йорка, Чикаго и других городов страны.

Фрэнк Костелло якобы встречался с Эдгаром Гувером всякий раз, когда глава ФБР по своим делам приезжал из Вашингтона в

Нью-Йорк, в Центральном парке Нью-Йорка и о чем-то беседовал в стороне от прохожих на скамейке возле фонтана. Иногда их рандеву происходило на квартире одного из знакомых Эдгара Гувера. А чаще всего они виделись в ресторане «Астория».

Джон Дэвис в книге «Династия мафии» не отрицал тайные свидания Фрэнка Костелло с директором ФБР. Не отрицал их и Вильям Хундли, бывший во времена Роберта Кеннеди шефом отдела борьбы с организованной преступностью министерства юстиции США.

Вильям Хундли во время интервью с Джоном Дэвисом раскрыл ему, как он выразился, «секрет встреч»

Эдгара Гувера с Фрэнком Костелло. Он считал Фрэнка Костелло источником информации для Эдгара Гувера, но, поскольку Карло Гамбино был его давним и близким другом, Фрэнк Костелло при каждой встрече с Эдгаром Гувером рассказывал о нем всякие небылицы, стараясь не вызывать у шефа ФБР излишних подозрений. Костелло убеждал Гувера в том, что Дон Карло якобы был категорическим противником наркобизнеса и рэкета и был тружеником, ненавидящим убийц, который с проклятиями вспоминал поведение Дани Мариино во время похорон Кармине Ломбардози.

Авторы большинства исторических изданий того времени всерьез не воспринимали слухи о дистанцировании шефа ФБР Эдгара Гувера от борьбы с организованной преступностью. Они с подозрением также относились и к роли Фрэнка Костелло в этой истории, в частности не верили в то, что Костелло безо всякого умысла скрывал от директора ФБР истинное лицо Дона Карло.

Однако слежка за Карло Гамбино и его замом прекратилась по другой причине. Политику отрицания наличия в стране организованной преступности проводили и Линдон Джонсон, и Ричард Никсон. Оба этих президента США стали на сторону директора ФБР, полагаясь на его взгляды по поводу первостепенных задач Бюро. Никсон, полностью доверявший Гуверу, принял решение пожизненно сохранить за ним занимаемую должность. Он не считал проблему роста банд нового поколения столь уж важной. По его мнению, были более важные вопросы, возникшие еще до начала Второй мировой войны. Имелся в виду небывалый по численности рост шпионажа советских агентов, проникших еще в довоенные годы в одну из лабораторий секретной научной организации «Манхэттен проект», где была создана первая в мире атомная бомба. А также провокации американской компартии, намеревавшейся с помощью советской агентуры свергнуть правительство США и установить в стране режим подобный тому, что существовал в

Советском Союзе.

Историки никогда не упрекали Гувера за то, что он ставил на второе место проблемы борьбы с организованной преступностью, хотя и считали, что Эдгар Гувер вообще забросил слежку за криминальными организациями нового поколения мафий.

Однако ряд архивных документов ФБР свидетельствует о том, что судьба Карло Гамбино всегда находилась в поле зрения агентов, а Гувер был достаточно хорошо информирован о деятельности гангстеров всех пяти криминальных семейств нью-йоркского Клана Гамбино. Но он выжидал того дня, когда его агенты смогли бы без шума местной прессы надеть наручники и на Фрэнка Костелло, и на его ближайшего друга Дона Карло. Но, к сожалению, Эдгар Гувер так и не успел этого сделать. Ночью 2 мая 1972 года у него случился инфаркт. Он умер во сне в возрасте семидесяти семи лет, бессменно прослужив в своей должности сорок восемь лет (с мая 1924 года).

«Наш друг из Палермо»

Во времена сражений Роберта Кеннеди с Эдгаром Гувером газеты оповещали читателей обо всем происходящем в мафиях нового поколения. В этих публикациях часто встречалось упоминание о «нашем друге из Палермо», имея в виду известного певца Фрэнка Синатру, родители которого иммигрировали из Палермо в 1897 году. Сам Синатра родился в США 12 декабря 1915 года.

Он никогда не скрывал своей дружбы с лидерами мафий, длившейся десятилетия, равно как и мафиози не скрывали дружбы с ним. Среди людей, окружавших Фрэнка Синатру, и среди знаменитых мафиози находились персонажи, искажавшие причины их дружбы, взгляды и характер знаменитого певца. Нашлись даже те, кто пытался приписать ему участие в грязных делах мафии. Это отрицательно повлияло на карьеру Синатры и даже стоило ему потери дружбы с Джоном Кеннеди. На самом деле Фрэнк Синатра никогда не участвовал в совершении незаконных сделок или преступных операциях.

Зная о недоброжелательном и завистливом отношении к себе, Синатра тем не менее не желал прерывать отношения ни с главарями мафии, ни с политическими лидерами страны. Он демонстративно в конце 1960 года выехал в Гавану на конференцию главных мафиози США. А потом любовался опубликованными в кубинской и американской прессе фотоснимками, на которых он был заснят вместе с Карло Гамбино и другими лидерами преступных организаций.

Одновременно в течение последних месяцев 1960 года Синатра участвовал в концертах, посвященных сбору денег в фонд

избирательной кампании Джона Кеннеди, каждый из которых приносил в копилку фонда не менее полутора миллионов долларов. Он же был звездой концерта, посвященного инаугурации 35-го президента США 20 января 1961 года.

Но через некоторое время доброжелательные отношения Синатры и Кеннеди, под влиянием некоторых высших чиновников министерства юстиции, наверняка с завистью воспринимавших дружеские связи этих людей, стали постепенно сходить на нет. Они официально высказали свое недоумение по поводу связи Фрэнка Синатры с лидерами мафии и его частыми приглашениями в Белый дом. В итоге новый генеральный прокурор США Роберт Кеннеди поручил одному из департаментов министерства юстиции подготовить отчет на эту тему. Чиновники подготовили детальный отчет о давних связях Фрэнка Синатры с лидерами мафии и, главным образом, с Карло Гамбино.

Когда Роберт Кеннеди ознакомился с этим рапортом, то описанный там один из инцидентов просто вывел его из равновесия. Сообщалось, что глава чикагской мафии Сэм Джианкана обратился в министерство юстиции с просьбой организовать ему личную встречу с генеральным прокурором Робертом Кеннеди, чтобы потребовать прекратить слежку за ним и его единомышленниками, которую начали агенты ФБР.

Чиновники министерства юстиции не доложили генеральному прокурору о просьбе Джианканы. И даже не поставили его в известность о том, что сразу же отправили чикагскому мафиози официальный отказ в его просьбе. Тогда адвокат главы чикагской мафии прислал им письмо, в котором говорилось: «К сожалению, как мне кажется, генеральный прокурор Боб Кеннеди не читал письмо моего клиента. Жаль! Мне кажется, он вряд ли отказал бы моему клиенту во встрече. Но для урегулирования всех вопросов и положительного решения просьбы Сэма Джианканы мы предлагаем Бобу прежде всего связаться с Фрэнком Синатрой и назначить его посредником встречи моего клиента с генеральным прокурором». Полный текст рапорта был передан Робертом Кеннеди брату Джону. Тот прочитал документ и выбросил его в мусорную корзину. Тогда и случилось охлаждение в дружбе Джона Кеннеди и Фрэнка Синатры.

От своих знакомых из окружения президента Синатра узнал, что именно Роберт Кеннеди, еще до инцидента с Сэмом Джианканой, пытался отстранить его от контактов со своим братом. Именно в результате того случая Джон Кеннеди распорядился больше не допускать Фрэнка Синатру к контактам с членами политического истеблишмента Вашингтона и наложил

запрет на его поездки в Белый дом.

Фрэнк Синатра поклялся забыть о дружбе с президентом США и с его братом, но не простить их поступок. Мать Фрэнка, несколькими годами позже рассказывая корреспондентам нью-йоркских газет о взаимоотношениях своего сына с братьями Кеннеди, сказала: «Мой сын такой же, как и я. Вы обидели его, и он это никогда не простит вам. Так я всегда поступала. Так поступил и мой сын».

Синатра всем доказал, что не прощает обид. В 1968 году, когда Роберт Кеннеди решил баллотироваться на пост президента США, Фрэнк Синатра поддержал его конкурента от Демократической партии Губерта Хамфри. Он заявил корреспондентам нью-йоркской прессы: «Боб Кеннеди – неквалифицированный политик. Он не может быть нашим президентом».

Но, конечно, ни о каких случаях совместных дел известного певца с главарями мафии не упоминалось, хотя со многими мафиози он имел очень близкие отношения. В документах приводились десятки случаев контактов Фрэнка Синатры с видными персонами преступного мира, включая, конечно, Карло Гамбино.

Синатра окружил себя постоянными друзьями-мафиози, выходцами из Италии. Агенты ФБР прослушивали телефонные разговоры Фрэнка Синатры. После анализа записей они пришли к выводу о том, что самый популярный певец США имел постоянные контакты с десятью видными главарями мафиозных кланов. И на первом месте, по мнению агентов, был босс самого крупного в стране клана Дон Карло. Причем все десять главарей мафии звонили только на домашний номер Синатры и никогда не звонили ему в студию, где проходили репетиции. И к тому же они пользовались только тем телефонным номером, который никогда не публиковался в телефонных справочниках.

Карло Гамбино действительно часто встречался с Фрэнком Синатрой. Он обожал его голос и вместе с женой Катериной, тоже большой поклонницей певца, не пропускал ни одного концерта с участием Синатры. После концертов они вместе с Фрэнком отправлялись на ужин в один из любимых ими ресторанов Манхэттена. Об этих совместных ужинах не раз сообщалось в местной прессе.

Карло Гамбино часто прилетал из Нью-Йорка в Лас-Вегас, где в те дни выступал Синатра. И каждый раз после концерта Дон Карло оставлял своему другу чек на сумму не менее 10 тысяч долларов. Однако не каждый раз концерты Фрэнка Синатры были успешными.

Однажды в конце июня 1962 года с Синатрой произошел инцидент, не украсивший его биографию. Как-то после очередного концерта, состоявшегося в отеле «Кал-Нева-Лодж», Фрэнк зашел в бар. Выпив виски, видимо, больше положенной нормы, он разговорился с очаровательной официанткой, а потом пригласил ее провести с ним ночь. Женщина отвергла домогательства певца и позвонила мужу – заместителю шерифа Лас-Вегаса.

Тот прибыл в бар отеля «Кал-Нева-Лодж» в тот момент, когда Фрэнк Синатра, будучи основательно пьяным, схватил его жену за руку и попытался увести с собой. Разъяренный муж оттолкнул певца и закричал на весь бар, чтобы тот оставил его жену в покое. В ответ пьяный Фрэнк тоже толкнул шерифа в грудь. Но драки, как таковой, не было: муж официантки со всего размаха ударил Фрэнка Синатру в лицо, сбив его с ног. Синатра с залитым кровью лицом не смог без посторонней помощи даже встать на ноги.

Рапорт министерства юстиции констатировал, что после конфликта лицо Фрэнка Синатры распухло до неузнаваемости. Глядя на себя в зеркало, он сам себя не узнавал и был вынужден не только отменить свое выступление, запланированное на следующий день, но и расторгнуть месячный контракт на концерты с администрацией отеля. Он тут же уехал в Нью-Йорк.

Позже выяснилось, что тот конфликт был спровоцирован: официантка, по предварительной договоренности с мужем, решила соблазнить Фрэнка Синатру, чтобы вызвать скандал, опозорить его и в итоге прекратить его концерты в отеле «Кал-Нева-Лодж». Кому была на пользу вся эта афера?

Как позже выяснили чиновники министерства юстиции, провокатором конфликта был один из друзей Синатры – мафиози, который за большую плату рекламировал в Лас-Вегасе другого певца, Филса Макквайера. Мафиози выпросил у Филса Макквайера в качестве аванса приличную сумму, пообещав певцу заключение контракта на его концерты с администрацией отеля «Кал-Нева-Лодж» на весь летний сезон.

Именно этот друг Фрэнка за хорошую взятку уговорил официантку спровоцировать в баре в присутствии многих людей тот ужасный скандал. Но по неизвестным причинам это грязное уголовное дело не получило продолжения. Лишь спустя несколько месяцев стало известно, что официантка и ее муж работали в другом городе.

Ральф Салерно, старший офицер нью-йоркской полиции, правильнее иных авторов исторических произведений оценил итог жизни Фрэнка Синатры: «Убежден в том, что люди, знавшие Фрэнка Синатру, никогда не критиковали его и никогда не будут

критиковать за то, что он знал президента страны, навещал Белый дом и в то же время был в близких отношениях с такими людьми, как Карло Гамбино или Аль Капоне. Может быть, кто-то в своих фантазиях сочинит сказки о том, что такого рода контакты с высокопоставленными лицами нашего общества и лидерами мафии покрыли черной тенью жизнь прекрасного певца Фрэнка Синатры? Может быть, есть такие люди. Ну и бог с ними. Их мнение выеденного яйца не стоит. Фрэнк Синатра никогда даже не пытался сыграть какую-либо грязную роль».

В 1971 году Фрэнк Синатра объявил, что уходит со сцены и желает жить в тишине и покое. Но тем не менее выступал с концертами. Один из них, вошедший в историю лучших концертов тех времен, состоялся в 1979 году. Синатра исполнил один из своих шедевров – песню «Нью-Йорк, Нью-Йорк», которую по сей день исполняют певцы разных поколений. Зал был полон. Аплодисменты без перерыва длились более десяти минут, сопровождаемые возгласами зрителей: «Еще! Еще! Фрэнк! Мы не прощаемся с тобой!»

Фрэнк Синатра был женат четыре раза. Первый раз он женился в феврале 1939 года на Нэнси Барбато. У них родилась дочь. Ее назвали Нэнси. Впоследствии она стала известной певицей. Затем родился Фрэнк Синатра-младший, который часто дирижировал оркестром на многих концертах своего отца. А их третьим ребенком была Тина, ставшая кинопродюсером.

Нэнси подала в суд прошение о разводе, в котором было сказано, что ее муж Фрэнк Синатра имеет любовные отношения с одной из известных актрис Голливуда, что было правдой. Суд поддержал прошение Нэнси, расторгнув их брак.

В 1951 году Фрэнк Синатра женился на той самой актрисе – Аве Гарднер. Но спустя шесть лет они разошлись, однако на этот раз по инициативе Фрэнка. Потом он женился на другой актрисе, Миа Фэрроу. К тому времени ему исполнился пятьдесят один год, а ей шел двадцать первый. Они вместе не прожили даже года. Через десять лет Фрэнк Синатра влюбился в Барбару Маркс, с которой прожил до последнего дня своей жизни.

Фрэнк Синатра скончался от сердечного приступа в 1998 году в возрасте восьмидесяти трех лет. Гражданская панихида состоялась в католической церкви с участием известного кардинала Роджера Махони. Фрэнк Синатра был похоронен в его родном городе Хобокен, штат Нью-Джерси, в семейном склепе.

«Патриарх мафии»

Во всех исторических изданиях Карло Гамбино описывался как человек строгого характера. И в то же время авторы этих публикаций отзывались о нем как о самом выдающемся

персонаже нового поколения мафии, не похожего на своих предшественников. В своих изданиях они утверждали, что Карло Гамбино был очень вежлив и мягок в общении не только со своими детьми и женой Катериной, но и со своими подчиненными, и даже с посторонними людьми, с которыми ему приходилось случайно встречаться. В одной из своих публикаций Николас Гейдж писал, что Карло Гамбино всегда сохранял дружеский, мягкий тон, даже когда с пистолетом в кармане вымогал деньги у очередного клиента. И даже когда с улыбкой на лице отдавал приказ своим подчиненным: «Делаешь свое дело – или смерть».

Его внешняя мягкость оказала положительное влияние на взаимоотношения лидеров пяти криминальных семейств, находившихся в составе мафии Карло Гамбино. В отличие от лидеров аналогичных уголовных банд не только нью-йоркских кланов, но и других городов пятерка Карло Гамбино жила в мире, без кровопролитий, убийств и зависти друг к другу по случаю больших доходов. «Гамбино руководил своими солдатами спокойно и уравновешенно. Это стимулировало интересы каждого члена мафии в их нелегальном бизнесе. И каждый зарабатывал хорошие деньги, невзирая на то, сколько долларов оказалось в чужом кармане» – так высказался один из юристов, обслуживавший мафию Карло Гамбино более пяти лет подряд, в своем интервью Николасу Гейджу, опубликованному в 1971 году в газете «Нью-Йорк таймс».

По признанию историков и сведениям архивных материалов агентуры ФБР, мафия Карло Гамбино считалась не только самой богатой в списке всех банд, но и самой многочисленной. Ее отряды действовали не только в городах штатов Нью-Йорк, Нью-Джерси и Коннектикут, расположенных неподалеку друг от друга, но и в таких отдаленных городах, как Чикаго, Филадельфия, Бостон, Новый Орлеан, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Майами и даже в Гаване, где успешно процветали карточные игры в созданном посланцами Карло Гамбино казино.

И, кроме того, мафия Карло Гамбино не прерывала дружеских отношений с гангстерами «Коза Ностра», орудовавшими на его родине, в городах Сицилии. Контрабандисты прославленного мафиози годами регулярно поставляли наркотики из США в Италию.

Важным источником доходов мафии Карло Гамбино являлось ее сотрудничество с лидерами крупнейшей в Нью-Йорке профсоюзной организации, именовавшейся в те годы Ассоциацией строительных рабочих, в которой состояли тысячи тружеников строительных компаний. Карло Гамбино, прозванный

лидерами профсоюза «патриархом мафии», в феврале 1965 года стал даже одним из собственников Ассоциации строительных рабочих. Как и его коллеги по профсоюзу, он имел право «вето» при дележе денежных средств. Этот профсоюз приносил ему лично миллионы долларов.

В копилку его мафии также регулярно поступала доля от «налога» по подписанному секретному договору о рэкете. Он требовал выплаты рэкетирам в годовом исчислении сотни тысяч долларов. Правда, в самом начале своей карьеры Дон Карло порвал связь с профсоюзом и даже запретил всем членам своей мафии вступать в любые деловые отношения с любыми профсоюзами.

Командный состав мафии Дона Карло состоял из профессионалов, досконально разбиравшихся в уголовном праве и тонкостях наркобизнеса, рэкета, банковских афер, жульничества в карточных играх в ночных клубах и казино, а также легко устранявших неугодных личностей. По сведениям министерства юстиции США, переданным в конгресс для рассмотрения задач борьбы с организованной преступностью в конце 60-х годов прошлого века, в командном составе мафии Дона Карло числилось тридцать семь капитанов, иначе говоря, командиров отрядов, специализировавшихся в разных криминальных сферах. Среди них были брат владельца Джозеф Гамбино и шурин Пол Кастелано. Их заработки по тем временам казались несбыточными даже для богатеев, годовой доход равнялся не менее 500 тысячам долларов. Рядовые солдаты довольствовались тридцатитысячным годовым заработком.

2 мая 1963 года хоронили Энтони Анастасиа, родственника убитого шесть лет назад в парикмахерской отеля «Шератон» Альберта Анастасиа. Энтони был лидером Ассоциации владельцев ипподромов конных скачек в стране и в Нью-Йорке, где у него были давние контакты со многими мафиози.

Среди участвовавших в похоронах Энтони был Тони Скатто, двадцатидевятилетний кузен Альберта Анастасиа. Тони Скатто стал подозревать Карло Гамбино в организации покушения на двоюродного брата. Он даже отказался тогда взять у Карло Гамбино большую сумму денег, якобы оставленную ему Альбертом Анастасиа. А потом он отказался и от приглашения Карло Гамбино стать членом его клана.

Но прошло некоторое время, Тони Скатто успокоился, перестал подозревать Карло Гамбино в убийстве двоюродного брата и после длительной беседы с глазу на глаз с Доном Карло пришел в мафию. Ему было тогда тридцать лет. Высокий, стройный мужчина пользовался большим успехом у женщин. Он

быстро завоевал успех среди гангстеров-рэкетиров одного из криминальных семейств мафии Карло Гамбино. А потом, набравшись опыта в рэкете, он по совету Дона Карло перешел на работу в профсоюз Ассоциации строительных рабочих. И тогда перед Тони Скатто открылись большие возможности. В его власти оказались все строительные организации Бруклина. Вскоре он был избран вице-президентом этой огромной и властной профсоюзной организации Нью-Йорка.

Карло Гамбино был очень доволен успехами Тони Скатто, который к своему диплому специалиста в области международных отношений бруклинского колледжа присовокупил еще и знания криминалиста, полученные в мафии Карло Гамбино. И тогда Дон Карло посоветовал Тони Скатто расширить контакты с людьми за пределами профсоюза и попытаться проникнуть в мир политических лидеров Нью-Йорка. Тони Скатто без промедлений последовал его советам.

Через некоторое время нью-йоркские газеты сообщили о беседе Тони Скатто с мэром Нью-Йорка Джоном Линдси. А вскоре те же нью-йоркские газеты с восторгом опубликовали информацию о встрече в Белом доме вице-президента нью-йоркского профсоюза Ассоциации строительных рабочих Тони Скатто с президентом США Линдоном Джонсоном. Это был фурор. Дон Карло с облегчением вздохнул. Он надеялся, что отныне криминальная деятельность гангстеров его мафии будет надежно прикрыта невидимой ширмой контактов самого высокого уровня. Дон Карло воспрянул духом, мечтая о тех днях, когда агентура ФБР потеряет всякий вкус к слежкам за ним самим и за его солдатами. И у него возникли новые идеи расширения фронта деятельности.

В начале 1965 года Карло Гамбино задумался о захвате международного аэропорта имени Кеннеди. В те времена этот аэропорт еще только набирал обороты в бизнесе, но очень успешно соревновался с морским транспортом, причалы которого находились в том же районе Бруклина. Суть соревнования этих двух организаций заключалась в перевозках пассажиров и всевозможных грузов из США в зарубежные страны и обратно. В те времена годовой оборот перелетов достиг 30 миллиардов долларов. Это был заманчивый бизнес для профессионалов рэкета и финансовых аферистов мафии Дона Карло.

Первым проник в подпольный рынок аэропорта давний знакомый Карло Гамбино и зять его сына Томми Лучизи. Он владел небольшой мафией в Нью-Йорке. Томми Лучизи с радостью принял в союзники Дона Карло, который привлек к их совместному нелегальному бизнесу десятки своих

профессионалов-рэкетиров. Таким образом, международный аэропорт имени Кеннеди, претендовавший на статус крупнейшего в стране, превратился для Карло Гамбино в еще одну заманчивую позицию для криминальных операций.

Каким же способом Дон Карло решил здесь зарабатывать деньги? Прежде всего – рэкетом. В его карманы потекли деньги от принудительного «налога», которым его гангстеры облагали поставщиков товаров, прибывающих в аэропорт. И не только их. Гангстеры мафии Карло Гамбино обложили данью владельцев транспортных фирм, занимающихся развозом прибывавшего в аэропорт товара и доставкой его на самолеты.

Так, они обложили поборами шесть транспортных фирм Нью-Йорка. Но у них постоянно возникали конфликты с владельцами транспортных фирм, пытавшихся снизить сумму поборов. А однажды один из владельцев вообще отказался платить: в присутствии Томми Лучизи он в клочья разорвал договор о помесячной выплате двум владельцам мафий годового «налога». Вскоре его труп был найден агентами ФБР в кузове грузовика, забитого ящиками со свежими персиками, прилетевшими в Нью-Йорк из Калифорнии.

В тот же день у Томми Лучизи зародилась идея привлечь к их бизнесу Томаса Гамбино, мужа его дочери Френсис, сына Карло Гамбино. Эту идею он тут же поведал Дону Карло, одобрившему ее без всякой дискуссии. А через пару дней Томми Лучизи, использовав свои связи с лидерами местного профсоюза, добился неожиданного успеха – назначения Томаса Гамбино вице-президентом самой крупной транспортной фирмы Бруклина, состоявшей в нью-йоркской транспортной корпорации «Консолидейтед».

Спустя еще пару недель по распоряжению Томаса Гамбино его транспортная фирма приступила к работе в международном аэропорту имени Кеннеди. В распоряжении фирмы были сотни пятитонных грузовиков, и она за короткий промежуток времени добилась лидерства в сфере перевозки в другие города и страны грузов, прибывавших в местный аэропорт.

Прошло еще несколько месяцев, и Томас Гамбино при помощи гангстеров мафии своего отца завладел всеми шестью транспортными фирмами, годами работавшими с администрацией международного аэропорта имени Кеннеди. Два прежних владельца из шестерки глав этих транспортных фирм были убиты. Остальные четверо добровольно за небольшую плату, полученную от гангстеров мафии Дона Карло, согласились отдать свой бизнес новому хозяину.

В 1966 году Томас Гамбино при поддержке лидеров

влиятельного местного профсоюза добился отставки своего шефа, президента транспортной фирмы корпорации «Консолидейтед», и занял его место, став, таким образом, главой семи транспортных компаний, работавших по контракту с администрацией аэропорта. Изменившаяся ситуация, как и планировали Карло Гамбино с Томми Лучизи, привела к утверждению иного «налога». На этот раз из фондов администрации аэропорта.

Однако эта афера была разоблачена, но с большим опозданием, в 1992 году, когда успех агентов ФБР уже не имел никакого значения для самого Дона Карло. Его уже не было в живых. В среднем, как свидетельствовали документы ФБР, личный годовой доход Томаса Гамбино и Томми Лучизи только лишь от транспортных фирм, обслуживавших международный аэропорт имени Кеннеди, равнялся 100 тысячам долларов.

В середине 60-х годов мафия «патриарха мафии», как называли Карло Гамбино, имела под своим контролем не только строительные организации Бруклина и деятельность транспортных фирм, обслуживавших международный аэропорт Кеннеди, но и взимала «налоги» с владельцев многих других бизнесов.

Список жертв рэкетиров мафии Дона Карло велик. Он рассекречен и хранится в архивах ФБР. В том документе приводятся списки убитых рэкетирами владельцев различных бизнесов, пытавшихся отказаться от выплаты «налогов», из него ясно, что на совести киллеров мафии Карло Гамбино каждый год в течение последнего десятилетия насчитывалось не менее сотни убитых людей.

В августе 1966 года Карло Гамбино исполнилось шестьдесят четыре года. Но он выглядел моложавым, обаятельным мужчиной, который при любых обстоятельствах умел собой владеть. Почти за десять лет управления мафией, доставшейся ему в наследство от Альберта Анастасиа, Дон Карло внешне почти не изменился. Зато изменилась его мафия. Историки единогласно считают, что она превратилась в самую мощную в стране, всесильную преступную корпорацию. По их мнению, подобной ей не существовало даже за рубежом, в Гаване и Палермо.

В 60-х годах минувшего столетия офицеры департамента нью-йоркской полиции начали постепенно раскрывать секреты мафии Карло Гамбино и самого Карло Гамбино. В конце концов они прояснили личность этого человека, за обманчиво-мягкими манерами которого скрывалась жестокость характера.

Альберт Сидман, шеф подразделения детективов нью-йоркской полиции, однажды заявил репортерам нью-йоркских

газет: «Гамбино выглядит как ласковый годовалый бычок, мастерски научился скрывать свое истинное лицо. Этот профессиональный бычок родом из преступного мира, самый опытный мафиози из числа известных нам за прошедшие десятилетия. Он искусно играет в свои опасные игры. Но лишь до поры до времени, до тех пор, пока угрозы не всплывают наружу. Да, он знает, как надо вести себя в опасных ситуациях, не оставляя за собой следов. Колоссальный труд поймать его за хвост. Ведь на самом деле Гамбино – безжалостная змея».

Все без исключения историки полностью согласны с мнением Альберта Сидмана, имевшего большой опыт в борьбе с наиболее крупными персонами преступного мира страны. Они, так же как и опытный детектив нью-йоркской полиции, считают, что самым надежным оружием Дона Карло были не кулаки и мощные мышцы, а искусность, отличная интуиция.

Ужин в ресторане «Ла Стелла»

В конце 1966 года Томми Лучизи почувствовал себя очень плохо. У него начались головные боли и головокружения. Но он упорно не хотел идти к врачу в надежде на то, что вот-вот поправится. Но шли месяцы и годы, а боли в голове не утихали, и головокружения участились. В начале 1967 года по настоянию своей дочери Френсис он наконец-то посетил врача. У него был диагностирован запущенный рак головного мозга, неизлечимый и неоперабельный. Ему не хотелось в это верить, и Томми Лучизи настоял на консилиуме врачей-онкологов. И все они пришли к одному и тому же выводу: жить мафиози осталось от силы пять-шесть месяцев. Но спустя всего пару недель после посещения врачей Томми Лучизи был госпитализирован, а еще через несколько дней впал в кому.

Эта новость мигом облетела владельцев криминальных организаций Нью-Йорка. Проблема была тут же вынесена на обсуждение членов Комиссии Нью-Йорка, которая состояла из лидеров наиболее крупных кланов города. После короткого обсуждения члены Комиссии приняли решение о созыве совещания в составе четырех самых прославленных мафиози и девяти главарей криминальных семейств Нью-Йорка. Их сборище было назначено на 22 сентября 1967 года в ресторане «Ла Стелла».

Агенты спецотдела городской полиции, следившие за главарями преступных организаций Нью-Йорка, узнали об этом. Но они не имели никакой информации о месте и времени встречи. И тогда был взят на прицел Майкл Миранда – главарь одного из криминальных семейств. По мнению агентов, он мог быть возможным участником этого собрания. Слежка за Майклом

Мирандой началась с утра 22 сентября. И только к 5 часам вечера агенты полиции оказались вместе с ним неподалеку от ресторана «Ла Стелла». Как только машина Майкла Миранды остановилась у входа в ресторан, туда же подкатил роскошный «бьюик», в котором вместе со своими охранниками находился Карло Гамбино. Следом за ними подъехала машина, из которой вышел его заместитель Джозеф Галло.

Одна за другой к подъезду ресторана стали подъезжать роскошные автомобили. Стало ясно, что все эти важные персоны, включая Карло Гамбино, были участниками запланированной встречи. И тогда старший офицер группы тайных агентов Ральф Салерно доложил начальству и запросил дальнейшие инструкции. Приказ из штаба последовал немедленно: арестовать всех участников сборища.

Когда агенты полиции вошли в прихожую ресторана, встретивший их швейцар пояснил, что компания гостей ужинает в подвальном помещении, где находится изолированный от всех зал. Мафиози раскрыли рот от удивления, увидев незнакомых людей в штатском, неожиданно вошедших в зал. Ральф Салерно предъявил им удостоверение офицера нью-йоркской полиции, сказал, что все они арестованы, и приказал не двигаться.

Один из агентов тут же достал фотоаппарат и сделал несколько снимков. Через пару минут арестованные мафиози были выведены из ресторана, где их уже ожидали полицейские машины. Ральф Салерно сказал шефу: «Трудно поверить, что они пришли в ресторан на совещание. Они уплетали свою еду с таким смаком, будто голодали целую неделю. Думаю, они пришли в ресторан не на совещание, а только на ужин».

Именно такую версию выдвинули арестованные мафиози во время допроса. Поверили им в полиции или нет, но шеф приказал подчиненным снять с арестантов наручники. Через час в полицейский штаб стали прибывать жены арестантов для выплаты залогов. А потом их мужей отвезли в тюрьму нью-йоркского района Куинс, где они пробыли до следующего утра.

В 10 часов утра 23 сентября 1967 года всех арестантов отвезли в местный суд, где им было предъявлено обвинение в незаконном проведении совещания в ресторане «Ла Стелла». Вместе с мафиози туда прибыли их жены и адвокаты. А вслед за ними к началу судебного заседания появились официант, обслуживавший эту группу гостей, и швейцар ресторана, который повторил то же самое, что накануне заявил прибывшим в ресторан тайным агентам нью-йоркской полиции: все гости ресторана с удовольствием ужинали в подвальном зале. Официант, в подтверждение слов швейцара, предъявил судье

меню и счет на двести долларов, который остался неоплаченным. «Они не успели, а точнее, не смогли заплатить за свой ужин», – сказал официант и потребовал немедленной оплаты счета.

Судья оправдал подсудимых и велел им тут же оплатить вчерашний ужин с уплатой официанту чаевых за его хлопоты и переживания. Каждый мафиози вытащил из кармана деньги. На столе судьи оказалось значительно больше денег, чем требовалось. Но бывшие арестанты с благодарностью заявили, что официант заслуживает еще большую сумму чаевых и что в следующий раз они расплатятся с ним вовремя и с большим вознаграждением. Затем мафиози вместе со своими женами покинули судебный зал.

Спустя почти двадцать лет после того неудачного сборища, когда уже завершились многие следственные дела и раскрылись многие тайны преступного мира, бывший специальный агент ФБР Гарольд Хугес поведал автору книги «Династия мафии» Джону Дэвису интересную информацию о том, что участникам собрания нужно было решить целый ряд серьезных проблем. Одна из них заключалась в поиске компромисса для ликвидации кризисных взаимоотношений глав мафий штатов Луизиана и Техас. Их отношения достигли того критического предела, за которым оставалась лишь открытая война. Кроме того, члены Комиссии хотели понять, как им напасть на след предателя, который выдал агентам ФБР секреты, хранившиеся годами: информацию о местонахождениях в городах Атланта, Тампа и Майами подпольных клубов с запрещенными карточными играми и процветавшей проституцией.

Но главным пунктом повестки дня были десятки сложных, запутанных проблем, вызванных смертельным заболеванием Томми Лучизи. Им нужно было решить, кто возглавит его мафию в случае его смерти и как будет происходить раздел ее будущих совместных доходов с мафией Карло Гамбино. Кто сможет играть роль беспристрастного координатора, руководить бизнесом в международном аэропорту имени Кеннеди и всеми финансовыми связями умирающего мафиози с профсоюзной организацией? Кому доверить не менее доходный наркобизнес, которым всего лишь несколько месяцев тому назад занялся Томми Лучизи?

О чем думал Дон Карло? У него были свои представления по поводу дальнейшей судьбы мафии Томми Лучизи. Его тогда меньше всего устраивало желание многих участников разделить клан его друга на две самостоятельные организации, а соответственно разделить его будущие доходы. Он думал только о своих интересах и не желал никому отдавать богатство своего давнего друга, который, как и он, родился в Палермо.

Семья Томми Лучизи сбежала из Италии в Нью-Йорк в 1910 году, когда будущему мафиози было всего одиннадцать лет. Они жили в итальянской общине Манхэттена, где Томми и познакомился с Карло Гамбино. Им уже было далеко за двадцать лет. И вот теперь, спустя столько лет, Дон Карло, невзирая на то, что могут подумать или предпринять главари мафий Нью-Йорка, не желал расставаться с ожидаемым наследием. Он с нетерпением ждал момента, когда сможет завладеть кланом Томми Лучизи.

Томми Лучизи умер 13 июля 1967 года в госпитале, так и не выйдя из комы. Ему было шестьдесят восемь лет. Его похоронили на кладбище Калвари семетри нью-йоркского района Куинс. В похоронной процессии участвовала почти тысяча человек.

На следующий день после похорон своего друга Дон Карло, не дожидаясь решения Комиссии главарей нью-йоркских мафий, объявил себя наследником мафии Томми Лучизи. Через пару дней члены Комиссии, оказавшись перед лицом свершившегося факта, одобрили решение Карло Гамбино.

С того дня, кроме пяти собственных криминальных семейств и ранее присвоенных двух семейств Вито Дженовезе, с учетом мафии Томми Лучизи, в его руках сосредоточился почти весь преступный мир Нью-Йорка.

Своего момента, как предполагали историки, дождалась также другая мафия – Джо Коломбо, за которой в последнее время стали пристально следить тайные агенты ФБР.

Финал праздничного парада

Джо Коломбо родился в 1914 году в Нью-Йорке, в Бруклине, где жили тысячи итальянских семейств. После приезда в США его отец Энтони Коломбо, родом из Палермо, долго не раздумывал о своем будущем и сразу же примкнул к одному из криминальных семейств Нью-Йорка. Энтони, как утверждают историки, был высоким, красивым мужчиной, который любил проводить время в барах и ночных клубах, не ограничивая себя в спиртном.

Он посещал эти заведения один, без жены, и неоднократно возвращался домой за полночь совершенно пьяный. Историки утверждают, что в его семье не утихали ссоры и скандалы, проходившие на глазах еще совсем юного сына. Джо рос на улице среди местных подростков, таких же, как и он, брошенных родителями на произвол судьбы. Вскоре он связался с бандитской шайкой и стал грабить прохожих.

Однажды Энтони в очередной раз пришел домой пьяным, и в их квартире разгорелся ужасный скандал. На следующий день он рано утром ушел из дома и больше не вернулся. А еще через день полиция нашла Энтони мертвым в его собственной машине.

Вместе с ним была его мертвая любовница. Кто совершил это преступление, так и осталось неизвестным.

К тому времени Джо исполнилось четырнадцать лет, и он был предоставлен самому себе. Он навсегда связал свою жизнь с преступным миром. Уже взрослый, Джо Коломбо, набираясь опыта, успешно продвигал свою карьеру в Нью-Йорке. Сначала он служил рядовым солдатом, практикуясь в рэкете, затем заслужил звание капитана отряда в наркобизнесе в одном из нью-йоркских криминальных семейств. В 1961 году, когда ему исполнилось сорок семь лет, Коломбо получил должность зама в мафии Джозефа Профазе. Через год Джозеф Профазе умер, и Джо Коломбо стал боссом клана покойного, основавшего эту преступную организацию в 1928 году.

К тому времени, когда мафия Дона Карло стала лидером преступного мира Нью-Йорка, Джо Коломбо создал в Нью-Йорке организацию защитников гражданских прав, названную им Итальяно-американская лига гражданских прав. Это произошло в марте 1970 года. Ее появлению предшествовали аресты агентами ФБР нескольких активных деятелей мафии Джо Коломбо, сумевших вовлечь в рэкет шефов профсоюзной организации нью-йоркского района Бруклин.

После официальной регистрации лиги в нью-йоркской мэрии ее создатель Джо Коломбо получил предложение от местной радиовещательной компании выступить с подробным рассказом о целях и задачах Итальяно-американской лиги гражданских прав. Он с удовольствием принял приглашение.

Создание Итальяно-американской лиги гражданских прав нашло поддержку не только среди иммигрантов из Италии, но и среди множества жителей других этнических общин и даже коренных жителей Нью-Йорка. Через пару месяцев в организованной Джо Коломбо демонстрации противников дискриминации итальянских иммигрантов и защитников их гражданских прав участвовало 150 тысяч жителей этого города. Они несколько часов маршировали с плакатами протеста против ареста ни в чем не повинных итальянских иммигрантов. Именно тогда у Коломбо родилась идея провести массовую демонстрацию сторонников лиги и назвать «Днем объединения итальяно-американцев».

Эта демонстрация состоялась 29 июня 1970 года, когда по улицам Нью-Йорка, по сведениям тогдашней городской администрации, прошествовало людей больше, чем в первый раз – почти 200 тысяч человек. В тот день для участия в демонстрации «День объединения» в Нью-Йорк приехали жители Детройта, Буффало, Филадельфии, штата Нью-Джерси. Участники

демонстрации несли множество плакатов с лозунгами «Равные права для всех!», «Итальянцы – прекрасные люди!», «ФБР! Освободить заключенных!».

Когда демонстранты маршировали вдоль Шестьдесят девятой улицы, где находились городское отделение ФБР и статуя Христофора Колумба, Джо Коломбо произнес эпохальную речь. Он провозгласил «на веки вечные мир иммигрантов с коренными жителями Америки» и поблагодарил городскую администрацию за помощь в организации демонстрации в защиту гражданских прав всех жителей страны.

В тот день на Шестьдесят девятой улице рядом со статуей Христофора Колумба находились видные политические деятели. И мафиози Джо Коломбо запечатлели рядом с заместителем мэра Нью-Йорка Ричардом Аурелио, конгрессменами Адамом Повеллом и Марио Бояджи. Этот снимок на следующий день был опубликован во всех газетах Нью-Йорка в качестве иллюстрации к интервью с участниками демонстрации. А вечером того же дня на стадионе Мэдисон-сквер-гарден состоялся грандиозный концерт, посвященный празднованию «Дня объединения», с участием известных музыкантов и певцов, включая Фрэнка Синатру.

В тот же день прошла демонстрация в Олбани, столице штата Нью-Йорк. Ее участники с плакатами протеста против дискриминации итальянских иммигрантов столпились у входа в штаб ФБР с требованиями немедленного освобождения арестованных итальянцев. С того дня популярность Джо Коломбо распространилась по всей стране. Его стали приглашать для выступлений не только на местное радио. Интервью с ним транслировались почти по всем телевизионным каналам и публиковались во многих газетах страны.

Джо Коломбо выступал от имени Лиги гражданских прав с требованием немедленного прекращения агентами ФБР дискриминации итальянских иммигрантов. В отличие от всех остальных мафиози, не желавших принимать участие в публичных мероприятиях, Коломбо старался как можно чаще появляться на фоне общественных событий, пытаясь сгладить представление о нем агентов ФБР как о лидере одной из нью-йоркских мафий.

Это его не спасло от тотальной слежки агентами ФБР. Как следует из официальных документов ФБР того времени, по сей день сохранившихся в архивах, агенты расценивали все действия Джо Коломбо, связанные с созданием его Лиги гражданских прав, не чем иным, как удачно организованным трагико-комическим театральным представлением.

Спустя месяц после нашумевших демонстраций лидеры ФБР

решили опустить занавес над его театральным демаршем. Они представили городской прокуратуре доказательства преступной деятельности членов мафии Коломбо. А через несколько дней в списке уголовников, отправленном ФБР в городскую прокуратуру, оказался и сам мафиози Джо Коломбо. Еще через несколько дней нью-йоркская прокуратура против него и двадцати трех членов его мафии возбудила уголовное дело. Вся эта компания была арестована и посажена в тюрьму. Документы с доказательствами их преступной деятельности были переданы на рассмотрение членам жюри присяжных заседателей федерального суда округа Манхэттен. Арестанты были обвинены в фальсификации банковских документов, организации нелегальных карточных игр и создании тайных борделей.

ФБР не обошло вниманием и мафию Карло Гамбино: агентам стали известны намерения Дона Карло присоединить к своей могущественной преступной империи трещавшую по всем швам мафию Джо Коломбо.

ФБР стало известно, что группа гангстеров мафии Карло Гамбино под руководством его зама Аниэлло Деллароси вступила в переговоры с гангстерами мафии Джо Коломбо о совместной контрабанде кокаина и героина сицилийским бандам «Коза Ностра». Вслед за арестом Джо Коломбо агенты ФБР арестовали Аниэлло Деллароси, обвинив его в сотрудничестве с уголовными элементами из мафии Джо Коломбо.

В начале августа 1970 года, в соответствии с процессуальными условиями уголовного кодекса США, они еще до рассмотрения дела в суде предстали перед присяжными для дачи показаний. Взвесив все факты, предъявленные обвинением, присяжные объявили Джо Коломбо невиновным. Он был отпущен на свободу. Аниэлло Деллароси же отказался от дачи показаний и был отправлен в тюрьму на год.

Вся эта история послужила причиной тяжелых раздумий Дона Карло. С одной стороны, созданная Лига гражданских прав, как он считал, безусловно, играла положительную роль. Борьба с дискриминацией этнических меньшинств ничего, кроме пользы, не могла принести. Но с другой стороны, рассуждал Дон Карло, всем очевидной была реакция ФБР на популярность Джо Коломбо и его лиги.

И Карло Гамбино начал подумывать о том, как ему организовать действенное падение популярности своего коллеги, поскольку считал, что активность Джо Коломбо раздражала высшие круги ФБР. В архивных документах того времени сохранились показания Джозефа Канталупы, рядового солдата мафии Джо Коломбо, которые вторят мнению Дона Карло. Он

заявил агентам ФБР, что его босс считает себя лидером всех выходцев из Италии, растворившихся по всей стране и объединившихся по его зову в единую этническую общину. Джозеф Канталупа даже сказал, что Коломбо мечтает выдвинуть свою кандидатуру на любой свободный пост члена конгресса страны.

По всей видимости, эти показания были не так уж далеки от истины. Коломбо все чаще и чаще во время своих выступлений по радио или в телевизионных шоу говорил о необходимости всем гражданам страны бороться за свои права. Он беспрерывно нападал на власть, играя роль правозащитника и общественного деятеля, избрав главной мишенью своей критики ФБР.

В начале 1971 года Коломбо, умалчивая о своей параллельной криминальной жизни, продолжал играть роль правозащитника и общественного деятеля и внес дополнение в программу своей Лиги гражданских прав. «Мы должны бороться со стереотипами гангстеров, созданными средствами массовой информации, не признающих равенство прав выходцев из Италии со всеми жителями Америки. Мы должны положить этому конец. Мы – итальяно-американцы. И мы должны гордиться нашим наследием, бороться на всех фронтах за равенство гражданских прав, и мы должны убедить все средства массовой информации, чтобы они раз и навсегда отказались от употребления слов «мафия» и «Коза Ностра» во всех своих изданиях. Мы должны бороться с преступностью и не прикрывать ее пустыми словами».

В начале 70-х годов по телевизионным каналам США демонстрировался сериал под названием «ФБР». Сторонники Джо Коломбо, следуя его указаниям, сделали все от них зависящее, чтобы в его сценарии были начисто изъяты эти слова, и продюсеры сериала безмолвно покорились их требованию. Более того, под натиском представителей Лиги гражданских прав даже тогдашний генеральный прокурор США Джон Митчел приказал своим служащим больше не употреблять слова «мафия» и «Коза Ностра» в правительственных документах, предназначенных для публикации в СМИ.

Сторонники Коломбо также обрушились на создателей известного во всем мире романа Марио Пьюзо «Крестный отец» и фильма по нему Фрэнсиса Форда Копполы. К удивлению зрителей, без согласования с автором сценария из фильма было удалено слово «мафия». И в довершение всего газета «Нью-Йорк таймс» тоже изъяла со своих страниц это понятие.

Джо Коломбо, ободренный успехами, достигнутыми в общественной жизни Нью-Йорка, приступил в марте 1971 года к подготовке празднования второй годовщины «Дня объединения».

Он планировал провести его там же, на Шестьдесят девятой улице, у памятника Христофору Колумбу, где находился главный офис нью-йоркского отделения ФБР. Коломбо разослал приглашения наиболее популярным политическим деятелям Нью-Йорка, Нью-Джерси, Чикаго и ряда других городов страны.

Боссы нью-йоркских мафий отрицательно отнеслись к его затее. Их беспокоила реакция ФБР. Карло Гамбино вообще не сомневался в возможных арестах и посоветовал отменить празднование «Дня объединения» и передать Лигу гражданских прав в чьи-то другие руки или вообще ее распустить.

Но Коломбо не пожелал слушать Дона Карло. Он даже обругал его нецензурными словами, заявив, что на этом их дружба кончилась. Карло Гамбино уже в который раз задумался о том, что ему следует предпринять решительные меры для уничтожения лиги вместе с Джо Коломбо и его мафией. Он хотел, чтобы организация защитников гражданских прав была признана незаконной, хотя бы потому, что ее главой являлся босс криминальной организации Нью-Йорка…

Празднование второй годовщины «Дня объединения» должно было начаться 28 июня 1971 года. Накануне демонстрации у входа во многие магазины Манхэттена и в районах Бруклин и Куинс были развешаны объявления о начале праздничной демонстрации. Вечером 27 июня гангстеры Карло Гамбино содрали афиши с дверей почти всех магазинов. На следующее утро те же гангстеры смогли убедить местную полицию закрыть главную магистраль, по которой должны были пройти шествие и парад.

В тот день в 11 часов 30 минут утра на Шестьдесят девятой улице собрались тысячи демонстрантов в ожидании речи Джо Коломбо. Ровно в назначенное время на трибуне возле памятника Колумбу в сопровождении двух охранников появился Коломбо.

На трибуне, кроме него и нескольких его экстравагантных поклонников, не было ни одного политического деятеля, ни представителя городской мэрии.

В кульминационный момент на трибуне появился фотокорреспондент, назвавший себя Джереми Джонсон. Он сделал несколько снимков, а потом зашел в тыл трибуны, расстегнул куртку и, выхватив спрятанный пистолет, выстрелил три раза в затылок Джо Коломбо. Охранники мафиози тут же сбили Джереми Джонсона с ног. А когда он упал на пол, кто-то в упор выстрелил ему в лицо и мигом исчез в толпе демонстрантов. Никто не попытался его задержать.

Джо Коломбо чудом остался жив, его отвезли в больницу, где сделали сложную операцию. Как утверждает Джон Дэвис, автор

книги «Династия мафии», почти треть мозга мафиози была уничтожена пулей, насквозь пролетевшей через голову. Джо Коломбо остался парализованным на всю жизнь, не мог ходить, у него пропали речь и слух. В таком состоянии мафиози прожил еще семь лет и умер 22 мая 1978 года в своем нью-йоркском особняке.

После покушения на жизнь Джо Коломбо демонстранты разошлись по домам. Никакого праздничного шествия по случаю «Дня объединения» не произошло. Вскоре не стало даже упоминаний о существовании Итальяно-американской лиги гражданских прав.

Полиция произвела расследование, пытаясь разыскать организатора покушения на жизнь Джо Коломбо. Они установили, что «фотокорреспондентом», стрелявшим в Джо Коломбо, был двадцатипятилетний человек, которого действительно звали Джереми Джонсон. Он был рядовым солдатом одного из отрядов криминального семейства, входившего в состав мафии Карло Гамбино. В его обязанности входила тайная торговля брошюрами с порнографическими снимками. Полиция не смогла установить, был ли он наемным убийцей Дона Карло или совершил преступление по собственной инициативе.

Через две недели после покушения на Джо Коломбо в Нью-Йорке состоялось тайное совещание Комиссии преступных кланов города. Ни один из них не решился опротестовать желание Дона Карло включить в свою мафиозную империю парализованного Джо Коломбо. Ибо любое слово Дона Карло имело силу приказа.

ГЛАВА 4

Трагедия жен мафий

В 70-х годах формирование нового поколения мафии в стране во многом зависело от эффективности деятельности руководителя организованной преступности. Даже агенты ФБР были удивлены тому, с какой легкостью мафия беспомощного Джо Коломбо перешла в руки Карло Гамбино.

Почти за столетний период становления в США кланов организованной преступности, на вершине власти которой во второй половине минувшего столетия царствовали мафии уже второго поколения выходцев из Италии, их структура окончательно сформировалась. К этому же времени окончательно сформировался и высший эшелон – Комиссия или Администрация. Членами Комиссии являлись не только наиболее властные мафиози, как, например, Карло Гамбино, но и наиболее образованные члены мафий. Прежде всего люди с дипломами в области экономики и юриспруденции – профессиональные советники, которые занимались легализацией денег мафии. В их обязанность входил также наем адвокатов в случае возникновения уголовных процессов по обвинению членов мафий в совершении уголовных деяний, снабжение их нужными фактами и соответствующей документацией и при необходимости контакты с полицией. В каждом отделении Комиссии в зависимости от ее территориального нахождения и количества мафий в том районе насчитывалось не менее девяти и не более двенадцати человек.

Каждая Комиссия имела в подчинении Консультативные комитеты, в обязанности которых входило рассмотрение и решение разного рода конфликтов. Консультативные комитеты вырабатывали также рекомендации о выдвижении членов мафий на высшие позиции главарей отрядов в сфере рэкета и наркобизнеса, а также о мерах наказания провинившихся членов криминальных семейств в соответствии с кодексом «Омерта». Членам Консультативных комитетов также доверялось выявление наиболее продуктивных объектов рэкета, районов с высшим коэффициентом спроса на наркотики, своевременное определение различных проблем на неустойчивом рынке подпольных казино и торговли проститутками.

Правомочность функций каждой Комиссии с ее Консультативным комитетом распространялась минимум на 25 криминальных семейств, независимо от того, сколько таких семейств было объединено в единую мафию. Эта масштабность

убедительно говорит о том, что в 70-х годах новое поколение мафий распространилось по всем наиболее крупным городам страны. А наиболее богатые и властные «семьи» оперировали в Нью-Йорке и в самом штате Нью-Йорк, а также в Нью-Джерси, Иллинойсе, Флориде, Луизиане, Неваде, Калифорнии и Мичигане. В составе каждого криминального семейства числилось от 500 до 800 солдат.

В тех же 70-х годах была завершена окончательная структура самих мафий, полностью перестроен верхний эшелон. Глава мафии, как и прежде, сохранял в своем аппарате заместителей, а в аппарате ближайших сподручных «босса боссов» появились «лейтенанты». Новые правила предоставили «лейтенантам» широкий диапазон действий. Помимо надзора за всеми видами деятельности гангстеров, им было предоставлено право продвижения на посты замов. Во многих случаях рекомендации «лейтенантов» играли окончательную роль при утверждении на посты первых помощников.

Во всех мафиях действовала группа «лейтенантов», но они работали в одиночку из соображений безопасности, боязни предательства или передачи любой секретной информации конкурирующим преступным организациям. Через «лейтенантов» ежедневно, ежечасно передавалась вся текущая информация непосредственно главарю мафии.

В иерархии высшего звена находилась еще одна властная структура мафиози – «буфер». Численность этой группы зависела от размера мафии, но не превышала двенадцати человек. Члены «буфера» освобождали «босса боссов» от необходимости общаться с низшим эшелоном. Они исполняли роль персональных информаторов верховного босса. Особую роль играли люди, хорошо знакомые с бухгалтерской работой, ибо им доверялось осуществлять финансовый контроль всех сфер деятельности преступной организации.

Самым низшим эшелоном мафии были рядовые солдаты, составлявшие армию преступных организаций. Но стать солдатом мафии нового поколения, или, как их стали тогда называть, «итальяно-американской мафии», было не так-то просто. Солдатом, как, впрочем, и членом любого уровня, мог быть только этнический итальянец по отцовской и материнской линии. Но в начале 90-х годов в структуру «итальяно-американской мафии» была внесена поправка. Как исключение разрешалось вознаграждать членством в этих организациях людей, чьи матери не были итальянками. За мужчинами, уже состоявшими в армии мафий и женившимися на женщинах не итальянского происхождения, лишь в редких случаях сохранялось членство в

этих организациях.

Численность армии солдат колебалась от пятисот человек до пятнадцати тысяч. Армия гангстеров делилась на отряды, а они, в свою очередь, на подразделения, специализировавшиеся на определенных видах преступной деятельности. Наиболее многочисленные подразделения состояли из отрядов профессиональных рэкетиров, вторыми по численности считались подразделения отрядов наркоторговцев – более доходного бизнеса, чем рэкет. А затем шли подразделения, специализировавшиеся на подделках различных документов, в их числе были малочисленные группировки фальшивомонетчиков. Далее шли подразделения уличных гангстеров, угонщиков машин, воров и грабителей. Последнее место занимали подразделения профессиональных убийц, умевших хранить тайны не только от рядовых солдат, но и от боссов высшего эшелона мафий.

В те первые годы деятельности нового поколения мафий стало зарождаться совсем иное, чем было прежде, «правовое законодательство» преступных кланов с учетом жестких требований современности. Главной заботой новых правовых мер являлось ужесточение условий секретности жизни мафий.

Согласно «Омерте», если рядовой солдат мафии или даже «босс боссов» нарушит его правила и согласится на сотрудничество с федеральными властями, он будет признан предателем со всеми вытекающими последствиями, а его семья окажется пожизненно обреченной на невзгоды. В новых правилах современных мафий наказания не распространялись на семьи. Если член мафии во время допросов в органах ФБР, прокуратуры или во время судебного процесса держал рот на замке, его семья и он сам щедро вознаграждались. Например, он мог рассчитывать на любую сумму залога в случае временного освобождения от ареста, стопроцентную оплату адвоката. Более того, новые правила «Омерты» гарантировали таким «глухонемым» членам преступных кланов запугивание свидетелей, вызванных в суд для дачи против них показаний, запугивание членов жюри присяжных. В случаях же вынесения им смертной казни самые близкие родственники их семей, в первую очередь жены и дети, пожизненно обеспечивались финансовой помощью.

Но, несмотря на множество суровых мер, предпринятых членами Комиссии, и множество финансовых поблажек, стимулирующих молчание, предательства во время допросов в полиции следователями органов ФБР и во время судебных процессов стали частым явлением, особенно среди низшего звена мафий и даже командиров отрядов. Однако в истории новых

поколений мафий не было случаев предательства со стороны «босса боссов», даже когда им грозила смертная казнь. За исключением единственного пока классического примера.

Речь идет о предательстве ближайших соратников «босса боссом» Джозефом Массино. Он владел богатой и властной мафией в Нью-Йорке. Однажды его арестовали, а 23 июня 2005 года федеральный суд Нью-Йорка приговорил его к пожизненному заключению. Газета «Нью-Йорк таймс» сообщала, что Джозеф Массино оказался первым в истории главарем «итальяно-американских мафий», который пренебрег клятвой и новыми постулатами «Омерты», решившись на сотрудничество со следователями ФБР, и бесцеремонно «слил» своих подчиненных и даже свою жену, которая была в курсе его уголовного бизнеса.

В истории «итальяно-американских мафий» существует ряд мер, которые только на словах поддерживались главарями мафий, и, сколько бы они ни переписывались, все равно не вызывали симпатий у криминальных семейств. Тогда члены Комиссии отказались от сочинения новых правил и предложили во всех случаях соблюдать традиционные законы «Омерты». Один из них, в частности, гласил: «Похищения своих друзей и соратников с целью вымогательства денег запрещены». Но и это правило – правовой акт, взятый из самого популярного свода норм поведения членов криминальных семейств, – не нашло поддержки у нового поколения «итальяно-американских мафий». Доказательством тому может служить еще один классический случай, произошедший в конце 70-х годов.

Однажды в мафии, господствовавшей в нью-йоркском районе Гарлем, произошел конфликт между двумя группами солдат, занимавшихся наркобизнесом. Солдаты одной группы позавидовали своим партнерам из другой группы, почти вдвое больше зарабатывавшим на продаже кокаина и героина, и похитили трех солдат из преуспевающей группы, потребовав за каждого выкуп в размере 40 тысяч долларов. Получив требуемую сумму, похитители отпустили своих пленников, которых на следующий день все же убили. Труп одного из них с отрубленными руками и головой был найден полицией в парке того же нью-йоркского района. Пока велось следствие, кто-то подобным образом разделался с солдатами, спровоцировавшими этот ужасный случай. С тех пор закон о запрете похищений своих соратников по бизнесу был забыт навеки. Похитители, их жертвы и заинтересованные в конфликтах лица разрешали споры и неурядицы на свой лад, игнорируя кодекс «Омерта».

Правила поведения всех членов мафий касаются не только их собственной жизни, но и жизни их семейств, жен, дочерей, сестер

и даже любовниц, чья жизнь по воле судьбы оказалась драматически связанной с опасной криминальной жизнью их мужей, отцов и любовников. В новых правилах к кодексу «Омерта» в какой-то мере проявлялась забота о женах мафиози в форме финансовой помощи в случае убийства мужей или вынесения им смертного приговора. Аналогичные права были предоставлены даже женам, разведенным с членами мафий еще до их убийства, ареста или высшей меры наказания.

В старых правилах «Омерты» о женщинах, покинувших своих мужей, вообще ничего не говорилось. Однако современные правила в корне изменили эту ситуацию, разрешив владельцам мафий оказывать финансовую помощь даже тем женам, которые заимели любовников в ответ на то, что их мужья изменяли им первыми и оказывались, таким образом, виновниками разводов и распада семейств. Специалисты юриспруденции и знатоки истории того времени считают, что подобного рода финансовые пособия родственникам мафиози, с честью исполнявшим свой долг и державшим рот на замке, были стимулом к соблюдению секретов всеми без исключения.

Но как бы создатели новых правил жизни мафий ни любили женщин, они руководствовались правилом «Доверяй, но проверяй», что требовало от мужей не делиться с женами никакой информацией. Первая причина: жены при разводах могут обнародовать секреты следственным органам. Вторая причина: жены могут под строжайшим секретом поведать тайны мужей кому-то из своих близких знакомых. Третья причина: агенты полиции и ФБР хорошо знают женские характеры, а поэтому часто и прежде всего начинают следствие с допросов жен. Все это красочно иллюстрирует опасную жизнь жен, дочерей, часто пытавшихся бунтовать против невыносимых условий их жизни, иногда даже погибавших в борьбе за свою независимость.

Подтверждением тому служит один трагический случай, описанный в книге «Мафия США», произошедший в конце 70-х годов с женой мафиози, приговоренного к двум годам тюремного заключения. Во время его отсутствия у нее появился любовник. Вернувшись домой из тюрьмы, муж узнал об измене. В соответствии с кодексом «Омерта» ее должны были убить. Но выполнить смертный приговор ее мужу тот же свод законов не разрешал. Он должен был нанять убийцу, что и сделал.

Обновленный кодекс «Омерта» ужесточил правила поведения жен членов «итальяно-американских мафий». Им не рекомендовалось посещать вместе с мужьями рестораны, казино, ночные клубы. В противном случае, в зависимости от обстоятельств, жена или муж могли быть наказаны

вышестоящими мафиози. Список наказаний был обширен. Новые правила предписывали женам членов мафий посещать с мужьями кинотеатры и концертные залы, но не те места, где можно было вести себя фривольно и употреблять алкоголь в обществе мужчин.

Такого рода правила, по мнению некоторых историков, были продиктованы тем, что большинство жен гангстеров «итальяно-американских мафий» вовсю пользовались материальными благами, коих было предостаточно. Правила «Омерты» наказывали тех жен, которые вели себя чересчур свободно и посещали казино или ночные клубы в отсутствие своих мужей.

Новые правила кодекса «Омерта» вообще лимитировали круг общения жен мафиози. Им настоятельно рекомендовалось общаться только с людьми своего круга.

Некоторые жены пытались восставать против этих «идиотских правил», как они были однажды названы одной из них в интервью, опубликованном в газете «Нью-Йорк таймс». Она позволяла себе часто встречаться со своими друзьями из другого круга. Однажды возле подъезда ее дома в центре Манхэттена появились два соглядатая, с того дня систематически следовавшие за ней во время прогулок по городу и встреч с друзьями.

Не менее «идиотскими» были и другие новые правила «Омерты». Когда жены членов мафий приходили на похороны, свадьбы, дни рождения, они должны были быть очень осторожными в выборе подарков или возложений на могилы. Они не имели права покупать подарки более дорогие, чем покупали жены мужей рангом выше их супругов. Подтверждением тому служит признание одного из офицеров нью-йоркской полиции, которое приводится в архивных документах этой следственной организации. «Мы однажды проверили список подарков, принесенных на свадьбу члена одной из нью-йоркских мафий, и проверили должностные статусы всех гостей. Оказалось, цены на подарки соответствовали должностному статусу мафиози клана. Чем выше была позиция в мафиозной структуре, тем соответственно дороже подарок. Непонятно, почему у мафиози одного и того же уровня действовали такие несуразные требования к их женам и к женам рядовых солдат».

Жены членов мафий жили в постоянном страхе, что муж может неожиданно исчезнуть или быть убит. Женщины чувствовали себя совершенно беспомощными в разрешении конфликтов своих мужей, а уж в тех случаях, когда убийства мужей происходили на глазах их и детей, – и подавно. В исторической хронике иногда приводились случаи, когда жены становились на защиту своих мужей и их участь была

предрешена. Один из таких случаев произошел в Нью-Йорке с семейством заместителя босса из мафий Филиппа Растелли.

Его жена Констанси ни за что не хотела даже на день расставаться с мужем. Она уговорила его взять ее на работу в свою мафию и стала водителем грузовика, на котором гангстеры развозили украденные товары на склады черного рынка. Но однажды ее мужа арестовали, обвинив в воровстве ювелирных изделий. Суд над ним должен был состояться в понедельник. Накануне судебного процесса Констанси застрелила человека, который должен был выступить свидетелем.

Но ее муж не заслуживал такого отношения. Суд ввиду отсутствия доказательств не смог доказать вину Филиппа Растелли, а тот, выйдя на свободу, тут же завел любовницу. Констанси узнала об этом и избила и изувечила молодую женщину, пригрозив изменнику: «В следующий раз убью тебя». Но, как и следовало ожидать, муж не стал терпеть ее приступов ревности и нанял убийцу, который застрелил Констанси возле ее дома.

К сожалению, такие случаи были не единичны. Мафиози предпочитали иметь дело с любовницами, с которыми им, вероятно, было легче разрешать любые конфликты и которые не посягали на их свободу. В истории организованной преступности США описывается один экстраординарный случай, который должен был стать хорошим уроком даже неженатым мужчинам.

В конце 70-х годов в Нью-Йорке существовала небольшая мафия рэкетиров численностью не более пятидесяти гангстеров. Ее возглавлял некий Мустачи Пэрез, прибывший в США с одной из первых волн иммигрантов из Сицилии, где у него тоже была банда уголовников. Мустачи Пэрез основал свою мафию, будучи уже пожилым человеком. Судя по некоторым публикациям того времени, ему было за семьдесят. И вдруг решил установить в своем криминальном семействе правила поведения гангстеров, ничего общего не имевшие с кодексом «Омерта».

В частности, его правила запрещали любому женатому члену его мафии обзаводиться любовницами, нарушая таким образом моральный статус их семейств. Если в семье уже росли дети, а муж все-таки завел любовницу, то выбор меры его наказания предоставлялся жене. В большинстве случаев Мустачи Пэрез неверных мужей выгонял из своей мафии. Новички же должны были принимать клятву верности семействам. Неизвестно, как долго существовала его мафия. Скорее всего, она не играла какой-либо серьезной роли в жизни многочисленных криминальных семейств Нью-Йорка.

А время вносило свои коррективы в жизнь современных

мафий. В соответствии с данными полицейских департаментов Нью-Йорка, Чикаго, Майами, Лос-Анджелеса, Сан-Франциско и ряда других городов дочери членов мафий искали себе мужей на стороне, вне гангстерских кланов родителей. Что интересно: их отцы, главари мафий и также рядовые гангстеры, иногда сами убеждали своих дочерей выбрать иной жизненный путь, нежели тот, на который их обрекла судьба. В одном из архивных документов нью-йоркской полиции говорится: «Отцы стали рассматривать учебу в колледжах и университетах обязательным пунктом жизни своих дочерей. Они советуют им не следовать по их собственным стопам, чтобы рано или поздно не оказаться жертвами преступного мира».

Инициатором этого новшества стал в 1962 году владелец одной из нью-йоркских мафий Джозеф Профаси. Он первым передал в наследие своей дочери огромную сумму денег, которую, по условиям завещания, она могла тратить только на получение высшего образования. В последующие годы его примеру последовали многие другие мафиози.

Но большинство жен мафиози и также их дети навсегда оставались под давлением мафиозных традиций. Редко кто-то из них решался разорвать семейные узы. А кто-то из них, не видя другого выхода, кончал жизнь самоубийством.

Нелегальный налог

По мере распространения в стране нового поколения «итальяно-американских мафий» под их влиянием оказались почти все торговые отрасли и почти вся индустрия сервиса. А главенствующую роль в этом играла династия Дона Карло. Она успешно контактировала с другими мафиями страны в захвате колоссального рынка.

В 1971 году взор Дона Карло обратился к самым крупным фирмам – производителям продуктов питания и наиболее успешным универсальным магазинам, ресторанам и кафе. Контролируемая им территория простиралась с севера на юг страны более чем на полторы тысячи километров: от штатов Нью-Йорк и Нью-Джерси до штата Виргиния. На этой громадной территории находились двенадцать преуспевающих фирм, производивших десятки самых разнообразных видов сыра и йогурта, сметану, творог, фруктовые соки и разных сортов пиццу. И они же вовсю торговали тогда закупленным в сельскохозяйственных фермах товаром – молоком, яйцами, замороженными курами и мясом. Владел дюжиной этих производственных фирм преуспевающий бизнесмен, богатейший мафиози Питер Маджио. Его владения Карло Гамбино избрал в качестве старта войны по переделу рынка.

Товары фирм Питера Маджио пользовались успехом, нарасхват покупались самыми популярными универсальными магазинами, ресторанами и кафе. Но каждый универсальный магазин, ресторан, кафе должны были, кроме официальной стоимости, заплатить нелегальный налог, которым рэкетиры облагали бизнес.

Карло Гамбино сумел добиться от Питера Маджио 20 процентов от рэкетирского налога на продукты. Протестовать тот не стал, зная, что это может стоить ему жизни.

Расширение сфер влияния «итальяно-американских мафий» заставило ФБР тщательно исследовать торговый рынок страны. В ходе расследования были арестованы пятьдесят боссов разного ранга из двенадцати мафий. Каждая из них владела компаниями, производившими разного рода продуктовые товары. Агенты ФБР обнаружили около пятидесяти крупных универсальных магазинов в Чикаго, Филадельфии, Нью-Йорке, закупавших у них продуктовые товары и плативших рэкетирский «налог». Общий денежный оборот этих магазинов в 1972 году составил почти 400 миллиардов долларов, а годовая сумма «налога» достигла сотен тысяч долларов. Но связать вымогательства с мафией Дона Карло так и не удалось.

Однако во время расследования агенты ФБР все чаще и чаще встречали имя Питера Маджио. Им стало ясно, что он возглавлял не только свою огромную фирму «Маджио корпорейшн», но и являлся партнером ряда других производителей продуктов питания. Но у них не было доказательств участия Питера Маджио в каких-либо махинациях, а тем более в связях с боссами «итальяно-американских мафий». Он слыл законопослушным гражданином, подобно его предкам из Италии, не имевшим контактов с «Коза Ностра». Хотя именно от своих ближайших родственников Питер Маджио получил в наследство молочные фабрики, впоследствии реорганизованные им и объединенные в единый бизнес «Маджио корпорейшн».

Первая молочная фирма была основана его прадедом и отцом еще в 1912 году, когда они прибыли из Сицилии. Их молочные продукты пользовались большой популярностью. В 1920 году отец будущего мафиози – Майкл Маджио – переехал в Филадельфию, где их семейный бизнес разросся, захватив рынки сбыта молочной продукции во многих городах штата Пенсильвания.

Никто тогда не знал, даже агенты ФБР, что тихий, скромный, покладистый в общении с людьми Майкл Маджио одновременно с фабриками молочного бизнеса владел еще и богатейшей мафией, основанной в Филадельфии. Его семья жила в комфорте без опасений за свою жизнь. К тому времени, когда мафия Дона

Карло успешно вела войну по захвату торгового рынка страны, Питер Маджио был уже не только капитаном мафии Анжело Бруно, но и мужем сестры этого босса.

Тем временем агенты ФБР при содействии следователей генеральной прокуратуры страны усилили поиски источников афер на колоссальном торговом рынке и напали на след нескольких мафий штатов Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания и Иллинойс. Некоторые торговцы разорялись из-за высоких ставок нелегальных налогов.

Об ущербе, нанесенном мафиями торговому рынку страны, узнали не только агенты ФБР, но и сам Дон Карло и распорядился постепенно выйти из рэкета. В 1972 году несколько небольших мафий в Детройте и Майами отозвали своих рэкетиров в сфере торговли. Дон Карло был удовлетворен первыми шагами, надеясь, что мирное снижение напряженности на торговом рынке, вызванное неоправданным всплеском цен на продукты питания, успокоит агентуру ФБР. Дон Карло опасался, что продолжение войны в этой отрасли экономики рано или поздно приведет к аресту многих мафиози и разгрому всех криминальных семейств «итальяно-американских мафий». Включая, разумеется, и его самого.

Озабоченность Карло Гамбино была не случайна. Агенты ФБР провели новые рейды и арестовали десятки рэкетиров и главарей нескольких криминальных семейств в Чикаго и Нью-Йорке. А настоящее восстание произошло в «Американ кошер корпорейшн». Сын ее владельца, Джерри Клейнберг, сместил своего отца с поста президента фирмы, занял его место и немедленно разогнал всех рэкетиров, запретил членам своей корпорации раз и навсегда платить рэкетирский «налог» и несколько снизил цены. Постепенно потребители кошерной пищи, выбывшие из бизнеса, вернулись на прежние места.

А сама «Американ кошер корпорейшн» восстановила репутацию честного торговца.

Тогда же, в 1972 году, следственные органы установили, что мафия Анжело Бруно имела давние связи с мафией скончавшегося к тому времени Майкла Маджио, отца Питера Маджио, и совместный преступный бизнес. Но его контакты с мафией Дона Карло и на этот раз не были вскрыты.

Однако Питер Маджио вскоре попал в поле зрения агентов ФБР и был вызван для дачи показаний семи членам жюри присяжных заседателей федерального суда города Филадельфия. Они допрашивали его два дня. Но успеха не добились. Питер Маджио, последователь кодекса «Омерта», держал язык за зубами и арестован не был. Он не был обвинен ни в одном из

инкриминируемых ему следователями ФБР преступлений. Он вышел из зала суда на улицу и радостно прокричал тогда: «Ура! Ура!» На улице его уже ожидали репортеры многих газет, включая и «Нью-Йорк таймс». В интервью им он заявил: «Ох! Это была опера. Да, да! Опера. Кто был ее режиссером? Эдгар Гувер, директор ФБР. И он же сочинил все ее песни. Я не имею никакого представления о том, что такое мафия. Я слышал, что в Италии есть «Коза Ностра». Но что такое мафия? Я слышал, что Карло Гамбино никогда не был мафиози. При чем тут Гамбино?! Он джентльмен». Эта речь из уст Маджио оскорбила Гувера. Что бы он предпринял в ответ, осталось неизвестным, поскольку неожиданно 2 мая 1972 года шеф ФБР скончался от инфаркта.

Но, как иногда бывало в истории «итальяно-американских мафий», так и на этот раз на фоне затихавшей войны на торговом рынке страны вдруг возникли непредвиденные обстоятельства, поначалу скрытые даже от опытных агентов ФБР, но хорошо известные Дону Карло и его консультантам. Они умело скрывали свои счета в банках, отмывали нелегальные доходы, инвестируя их через подставные компании в легальный бизнес. Владея роскошными домами, машинами и яхтами, иные мафиози в декларациях о доходах прикидывались бедняками.

У Карло Гамбино возникла идея, как успешно скрывать свои реальные доходы. В середине 70-х годов, по сведениям «Интернал ревеню сервис», годовые прибыли «итальяно-американских мафий» составляли в среднем 50 миллиардов долларов.

Дон Карло мог гордиться своей ролью в консолидации преступного мира тех лет. Но он очень изменился внешне, сильно похудел, лицо вытянулось и покрылось множеством морщин. Историки не сомневаются в том, что причиной тому была смерть его любимой жены Катерины, скончавшейся от рака желудка 28 июня 1971 года. Ей было пятьдесят семь лет. После ее смерти 68-летний Карло Гамбино сник, стал менее разговорчивым и практически не покидал свой роскошный особняк. Однако он продолжал успешно руководить жизнью преступного мира страны.

Профессор Джон Готти

Этот человек со временем станет прославленным мафиози, наследником Карло Гамбино и одной из самых влиятельных особ нового поколения мафий.

Джон Готти родился в Нью-Йорке 27 октября 1940 года и был пятым из тринадцати детей его отца Джона Готти-старшего и его матери Фэнни. Его младшие братья Джин и Питер впоследствии пойдут по стопам старшего брата.

Семья Джона Готти-старшего была бедной. У него не было

профессии, и время от времени он работал грузчиком на стройках, разносчиком заказов из ресторанов и кафе, а все свободное время просиживал за картами в кругу своих знакомых, таких же безработных, как и он. Его сын Джон с двенадцатилетнего возраста сдружился с уличными гангстерами, пристрастившись к воровству продуктов питания в маленьких частных магазинах и ограблению горожан. Однажды Джон попытался стащить со строительной площадки тяжелый бак с жидким цементом, но он свалился ему на ноги, серьезно поранив. С тех пор Джон прихрамывал. Но он свыкся со своей хромотой, продолжая в свободное от учебы время набираться криминального опыта.

Джон бросил школу в шестнадцать лет, потому что его окончательно увлек криминальный мир. Он втянул в свою преступную жизнь младшего брата Джина и близкого приятеля Анжело Руджиерро. Они угоняли грузовики и перевозили ворованный товар.

Тогда же он познакомился с Джозефом Массино, молодым гангстером, так же как и он воровавшим со стоянок аэропорта грузовики и грабившим по ночам склады. Джо Массино – он был на три года моложе Джона Готти – со временем станет главарем одной из мафий. Спустя еще несколько лет Джон Готти познакомился с другой важной персоной, Кармине Фатико, боссом одного из двадцати четырех криминальных семейств, состоявших тогда в структуре мафии Карло Гамбино. Это знакомство сыграет большую роль в его жизни.

А пока Джон познакомился с очаровательной брюнеткой на два года моложе его – Викторией Ди Джиорджио. Она, как и Джон, бросила учебу в школе и проводила все время на улице в компании местной шпаны. Джон и Виктория влюбились друг в друга. Через пару месяцев после знакомства они поженились. В апреле 1961 года Виктория родила первого ребенка, девочку, которую они назвали Анджела. А потом в течение пяти лет Виктория родила еще одну дочь, названную ее именем, и трех сыновей: Джона, Фрэнка и Питера.

Все это время Готти продолжал заниматься угоном не только грузовиков, но и легковых машин и кражами товаров из магазинов. Все это он со своими партнерами, Джином и Анжело Руджиерро, перепродавал на черном рынке. Но выручка от этих преступных акций не покрывала нужды его растущей семьи. Как-то Джон Готти и Анжело Руджиерро были арестованы за попытку угона очередного грузовика. Каждого из них приговорили к шести месяцам тюремного заключения.

После отбытия срока Джон Готти был опять арестован. На

этот раз за воровство в одном из магазинов большой партии сигарет. Ему удалось избежать тюремного заключения за счет выплаты огромного штрафа в сумме 50 тысяч долларов. Однако не прошло и года, как Джон Готти и Анжело Руджиерро были вновь арестованы по обвинению в краже товаров, доставленных с грузовых складов нью-йоркского аэропорта. К тому времени они научились изготавливать поддельные документы разных торговых фирм, позволявшие им получать товары, прибывавшие в аэропорт.

Однажды, вооруженные такими поддельными документами, Готти и Руджиерро, сидя за рулем двух грузовиков, прибыли на терминал грузовых самолетов авиакомпании «Юнайтед эрлайнз». Они предъявили поддельные документы, и их машины загрузили женской одеждой и электронной техникой.

Но эта афера закончилась крахом: при выезде из аэропорта их остановила полиция. Они были арестованы и предстали перед судом. Каждого из них приговорили к двум годам тюремного заключения. Джона Готти отправили в тюрьму Левисбург.

Пока Готти был в тюрьме, которая находилась в часе езды от их дома, его жена Виктория никак о нем не заботилась и ни разу не навестила мужа. Историки объясняют это тем, что Виктория была недовольна мужем за его безразличие к детям. Их старшему ребенку, дочери Анджеле, было тогда девять лет, а младшему сыну Питеру шел шестой год.

Жена Готти была против связи мужа с гангстерами, против его занятия воровством. В семье Джона и Виктории не утихали скандалы, они не раз расходились, а потом опять возвращались друг к другу и к своей неспокойной жизни.

Никто в их семье, конечно, не знал, что за Джоном Готти агенты ФБР установили слежку, а также телефон на прослушку.

В то время, когда Джон отбывал последние месяцы заключения, Виктория возбудила против мужа судебное дело и потребовала от своего супруга финансового обеспечения семьи. У нее не хватало денег для оплаты ренты их роскошной квартиры в Манхэттене, поэтому пришлось переехать в недорогую двухкомнатную квартиру в забытом богом районе северо-западной окраины Нью-Йорка. Почти все два года пребывания мужа в тюрьме Виктория жила на деньги, что давал ей приемный отец Франсиско Ди Джиорджио и на небольшой заработок кассирши в нью-йоркском магазине.

Получив эти сведения, судья обязал Готти работать в любой официальной компании с первого же дня после окончания тюремного срока. Таким местом с согласия приемного отца Виктории была избрана его строительная фирма.

Франсиско Ди Джиорджио предложил мужу своей приемной дочери должность интенданта с месячным окладом 300 долларов. В то время это была весьма средняя зарплата, которая помогла бы семье Готти хоть как-то сводить концы с концами.

Джон Готти вышел на свободу 12 января 1972 года, через два дня после освобождения его приятеля Анжело Руджиерро. Джону шел тридцать второй год. Выглядел он превосходно: высокий, крепкого телосложения, с красивым, всегда улыбающимся лицом, он пользовался успехом у женщин. На следующий же день после возвращения из тюрьмы домой он в сопровождении судебного надзирателя прибыл в офис строительной фирмы приемного отца Виктории. Его приняла секретарша, которая спустя месяц призналась ему в любви и даже попыталась уговорить нового работника развестись с женой. Неизвестно, была ли у них любовная связь с самого начала работы Джона Готти в этой строительной компании.

Как только судебный надзиратель по просьбе приемного отца Виктории оставил Готти в покое, тот встретился со своим давним знакомым Кармине Фатико.

Фатико сказал, что хорошо информирован об этой неприглядной истории. А потом, смеясь, добавил: «Ты прошел хорошую школу. От первого класса до десятого. И даже еще выше, до высшей университетской ступени. Ты теперь профессор». Фатико вернулся вместе с Джоном Готти в свой офис со странным названием «Рыбный клуб». Там у них состоялся очень важный разговор. «Мы можем говорить все, что нам вздумается, гарантирую, – пояснил мафиози. – Мои телефоны не прослушиваются».

Но эта встреча не стала секретом для агентов ФБР. Вскоре этот мафиози принял Джона Готти на работу. Но не на солдатскую должность – он был назначен боссом одного из подразделений преступной организации, во власти которой находился многомиллионный бизнес подпольных карточных игр.

Джон Готти быстро освоил новую для него работу. Он стал таким же требовательным к своим подчиненным, как и его верховный босс, Кармине Фатико. И таким же, как он, жестоким. Эти качества характера и методы руководства утвердили Джона Готти во власти. О нем как о преуспевающем лидере заговорили даже в высшем эшелоне мафии Карло Гамбино.

Не прошло и года, как карьера Готти неожиданно взлетела чуть не до самого верха преступной иерархии. В начале ноября 1972 года его босс неожиданно для всех был обвинен в аферах с выдачей крупных фальшивых займов и арестован. Поэтому Кармине Фатико назначил Джона Готти на свое место. С того дня

жизнь Джона изменилась: он оказался в подчинении первого по значению заместителя Карло Гамбино, мафиози Аниэлло Деллароси.

Готти установил с ним хорошие, по-видимому, даже дружеские отношения. Во всяком случае, именно так считал информатор ФБР. Его мнение подтвердилось хотя бы тем фактом, что Аниэлло Деллароси передал в руки Джона Готти весь объем преступных операций, которые проводила мафия Карло Гамбино в нью-йоркском аэропорту.

В одном из сообщений говорилось о том, что в один из июльских дней 1973 года под личным руководством Джона Готти в аэропорту была осуществлена самая успешная воровская операция. Его солдаты похитили сотни дорогих меховых шуб, прибывших в Нью-Йорк из-за рубежа. А затем Готти продал этот товар на черном рынке. Как утверждал доверенный информатор, эти деньги были поровну разделены между Джоном Готти и первым замом Аниэлло Деллароси.

Но дружба их продолжалась не долго. В том же 1973 году Аниэлло Деллароси был арестован. Его обвинили в обмане федеральной налоговой службы и систематической неуплате налогов. Его приговорили к двум годам тюремного заключения. С тех пор у тридцатитрехлетнего Джона Готти был всего только один босс, которому он подчинялся и которому лично докладывал обо всех преступных делах, – Дон Карло.

Вскоре после этих событий в мафии Карло Гамбино произошла ужасная трагедия: двадцатидевятилетний племянник Карло Эммануэль – Манну, как его звали близкие, – Гамбино был похищен гангстерами ирландской мафии, обосновавшейся в западных районах Нью-Йорка. Вместе с Манну они похитили списки людей, которым мафиози Карло Гамбино дали под высокий процент огромные займы, или «щучьи займы», как их прозвали в преступном мире. Это был очень важный документ, который ни при каких условиях не должен был попасть в руки агентов ФБР. Гангстеры ирландской мафии, выполняя приказ их босса Джеймса Мак-Бритни, потребовали выкуп за племянника и похищенные документы в сумме 350 тысяч долларов. В случае отказа выплаты они пригрозили убить Манну и передать документы в следственные органы.

Переговоры с гангстерами и лично с Джеймсом Мак-Бритни затянулись. Тогда же Карло Гамбино в первый раз в своей жизни почувствовал неполадки с сердцем. Он отказывался от встреч с врачами в надежде на поправку и затягивал переговоры, стараясь снизить сумму выкупа за жизнь племянника и возврат секретных документов.

Наконец переговоры закончились. Джеймс Мак-Бритни согласился более чем вдвое снизить сумму выкупа. Но потребовал немедленной выплаты в виде аванса 100 тысяч долларов. Эта сумма была сразу же передана лично ему в руки двумя посланцами Карло Гамбино. Но племянника не отпустили на свободу в тот день. И через день. И через неделю. Джеймс Мак-Бритни не шел на контакт с Карло Гамбино. Неделя шла за неделей, а Манну Гамбино продолжал находиться в руках ирландцев. А в первые дни января 1974 года полиция обнаружила его труп на мусорной свалке города Ньюарк штата Нью-Джерси.

Может быть, Карло Гамбино осознавал свою вину в смерти Манну, ибо никто иной, а он сам затянул переговоры о выплате выкупа. Бесспорно, это была по тем временам колоссальная сумма денег. Но Карло Гамбино считался мультимиллионером, что наверняка и послужило причиной похищения племянника. Некоторые историки даже полагали, что 350 тысяч долларов для него не были такой уж большой суммой.

Но факт остается фактом… И тогда Карло Гамбино немедленно выдал «контракт», как в преступном мире обозначался приказ на убийство, поручив его Джону Готти, Анжело Руджиерро и профессиональному убийце Ральфу Галиони. Командование группой осуществлял Джон Готти.

Троица согласилась сначала похитить Мак-Бритни, потом увезти его в подходящее место для пыток, а затем пристрелить по правилам «Омерты». Они считали, что Мак-Бритни заслужил такую мучительную казнь.

Но поймать вожака ирландских гангстеров оказалось не так-то просто. После убийства Манну он нигде не светился. А если показывался, то всегда в сопровождении двух охранников. Наконец троица выследила его в баре ресторана нью-йоркского предместья Стейтен-Айленд со странным названием «Снуппс», что означало «Сунь свой нос». Зал ресторана был хорошо освещен, так что прохожие с улицы могли увидеть все, что там происходит. Народу было мало, за стойкой бара находился только Мак-Бритни и кто-то, вероятно, из его знакомых. К удивлению Джона Готти, он был без своих охранников.

Троица киллеров Дона Карло, не теряя времени, сообразила, что им нужно было делать. Они подошли к стойке бара, заявив Мак-Бритни, что они агенты ФБР, а он арестован. Но попытка Анжело Руджиерро надеть на него наручники не увенчалась успехом. Босс ирландской мафии, высокий, здоровый мужчина, одним ударом сбил его с ног. И тогда на виду посетителей ресторана началась ужасная драка. Однако Джону Готти удалось прижать Мак-Бритни к стене, а Ральф Галиони на расстоянии

метра от мафиози выпалил в него три раза подряд. Мак-Бритни, залитый кровью, замертво свалился на пол. Готти, Руджиерро и Галиони мигом покинули ресторан.

Готти, конечно, понимал, что их рейд в ресторан и убийство Мак-Бритни на глазах бармена и присутствовавших в зале людей – не лучший вариант выполнения приказа Карло Гамбино. Он боялся, что, как только весть об убийстве босса дойдет до его гангстеров, тогда наверняка последует их мщение. Что и произошло. Через неделю был убит Ральф Галиони. А спустя несколько месяцев после этого последовали и другие, не менее приятные события. Слухи об участии троицы посланцев Карло Гамбино в убийстве босса ирландской мафии докатились до агентов ФБР.

ФБР тщательно расследовало убийство Мак-Бритни и пришло к выводу, что информация соответствовала действительности. Выяснилось, что руководил операцией Джон Готти. Не прошло и недели, как против него было возбуждено уголовное дело. Судья без промедления передал его на предварительное рассмотрение федерального жюри присяжных заседателей. Они вызвали Джона Готти на допрос. Потом вызвали свидетелей убийства Мак-Бритни – бармена и посетителей ресторана. Они тут же опознали Джона Готти. 3 июня 1974 года он был арестован.

Но его отпустили до суда под залог в сумме 150 тысяч долларов. Это приемный отец его жены уже не в первый раз ему помог. Может быть, это произошло по просьбе Виктории, которая, невзирая на все неурядицы и скандалы, все же любила своего мужа. Благодаря ей сохранялась семья, а Джон Готти отвечал ей преданностью. Пока Джон Готти сидел в тюрьме, приемный отец его жены купил на побережье Атлантического океана восьмиквартирный дом и передал его федеральному суду Нью-Йорка в качестве вещественного залога на временное освобождение Джона Готти из тюрьмы. Цена дома даже превышала сумму, затребованную судом.

Никто не сомневался в том, что Джон Готти сядет. Но никто не мог предугадать срок наказания. В соответствии с уголовным законодательством за участие в организации убийства или за участие в покушении на жизнь любого человека сроки наказаний колебались от десяти до двадцати лет. Виктория не представляла, как сможет жить столь длительное время без супруга.

Единственным ее утешением было предложение Дона Карло воспользоваться услугами одного очень опытного адвоката, который умудрялся сокращать сроки наказаний многим арестованным мафиози. Дон Карло познакомил Викторию с этим адвокатом, а тот сумел вселить в нее уверенность в

благополучном завершении судебного процесса по делу ее мужа.

ГЛАВА 5

Прощай, Дон Карло

В последние месяцы жизни Катерины у Карло Гамбино выработалась привычка каждый день выходить с ней на прогулку по улицам Бруклина. Даже в хмурую, неприветливую погоду, надеясь на то, что прогулки на свежем воздухе смогут хоть как-то помочь жене бороться со смертельной болезнью. В один из дней, почти за три месяца до ее смерти, 25 марта 1971 года, когда Карло и Катерина прогуливались на одной из улиц нью-йоркского Бруклина, к ним подъехала полицейская машина. Два офицера полиции выскочили на тротуар и подбежали к Карло Гамбино. Они сказали ему, что он арестован, и без объяснений тут же надели на него наручники.

Катерина была в шоке. Она еле дошла до дому и сразу же позвонила в полицию. Ей подтвердили арест мужа, но никаких объяснений не дали. В некоторых публикациях говорится о том, что она сразу же попыталась установить контакт с одним из адвокатов мафии ее мужа. Но потеряла сознание, и «скорая помощь» отвезла ее в ближайшую больницу.

Карло Гамбино пробыл в тюрьме почти месяц. Его допрашивали чуть ли не каждый день в надежде добиться от мафиози признания в совершенных преступлениях. Но Карло Гамбино не проронил ни слова. Он не выдал не только себя, но и своих соучастников. Он был обвинен в том, что по его команде был похищен инкассаторский бронированный автомобиль с 50 миллионами наличных, а также в организации убийства водителя – по совместительству инкассатора.

В той операции действительно участвовали три солдата мафии Дона Карло. После убийства водителя они угнали бронированную машину, вскрыли металлические ящики, выгребли оттуда все деньги и скрылись. В руки полиции попал один из уголовников, выполнявший роль шофера и не принимавший участия в убийстве. Он и заявил на допросе в полицейском участке, что организатором кражи бронированной машины был Дон Карло.

Нью-йоркская прокуратура официально возбудила уголовное дело против Карло Гамбино уже после смерти его жены Катерины. Но по неизвестным причинам суд над главой всесильного криминального семейства все время откладывался. Единственный свидетель истории, шофер, угнавший бронированную машину, в конце 1971 года бесследно исчез. А вместе с ним навсегда растаяла надежда нью-йоркских

прокуроров осудить Карло Гамбино. И он был освобожден.

В исторических публикациях утверждается, что после смерти жены Карло Гамбино, несмотря на свою многочисленную семью, считал себя одиноким человеком. Он неоднократно повторял своим взрослым детям, что со смертью Катерины для него ушел весь мир. Некоторое утешение он получал от частых посещений могилы жены, похороненной на нью-йоркском кладбище Сен-Джонс.

В поисках возможности отвлечься от горестных мыслей и избавиться от одиночества Дон Карло стал каждую пятницу навещать жителей «Маленькой Италии». В те времена из этой общины уже разбежались богатые бизнесмены, там жили в основном малоимущие семьи выходцев из Сицилии. Карло Гамбино пристрастился встречаться с ними в итальянском кафе «Биондо» на Мулбэрри-стрит. Он стал устраивать в пятничные вечера бесплатные ужины для своих соплеменников. Они сопровождались джазовой музыкой, итальянскими песнями и танцами. Общение с ними отвлекало Дона Карло от грустных размышлений и воспоминаний о жизни с Катериной.

Молва о встречах Карло Гамбино с жителями «Маленькой Италии» быстро разнеслась по всей общине. Толпы людей стали пятничными вечерами собираться возле кафе «Биондо», встречая своего любимца громкими возгласами: «Да здравствует наш друг!», «Приветствуем тебя, Дон Карло!». Карло Гамбино договорился с хозяевами «Биондо» о предоставлении ему всего кафе на вечер каждой пятницы. Он приезжал туда с четырьмя охранниками до начала благотворительного ужина. Они расставляли столы по всем пяти залам «Биондо», заказывали закуску и вина. В назначенное время два охранника выходили в прихожую и два наружу к подъезду для наблюдения за порядком.

На организованные Доном Карло благотворительные ужины стал часто заглядывать старейшина местной католической церкви священник Ло Гатто.

Он был хорошо известен в «Маленькой Италии», ибо являлся членом Комиссии гражданских прав, созданной в нью-йоркской мэрии. Он помогал жителям этой общины разрешать споры, касавшиеся правовых проблем, а однажды даже выступил в суде в защиту молодой, только что обручившейся пары, которую владелец дома хотел выселить за несвоевременный взнос арендной платы. О том случае сообщила местная пресса, поблагодарив старейшину за помощь молодым людям, только что начинавшим самостоятельную жизнь.

Как-то, когда во время судебного процесса священник Ло Гатто часами просиживал в суде, церковь была обворована до

последнего цента. Грабители украли около миллиона долларов, накопленных церковью годами и хранившихся в несгораемых ящиках. Тогда же пропали все церковные драгоценности, включая золотые и серебряные кресты с распятиями, все головные уборы, митры священника, которые он надевал во время праздничных молебнов, старинные иконы, созданные искусными мастерами более двух столетий тому назад. Церковь опустела. Ло Гатто прервал традиционные молебны, купил новые замки и на неопределенное время запер церковь.

На очередном пятничном ужине Ло Гатто поведал Карло Гамбино о том, что произошло в его церкви. Может быть, он даже попросил помочь отыскать грабителей и возвратить украденное. Возможно, Ло Гатто подозревал Дона Карло или его гангстеров в том грабеже, ибо, как сообщила нью-йоркская пресса, это было наверняка делом рук профессиональных грабителей. Полиция, включившаяся в расследование этого дела, так и не смогла напасть на след преступления.

Неизвестно, как Дон Карло отреагировал на просьбу священника. Кроме лишь высказывания автора документального повествования «Карло Гамбино – босс боссов» о том, что мафиози был оскорблен просьбой священника в оказании ему помощи, а точнее, помощи полиции в розыске грабителей. Но как бы там ни было, в следующую пятницу после разговора Ло Гатто с Доном Карло произошло событие, ошеломившее всех, кто знал о грабеже церкви.

За полчаса до очередного ужина в кафе «Биондо» к воротам церкви прикатил новенький грузовик, у которого не было даже номерных знаков. Водитель выключил двигатель и тут же скрылся в неизвестном направлении. Но прикрепил к окну машины записку. Текст ее через пару дней слово в слово был повторен в нескольких нью-йоркских газетах: «Этот новый грузовик со всеми его драгоценностями и деньгами является подарком священнику Ло Гатто».

Кто пригнал тогда грузовик к воротам церкви? От чьего имени была написана записка? Кто же смог вернуть священнику украденные вещи вместе с миллионом долларов? А кто ограбил? Ни на один из этих вопросов и по сей день нет ответа. Кроме подозрений в ограблении церкви священника Ло Гатто гангстерами мафии Карло Гамбино. В некоторых исторических публикациях даже высказывалась мысль об инициативе самого Гамбино. В тех же публикациях говорилось и о том, что, вероятнее всего, именно Дон Карло дал команду своим солдатам обокрасть церковь, а потом им же велел вернуть уважаемому священнику все до мелочей с новым грузовиком в придачу. Такие

соображения высказывались даже в некоторых нью-йоркских газетах, но Карло Гамбино, как и прежде, был глух и нем ко всему, что касалось той малопривлекательной истории.

В середине 70-х годов Карло Гамбино интересовали совсем другие проблемы. Во-первых, его здоровье. Врачи настоятельно советовали мафиози уйти на покой. Кардиограммы не внушали оптимизма. Он и сам чувствовал ухудшение здоровья, потерю сил и слабость, одолевавшую каждый день. Но Дон Карло не желал расставаться с созданной им самой мощной криминальной организацией.

В архивах ФБР сохранился большой пакет документов, который так и назывался: «Карло Гамбино. ФБР. Файл». В нем содержалось 1011 страниц, где шаг за шагом в течение многих лет во всех подробностях описывалась жизнь его мафии. К началу 1974 года мафия патриарха преступного мира состояла почти из двух тысяч солдат и офицеров разного ранга. Она главенствовала во всех сферах черного рынка страны, присвоив себе, как следовало из файла ФБР, 90 процентов от продажи наркотиков. Некоторые историки того времени предполагали, что именно Карло Гамбино был первым, кто наладил связь с зарождавшимися в Мексике наркокартелями. И именно он проторил им путь торговли героином, кокаином и марихуаной на огромный подпольный рынок США.

Кроме того, рэкет, тайные казино, бордели, банковские аферы, акции, инвестиции в разные отрасли экономики нелегально добытых миллионов составляли главную заботу главарей криминальных семейств мафии Дона Карло. Охраной ее преступной деятельности от конкурентов и защитой от предателей, информаторов полиции и ФБР служил тайный отряд профессиональных наемных убийц, которые уничтожали, по сведениям, не менее сотни человек в год.

Случай расправы с неугодной персоной приводится в книге историка Джона Дэвиса «Династия мафии». Одним из преуспевающих распространителей кокаина и героина был некий Луис Сивилло, всегда имевший достаточный запас товара.

В мае 1974 года к Карло Гамбино обратился за помощью один из главарей небольшой мафии, – Томас Иболи, – с трудом выживавшей в конкурентной борьбе. Он попросил у Карло Гамбино в долг 4 миллиона долларов, которые якобы в качестве залога за большую партию героина запросил поставщик Луис Сивилло. Мафиози пообещал заплатить 15 процентов сверх долга. И всесильный Дон Карло согласился помочь неудачливому мафиози.

На следующий день после того, как Томас Иболи получил 4

миллиона, Луис Сивилло был арестован агентами ФБР. На допросах Сивилло заявил, что понятия не имеет, кто такой Томас Иболи. Он категорически отрицал получение от него задатка в сумме 4 миллионов долларов и контракт на продажу ему героина. Как стало известно адвокатам, наркодельца арестовали по доносу самого Томаса Иболи, который, вероятно, решил не расставаться с одолженными миллионами. Так, по мнению историков, думал и сам Дон Карло, бывший вне себя от злости на Иболи. А злить Дона Карло не стоило: не прошло и недели после ареста Луиса Сивилло, как неподалеку от подъезда дома, где жила его любовница, было найдено тело Томаса Иболи.

А у Карло Гамбино опять случился сердечный приступ. «Скорая помощь» доставила его в госпиталь «Коламбус», где он пробыл несколько дней. Постепенно состояние его здоровья улучшилось. Но врачи предупредили о возможном рецидиве инфаркта.

Чтобы поддержать больного, в августе 1974 года в особняк Дона Карло переехали с женами его братья Джо и Пол, его сыновья Томми, Карл и Джо со своими семьями, а также дочь Филлис, только что вышедшая замуж. Туда же со своей семьей переселился и его давний друг и зять Пол Кастелано.

С тех пор как прибавилось число обитателей роскошного особняка Дона Карло, он окружил себя отрядом круглосуточной охраны. Это были срочно прибывшие из Палермо двенадцать гангстеров «Коза Ностра» – нелегалы. Он им хорошо платил и купил для них дом неподалеку от своего особняка.

Казалось, у Дона Карло началась тихая семейная жизнь. Но Дон Карло по собственной воле был вовлечен в колоссальную аферу, невиданную за все прошедшие десятилетия существования в США «итальяно-американских мафий»: нелегальный ввоз в США граждан Италии, в основном жителей Сицилии, – естественно, гангстеры «Коза Ностра», скрывавшиеся от следственных органов.

Дон Карло организовал их побег в Соединенные Штаты с помощью подкупленных пограничных контролеров Канады и хорошо знакомых ему администраторов бруклинского порта. Нелегалы следовали по тому же самому пути, по которому почти пятьдесят лет тому назад прошел сам патриарх «итальяно-американских мафий».

Как полагало узнавшее об этом руководство ФБР, в течение 1974 года под патронатом Карло Гамбино в США прибыло около 10 тысяч нелегалов, в том числе главарь торговцев героином Таммузе Бучетта, вовремя скрывшийся от полиции Палермо.

Но, как утверждали агенты ФБР, никто из нелегалов не мог перешагнуть границу США, не уплатив соответствующий «взнос»

мафии Дона Карло. Этот налог, по всей видимости, был очень высоким, потому как из общей прибыли за это дело лично Дон Карло положил в свой карман почти 200 тысяч долларов.

Эти сведения поступили в ФБР из надежных источников, вероятно даже более осведомленных, нежели постоянный информатор – солдат Ваху. Тогда же, правда с большим опозданием, ФБР стало известно о деталях покушения на жизнь мафиози Джо Коломбо во время празднования в Нью-Йорке 28 июня 1971 года «Дня объединения». Как выяснилось, организатором покушения на его жизнь был не кто иной, как Дон Карло.

Каким-то образом сведения, которыми завладело ФБР, стали известны самому Карло Гамбино. В довершение к этому федеральный департамент иммиграции вновь возбудил дело о депортации Карло Гамбино в Италию. Все это не могло не отразиться на здоровье Дона Карло: у него случился очередной инфаркт. И он опять попал в госпиталь «Коламбус».

Пока была жива Катерина, он ежегодно 23 декабря праздновал с ней день своего тайного прибытия в США. В 1975 году, когда Катерины уже не было в живых, Карло Гамбино тоже захотел со всем своим семейством отметить незабываемый для него день.

Непонятно, почему он за все эти годы ни разу не обратился к иммиграционным властям с просьбой получения гражданства США. Даже после того, как в 1966 году иммиграционные власти в первый раз возбудили дело о его депортации.

Карло Гамбино всегда с любовью говорил о Соединенных Штатах, называя эту страну своей родиной, каждый год 4 июля вместе со своей женой и со своими сообщниками отмечал День независимости. И ни у кого среди окружавших мафиози людей даже не возникало мысли, что он живет в США нелегально.

История США знает много имен крупных гангстеров, ставших полноправными гражданами США. Но Карло Гамбино почему-то не пожелал пойти по проторенному миллионами людей пути и заполнить обычные документы и тем самым навсегда избавить себя от преследования иммиграционных властей.

В начале 70-х годов Дон Карло нанял одного из самых дорогих и преуспевавших в Нью-Йорке адвокатов. Тот имел связи с администрацией иммиграционного офиса и сумел временно приостановить депортацию своего клиента, ссылаясь на заключение врачей, считавших, что состояние здоровья Карло Гамбино не внушает оптимизма и он не выдержит переезда в другую страну. Задержка депортации на неопределенное время обошлась Дону Карло в огромную сумму.

В некоторых исторических публикациях, а также в нью-йоркских газетах того времени говорилось, правда бездоказательно, о том, что адвокат свел своего клиента с двумя очень влиятельными конгрессменами. Фамилии их нигде и никогда не упоминались. Якобы они заключили сделку с Карло Гамбино, которая должна была действовать до последнего дня жизни мафиози. Сенаторы гарантировали ему аннулирование депортации, за что Дон Карло должен был ежегодно до конца своей жизни платить каждому из них годовую «зарплату» в 25 тысяч долларов.

Однажды Дон Карло сказал адвокату, что в случае его смерти должен быть похоронен на том же нью-йоркском кладбище Сен-Джонс, где упокоилась его жена Катерина: «Это мой дом. Это моя земля. Это мое требование, которое не должно быть нарушено. Никем и никогда». Эти слова патриарха «итальяно-американских мафий» его адвокат сказал репортерам нью-йоркских газет после смерти легендарного мафиози.

В 1975 году состояние здоровья Карло Гамбино с каждым днем ухудшалось, и он решил написать завещание с указанием имени своего преемника. У него не было особо большого выбора. Прежде всего Карло Гамбино подумал о Джоне Готти, пока еще находившемся в тюрьме. Но потом он отказался от этих мыслей и обратил их на своего первого зама – Аниэлло Деллароси, только что вышедшего из тюрьмы. Дон Карло ценил его за знание дела, за бескомпромиссность к предателям кодекса «Омерты», коих он безжалостно расстреливал самолично. Он понимал, что Аниэлло Деллароси много лет спит и видит себя в короне «босса боссов».

Еще одной кандидатурой был Пол Кастелано, его шурин, самый близкий друг, с которым он за пятьдесят лет прошел долгий, нелегкий путь в мире организованной преступности. Хотя Кастелано был замом номер два, третьей по значению личностью в мафии, Карло Гамбино доверял ему больше чем кому бы то ни было. И Дон Карло, подумав, остановил свой выбор на Кастелано. А тот пообещал, что назовет своим преемником на посту главы «итальяно-американских мафий» сына Дона Карло Томми.

Свое завещание Дон Карло вручил Полу Кастелано в начале лета 1976 года в присутствии выполнявшего обязанности свидетеля Аниэлло Деллароси. Эта процедура произошла в загородном поместье Гамбино в предместье Нью-Йорка на Лонг-Айленде. Условие завещания со слезами благодарности на глазах было принято Полом Кастелано. Аниэлло Деллароси же кивком дал понять, что согласен на сохранение за ним должности первого зама Клана Карло Гамбино при новом владельце.

Все лето Дон Карло безвыездно провел на даче. Туда же со

своим мужем перебралась его дочь Филлис. Остальные родственники часто навещали слабевшего на глазах мафиози. Туда же два раза в неделю с докладами приезжали Пол Кастелано и Аниэлло Деллароси. Дон Карло уже был не в состоянии что-то решать. Осенью родные посоветовали ему оставаться на даче до первого снега и любоваться красотой природы.

Стояла прекрасная золотая осень. 15 октября 1976 года была изумительная солнечная погода. В тот день, на удивление Филлис, отец почувствовал себя лучше, чем в предыдущие дни. Они вместе вышли на прогулку и долго гуляли в парке. Карло Гамбино предложил дочери зайти на обед в ближайший ресторан. Вечером с энтузиазмом наблюдал по телевидению за игрой своей любимой бейсбольной команды «Нью-Йорк янкиз». И вдруг вздрогнул и упал с дивана на пол. Прибывшие врачи скорой помощи констатировали смерть в результате инфаркта.

На следующий день все нью-йоркские газеты оповестили о кончине легендарного мафиози. Как ни странно, но Дона Карло почитали не только простые люди, жившие в итальянской общине, но и иные политические деятели Нью-Йорка, не постеснявшиеся присутствовать на его похоронах. Были там даже судьи, офицеры полиции и агенты ФБР. Это была сильная личность, обладавшая магической притягательной силой, несмотря на то что Карло Гамбино был строг, категоричен, порой очень жесток и не раз собственноручно убивал своих врагов.

Документы ФБР подробно освещали похороны легендарного мафиози. Сотни машин похоронного кортежа, растянувшегося чуть ли не на километр, остановили движение транспорта на бруклинских магистралях. Они медленно въехали на кладбище, с трудом разместившись на его огромной территории. Кладбищенский храм через некоторое время оказался переполненным.

Когда на кафедру взошел почтенный священник Доминик Склафани, в зале воцарилась мертвая тишина. «Великий Карло ушел от нас в покое и благословении каждого из нас, – произнес он. – Пусть земля будет ему пухом. Он навсегда останется в нашей памяти. Великий Карло всегда был с нами, и с нами будет жить века». Карло Гамбино был похоронен рядом с женой Катериной.

После смерти Дона Карло его династия жива по сей день. Мир организованной преступности не желает исчезать с лица земли, а современные мафиози, возможно, с почтением и завистью вспоминают имя этого человека.

Воплощение личности великого Карло еще при его жизни было талантливо воплощено на экране мастерами

кинематографа. В 1972 году на экранах мира появился фильм «Крестный отец» (*The Godfather*), снятый по мотивам одноименного романа Марио Пьюзо. В 2005 году в США вышел сериал «Клан Сопрано», со стопроцентной точностью воскресивший жизнь семьи легендарного мафиози Дона Карло.

Клан Дона Карло процветает и после смерти ее творца, продолжая лидировать в мире организованной преступности и с каждым годом расширять сферы своего влияния.

ГЛАВА 6

Пол Кастелано

Пол Кастелано имел внушительную внешность: рост под два метра и вес более 140 килограммов. Он считался одним из самых богатых мафиози, но, в отличие от многих главарей мафий, не скрывал свое богатство. Он построил на острове Стейтен-Айленд, отделенном от Нью-Йорка тихоокеанским проливом, огромный дворец, обошедшийся мафиози в 3,5 миллиона долларов. По тем временам – сказочная сумма денег. Все, кто видел это здание, понимали, что это копия Белого дома. Собственно, так и было задумано. Потому что Кастелано всегда мечтал доказать всем свою исключительность, – он был рядом с «боссом боссов» и жил в доме, похожем на резиденцию президента США. Более того, он, по мнению многих историков того времени, планировал принять участие в очередной избирательной кампании в качестве кандидата на пост президента Соединенных Штатов. Но смерть Дона Карло и неожиданная коронация в качестве наследника клана патриарха изменили его планы. Пол Кастелано провозгласил себя президентом доставшейся ему в наследие криминальной корпорации, которая к концу жизни Дона Карло имела доход, исчисляемый сотнями миллионов долларов, и получил огромную власть не только в среде его мафии, но и мэрии Нью-Йорка.

Некоторые историки с известной долей юмора утверждали, что новый владелец, иначе президент, Пол Кастелано действительно получил в наследство от Дона Карло власти больше, чем располагал мэр Нью-Йорка. Но личная жизнь мафиози складывалась не так гладко, как бы ему хотелось.

Пол Кастелано женился в двадцать два года на сестре жены Карло Гамбино Нине Манно. Сначала они выглядели идеальной парой. У них родились три сына и дочь. В то время Пол Кастелано открыл свой бизнес – мясную фабрику, которая поставляла свою продукцию в триста магазинов Нью-Йорка. Его бизнес был очень успешным. Но, несмотря на это, Пол Кастелано поддерживал тесные контакты с криминальными семействами «итальяно-американских мафий».

Вскоре Пол Кастелано стал официальным членом мафии, советником Дона Карло, а затем его заместителем номер два и самым близким ему человеком. К тому времени Пол закрыл свой мясной бизнес и с головой ушел в дела «итальяно-американских мафий». Он богател и наслаждался жизнью.

Но тут в жизни Пола Кастелано случилась трагедия: у него

обнаружили диабет. Через некоторое время это заболевание спровоцировало у него импотенцию. Его жена Нина Манно недолго думая разошлась с ним. Пол с трудом пережил развод с женой и серию сложных операций по восстановлению сексуальной активности.

К тому времени Пол Кастелано уже жил в своем «Белом доме» на Стейтен-Айленд. Жил один. А занималась его бытом домработница Глория Оларте. С ней он после операций почувствовал возвращение мужской силы. Они несколько лет вместе жили и наслаждались маленькими радостями. Но судьба вновь приготовила Полу Кастелано тяжелый удар: в 1983 году Глория Оларте предала его.

Еще при жизни с Глорией у Пола не раз возникали подозрения, что в его дворце установлены прослушивающие устройства. Но где? Он точно не знал. Наиболее подозрительным местом, как полагал Кастелано, мог быть его кабинет, где стоял телефонный аппарат, обычно служивший для агентов ФБР главным источником получения информации. Вторым подозрительным местом, по мнению хозяина дома, была гостиная, в которой он любил проводить время у телевизора и где тоже был телефон. Да мало ли где!

Но из перечня подозрительных мест Пол исключил кухню: ему казалось, что агенты ФБР никогда не интересовались этим местом. Поэтому именно на кухне был установлен телефон, защищенный от прослушки, и кухня «Белого дома» стала местом встреч и секретных разговоров.

Откуда ему было знать, что в кухне побывали агенты ФБР и под паркетным настилом под столом вмонтировали жучок. И тот еще при жизни Карло Гамбино и до 1983 года передал в ФБР в общей сложности более шестисот часов разговоров Пола Кастелано со своими сообщниками.

И сделано это было с ведома Глории Оларте, которая донесла на своего любовника. В архивных документах ФБР упоминается, что она была недовольна их отношениями. С тех пор за Полом Кастелано была налажена слежка, а объект, откуда бесперебойно шла запись, получил ироническое название «чертова кухня».

В некоторых архивных материалах утверждалось, что Глория Оларте якобы информировала бруклинское отделение ФБР о намерении ее любовника убить мужа своей дочери Конни. Этот донос был ею сделан еще в 1975 году, но тем не менее Фрэнк Амато был убит.

По свидетельству людей, близких к семейству Пола Кастелано, муж неоднократно избивал беременную Конни. В последний раз избил так сильно, что у Конни случился выкидыш.

Когда об этом узнал Кастелано, он немедленно дал команду Рою Де Мео, солдату Клана Дона Карло, уничтожить Фрэнка Амато. И на следующий день муж Конни бесследно исчез. Но что с ним произошло, никто не знал. Фрэнка Амато разыскивали его родственники. Его безрезультатно разыскивала полиция. Лишь спустя пять лет на побережье Атлантического океана были случайно найдены останки его расчлененного тела…

Пол Кастелано официально завладел наследием Дона Карло 24 ноября 1976 года, почти через полтора месяца после смерти своего предшественника. И все это время в верхнем эшелоне мафии ходили недовольные разговоры по поводу того, почему на пьедестал взошел родственник покойного Дона Карло, а не Аниэлло Деллароси. Поговаривали, что это может нехорошо отразиться на взаимоотношениях между собой главарей криминальных семейств мафии и даже с их новым боссом. Им казалось, что у Аниэлло Деллароси больше опыта и знаний тонкостей жизни преступного мира, чем у шурина покойного Дона Карло.

Возможно, Аниэлло Деллароси был в курсе разговоров и даже их инициировал, потому что до последней минуты был уверен в назначении его на пост главы мафии.

Формальное назначение Пола Кастелано на освободившийся престол главы мафии произошло буквально через пару часов после смерти Карло Гамбино. Тогда почтенный священник местной католической церкви Доминик Склафани в присутствии всей семьи покойного Карло Гамбино, его секретаря Джо Галло и двух членов высшего эшелона руководства Джеймса Фаиллу и Эттори Заппи, но в отсутствие Аниэлло Деллароси, огласил завещание Дона Карло.

Но впереди для Пола Кастелано было еще официальное признание его «боссом боссов» всеми главарями мафий. Большинство потребовало тогда созыва специального совещания для окончательного разрешения возникшего конфликта. Совещание состоялось в пригороде Нью-Йорка, в доме ветерана Клана Гамбино семидесятилетнего Энтони Гаги 24 ноября 1976 года, в день празднования Дня благодарения. Гаги считался независимым человеком, всегда без боязни высказывающим свое мнение. Ему было поручено вести собрание.

К удивлению историков, все участники сходки, включая даже Аниэлло Деллароси, единогласно одобрили кандидатуру Пола Кастелано и по очереди ему присягнули. Когда конфликт с назначением нового «босса боссов» был исчерпан, все присутствовавшие в доме Энтони Гаги встали и молча почтили память Дона Карло.

Пол Кастелано помнил, что после своего назначения он заверил «заместителя номер один» в сохранении за ним его почетной и важной должности. И не собирался нарушать обещание. Он пригласил Аниэлло Деллароси с его женой Лусилли Риккардо и сыном Армандом, который уже пару лет состоял в членстве мафии Карло Гамбино, в свой дворец на ужин.

По всей видимости, поначалу встреча была успешной. Пол подтвердил свои обещания, и присутствовавшие встали и подняли бокалы, поздравив Аниэлло Деллароси.

В разгар ужина хозяин дома позвал своего гостя в «чертову кухню» для беседы с глазу на глаз по поводу секретных дел их дальнейшего сотрудничества. Пол сказал своему подчиненному, что решил передать под его личный контроль наиболее доходные виды преступного бизнеса. Он даже пожертвовал своей властью над самым доходным в городе профсоюзом «Тимстерс», с которым лично сотрудничал долгое время. Преступная связь с боссами этого профсоюза позволяла Полу Кастелано получать в год не менее миллиона долларов за счет продажи на черном рынке украденных товаров, прибывавших в аэропорт на грузовых самолетах.

Аниэлло Деллароси часто провозглашал на том ужине тосты за их совместное и успешное продолжение дела покойного Карло Гамбино. Но он перестал это делать после того, как новый глава мафии высказал свое решение об отказе от наркобизнеса. «Все кончено. Ты должен это понять и поддержать мою идею. Я не хочу, чтобы наши люди рисковали жизнью. Не только своей жизнью, но и жизнью своих жен и детей. С завтрашнего дня я издам приказ о прекращении наркобизнеса. Те, кто его нарушит, будут расстреляны», – категорически заявил новый глава мафии. Но Аниэлло Деллароси, вероятно уже достаточно возбужденный спиртным, попытался ему возразить. «Никаких возражений. Никаких споров», – недружелюбным тоном перебил своего гостя Пол, окончательно испортив тому настроение.

Аниэлло Деллароси с нетерпением ожидал возвращения из тюрьмы Джона Готти. Он надеялся на то, что они вместе вновь наладят наркобизнес. Он мечтал установить прямые поставки с мексиканскими контрабандистами и надеялся на то, что именно Джон Готти, умный и энергичный, сможет наладить деловые контакты с мексиканскими наркокартелями. Его только беспокоила возможность серьезного конфликта с новым боссом.

Джон Готти вернулся

Шел к концу 1976 год. Джон Готти, находившийся в тюрьме по обвинению в покушении на жизнь ирландского мафиози Джеймса Мак-Бритни, готовился к выходу на свободу. Он считал

дни жизни в заключении и, конечно, знал о смерти Карло Гамбино и о том, что произошло с его наследием.

За совершенное преступление Готти мог быть приговоренным от десяти до двадцати лет, но вмешался адвокат Рой Кон, который всегда умудрялся снижать сроки наказания своим клиентам из «итальяно-американских мафий».

Рой Кон родился в семье известного в Нью-Йорке судьи. Он был лучшим учеником школы, окончив начальное обучение в пятнадцать лет. Рой пошел по стопам отца. Он поступил на юридический факультет Нью-Йоркского университета. И вновь проявил свои удивительные способности, закончив учебу в университете в восемнадцать лет. Получив диплом юриста, он, однако, не пожелал быть судьей и стал адвокатом.

Рой был уверен в том, что люди из мира организованной преступности смогут платить ему намного больше, нежели обычные клиенты. Через несколько лет уже известный в Нью-Йорке адвокат Рой Кон обзавелся кругом людей, без которых его служба не могла бы стать успешной. Он находился в близких отношениях с высшими чинами нью-йоркской полиции, городскими судьями, рядовыми прокурорами и шефами прокуратуры районных отделений федеральной следственной службы.

Суд над Джоном Готти состоялся в июле 1974 го да, почти через месяц после его ареста. Рой Кон сдержал свое слово, когда его клиент получил всего два года тюремного заключения. «О! Мой Бог! Спасибо тебе! Спасибо Рою Кону», – со слезами на глазах говорила Виктория.

Готти вышел на свободу 28 июля 1976 года. У выхода из тюрьмы его ожидали Виктория, дочери Анджела и Виктория и сыновья Джон, Питер и Фрэнк. А также его младшие братья Джин и Питер и Анжело Руджиерро, напарник покушения на жизнь ирландского мафиози Мак-Бритни.

На следующий же день после освобождения из тюрьмы Джон Готти встретился с Аниэлло Деллароси в одном из ресторанов в Бруклине, где у них состоялась двухчасовая беседа. Готти был извещен о приказе Пола Кастелано прекратить торговлю наркотиками. Они договорились о следующей встрече, на которой по обещанию Аниэлло Деллароси должен быть утвержден официальный статус Джона Готти в Клане покойного Гамбино. Он намекнул о назначении его на «шикарную должность».

Встреча состоялась через неделю в кафе «Рыбный клуб». На ней Деллароси сообщил, что Джон назначается шефом отряда фальсификаторов карточных игр и угонщиков машин. После того

как восьмерка солдат познакомилась с их новым командиром и выслушала его пожелания, она покинула место встречи. В кафе остались Аниэлло Деллароси и Джон Готти.

Аниэлло объяснил Джону Готти, как между ними будут делиться доходы от бизнеса, и велел тому держать язык за зубами. «Ни слова! Понял? Даже Кастелано! Он не должен знать о наших с тобой денежных делах. Он не должен знать, что я перестал руководить этим отрядом и полностью передал его в твои руки».

Этот секретный разговор оказался в распоряжении агентов ФБР.

В последние месяцы жизни Дон Карло передал криминальное семейство, которым до ареста владел Кармине Фатико, в руки Аниэлло Деллароси. Он доверил ему не только руководство этой многочисленной преступной организацией, но и получение определенной доли ее дохода. Но когда Пол Кастелано пришел к власти, то перераспределил руководство всеми криминальными семействами между лидерами мафии.

В их числе не оказалось Аниэлло Деллароси, поскольку в его руках уже был немногочисленный отряд, переданный ему покойным Карло Гамбино, и ряд других важных и доходных видов бизнеса, полученных с приходом к власти Пола Кастелано. Тот сказал своему первому заместителю, что освободил его от обязанностей контролера криминальных семейств, чтобы Деллароси специализировался на деятельности малочисленных отрядов, которые должны будут в недалеком будущем играть первостепенную роль в жизни их мафии.

Эта акция нового «босса боссов» подлила масла в огонь в ухудшавшиеся между ними отношения. А вскоре Пол Кастелано без согласования с Аниэлло Деллароси привлек на работу в мафию своего давнишнего друга, ветерана «итальяно-американских мафий» Джеймса Фаиллу, предоставив ему пост второго заместителя. Потом он приказал Аниэлло Деллароси подготовить письменную форму новой финансовой схемы оплаты высших чинов мафии, включая, конечно, и его самого, с указанием того, кому и сколько следует отчислять денег.

Глава мафии рекомендовал ему разделить пополам доход после выплаты денег отряду солдат, которым теперь руководил вернувшийся из тюрьмы Джон Готти. По условиям выплаты зарплаты членам мафии Джон Готти имел месячный заработок как командир отряда. Пол Кастелано, не знавший о том, что Деллароси доплачивал ему приличную сумму из собственных доходов солдат, не подозревал, что изменение условий оплаты отрицательно отразится на интересах Джона Готти, с которым

Кастелано почему-то не желал иметь какие-либо личные контакты.

Аниэлло Деллароси был расстроен. Он лишился приличной суммы денег, перекочевавшей в карман его босса, и был вынужден вновь поделить свои деньги с Джоном Готти, на этот раз уменьшив на 50 процентов свою собственную порцию дохода. Следовательно, Джон Готти тоже лишился половины заработка.

В начале 1978 года Пол Кастелано, опять же без консультации с Аниэлло Деллароси, назначил Джона Готти командиром еще двух отрядов. Один из них занимался фальсификацией крупных карточных игр в ночном клубе Манхэттена. Второй отряд курировал владельцев лошадиных скачек, в то время проводившихся в окрестностях Нью-Йорка. Под его же командованием оставался и прежний отряд, состоявший из тех же восьми солдат. И тогда вдруг по неизвестным причинам Пол Кастелано произвел Джона Готти в должность капитана. Тот, разумеется, был счастлив. Но все же прежняя неприязнь Джона Готти к новому боссу не исчезла.

Агентам ФБР удалось внедрить в первый отряд Джона Готти своего информатора – солдата Ваху. С тех пор они регулярно стали получать от него информацию и узнали о том, что в ночном клубе Манхэттена Готти познакомился с человеком, который имел контакты с поставщиками наркотиков. В своем доносе информатор ФБР высказал предположение о том, что, возможно, Джон Готти и Аниэлло Деллароси организуют собственный наркобизнес без ведома Кастелано.

Пол Кастелано, обожавший деньги, вероятно, все же догадывался об истинных источниках крупных прибылей, но скрывал это, ибо ему пришлось бы немедленно отдать приказ о расстреле Джона Готти. Возможно, Кастелано догадывался и о роли Аниэлло Деллароси в этой истории. Но и на это закрывал глаза, довольный успехами Готти. Тогда же он впервые вызвал его на разговор на «чертову кухню» и сказал капитану Готти, что отныне тот переходит под личное руководство Аниэлло Деллароси.

У Готти просто голова пошла кругом от сознания собственного величия. У него изменились манеры обращения с подчиненными: он выработал командный тон, резкий и грубый, порой не контролировал свои эмоции. Ваху умудрился записать несколько таких эпизодов и передать в бруклинское отделение ФБР.

Как-то, когда один из его подчиненных ответил с опозданием на его телефонный звонок, Готти отчитал его: «Если еще раз такое повторится, отдам приказ сжечь твой дом дотла». Другой

эпизод завершился еще более безобразно. Ему показалось, что солдат при встрече с ним на виду других подчиненных небрежно кивнул в знак приветствия. Тут же раздался злобный голос капитана: «При повторном неуважительном поведении будешь расстрелян!» С тех пор за Джоном Готти закрепилась репутация не только грубого и бесцеремонного, но и безжалостного, беспощадного человека.

Однажды кто-то из подчиненных пожаловался на него Аниэлло Деллароси. Результат оказался плачевным – жалобщик вдруг испарился. Через некоторое время его разрубленное пополам тело было найдено на берегу Атлантического океана.

У Джона и Виктории Готти было четверо детей. Самый младший – сын Фрэнк. В том году ему исполнилось двенадцать лет, он слыл преуспевающим учеником и одним из лучших баскетболистов школьной команды. Однажды Фрэнк катался на велосипеде неподалеку от своего дома. На перекрестке его сбила проезжавшая машина, и он умер еще до прибытия скорой помощи.

Водителем машины был 52-летний Джон Фавара, менеджер мебельной фабрики «Кастро конвертабел». Он жил неподалеку от Готти. Они знали друг друга, а сын Джона Фавары учился в той же школе, что и Фрэнк, и играл с ним в одной и той же баскетбольной команде. Джон Фавара сказал прибывшим на место инцидента полицейским, что он просто не успел затормозить, поскольку на перекресток из-за огромной мусорной платформы прямо перед его машиной неожиданно выскочил велосипед. Свидетели подтвердили его показания. Прокурор отказал в возбуждении дела против Джона Фавары.

Фрэнк был единственным в семье Джона и Виктории сыном, на которого они возлагали большие надежды. Его неожиданная смерть вывела обоих из равновесия. Они были в отчаянии, не узнавали людей, приходивших в их дом выразить соболезнование, и тех, кто прибыл на похороны. Почти в таком же состоянии находился и Джон Фавара, просивший Бога и семью Готти простить его за все, что произошло.

Вскоре после похорон Джон Фавара стал получать анонимные телефонные звонки с угрозами. Незнакомый голос утверждал: «Тот водитель машины, который убил Фрэнка, будет тоже убит». Фавара сообщил об этом в полицию. Через неделю Джон Фавара нашел в своем почтовом ящике письмо с аналогичной угрозой, а через два дня – открытку похоронного бюро с прикрепленной к ней фотографией покойного Фрэнка.

Перепуганный Джон Фавара стал раздумывать, что же ему следует делать, с кем посоветоваться, каким образом избежать

угроз Джона Готти. У Фавары был знакомый, служивший солдатом в мафии Кастелано, который посоветовал ему немедленно переехать в отдаленный район Нью-Йорка, поскольку Готти слов на ветер не бросает. Фавара не хотел в это верить, ему казалось, что Джон Готти не решится на такое ужасное преступление.

В октябре 1980 года Джон Фавара решил навестить семью Готти. Он хотел в который раз извиниться за все и выразить свое искреннее соболезнование. Он постучал в дверь их дома. Дверь вскоре отворилась, и на пороге возникла Виктория. Ее глаза сверкнули жгучей ненавистью и злостью. Она бросилась в прихожую, тут же вернулась и со всей силы ударила Джона Фавару бейсбольной битой по голове. Весь в крови, он упал на пол подъезда. Джон Фавара был доставлен в ближайший госпиталь, где ему была оказана соответствующая помощь. А потом по настоянию жены их дом был выставлен на продажу.

Спустя месяц Джон и Виктория Готти уехали на неделю во Флориду. Из документов нью-йоркского отделения ФБР, со слов Джона Готти, явствует, что они поехали во Флориду на отдых, успокоить нервы, чтобы вновь вернуться к нормальной жизни. Именно в это время Джон Фавара и его жена стали готовиться к переезду, поскольку их дом уже был продан.

Джон Фавара уволился с работы. В последний рабочий день он подошел к своей машине, запаркованной напротив мебельной фабрики возле кафе, куда он почти каждый день приходил на ланч. Как только Джон Фавара приблизился к машине, ему навстречу вышел незнакомый мужчина с бейсбольной битой в руке и со всей силой ударил его по голове. Потеряв сознание, Джон Фавара упал. Этот человек поволок его к своей машине, запаркованной рядом, затащил на заднее сиденье, а потом сел за руль и умчался. А за ним, не отставая, следовала другая машина, запаркованная там же почти у самого входа в кафе.

Как только они исчезли из вида, кто-то из посетителей кафе позвонил в полицию и вкратце рассказал о происшествии. По мнению посетителя, на его глазах произошло похищение человека, зверски избитого бейсбольной битой. Через некоторое время прибыли двое полицейских. Они опросили свидетелей происшествия и вернулись в свой офис. А на следующий день жена Джона Фавары, встревоженная отсутствием мужа, позвонила в полицию. Вслед за ее звонком один из детективов полиции прибыл в злополучное кафе и предъявил его хозяину Леону Папону фотографию Джона Фавары. «Да, он мой частый клиент, – подтвердил Леон Папон. – А тот клиент, который позвонил тогда в полицию, работает вместе с ним на мебельной фабрике. Он

сказал мне, что того ударили по голове, а потом увезли в машине».

Агенты полиции приступили к расследованию исчезновения Джона Фавары. Они еще несколько раз допрашивали Леона Папона, показывали ему фотографии людей, которые, как им казалось, состоят в мафии Клана Гамбино. А спустя несколько недель в кафе Леона Папона появились двое молодых мужчин атлетического сложения. Поужинав и расплатившись с официантом, они попросили Леона Папона выйти с ними на лестницу. Он велел им убираться вон. Тогда один из них со всей силой ударил его в грудь, затем они выволокли хозяина из кафе. «Пока это лучший для тебя исход!» – крикнул ему один из бандитов.

На следующий день кафе Леона Папона было закрыто. А сам он наотрез отказался разговаривать с полицейскими, пытавшимися еще раз допросить его в связи с пропажей Джона Фавары. Через несколько дней семья Леона Папона покинула Нью-Йорк. Следствие зашло в тупик. Одни лишь подозрения Джона Готти в организации покушения на жизнь Джона Фавары, а конкретных доказательств не было. К тому же в день похищения Фавары Готти с женой отдыхали во Флориде.

Вот как доложил солдат Ваху: Джон Готти организовал убийство Джона Фавары и покинул Нью-Йорк для создания алиби.

После возвращения домой Джон Готти был вызван на допрос в полицию и в отделение ФБР. Он везде категорически отвергал обвинения в покушении на жизнь человека, признанного невиновным в гибели его сына. На том допросы кончились. Через некоторое время в полицию поступило анонимное сообщение о том, что разрубленное на мелкие куски тело Джона Фавары найдено на свалке машин.

Спустя шесть лет после исчезновения он был официально признан мертвым, и его жена получила официальное извещение о смерти супруга. Споры и предположения о причинах его смерти и о том, кто убийца, долго не утихали в американских газетах и исторических изданиях. Некоторые сходились во мнении, что убийца – Джон Готти. Высказывались доводы на основании его безжалостного характера. Главным же исполнителем приказа, по их мнению, был давний знакомый Джона Готти и соучастник Анжело Руджиерро, который привлек к совершению убийства двух своих соратников из отрядов мафии Пола Кастелано. Авторы этой теории ни на минуту не сомневались в своей правоте.

Однако авторы другой теория исчезновения Джона Фавары выдвигают иную версию, называя небезызвестного киллера Роя Де

Мео главной фигурой покушения на жизнь несчастного Джона Фавары. Когда в печати появилось имя Роя Де Мео, оно тут же привлекло к себе внимание историков и журналистов. Им удалось выяснить немало подробностей из его жизни, в основном когда он оказался под влиянием Джона Готти.

Готти, помимо трех отрядов, владел группой профессиональных убийц, во главе которой и был Рой Де Мео. Кроме того, группа Роя Де Мео, несмотря на запрет Пола Кастелано, продолжала заниматься тайной торговлей наркотиками. У самого Де Мео были прямые связи с мексиканскими наркодилерами.

В ноябре 1982 года агенты ФБР, вероятно, случайно напали на след поставщика наркотиков, который имел прямые связи с Роем Де Мео. Он был арестован, и у него обнаружили 23 тонны марихуаны, 25 килограммов кокаина и полмиллиона искусственного наркотика «квуалюд».

Вероятно, Рой Де Мео заподозрил слежку агентов ФБР. Он на время оборвал все связи с наркомафией, в том числе и с мексиканскими контрабандистами. Но в начале 1983 года эта история стала известна главе мафии Полу Кастелано. Тот вызвал к себе Джона Готти и высказал ему подозрения об участии его подчиненного в наркобизнесе. Готти со свойственной ему резкостью и категоричностью все отрицал, и Аниэлло Делларoси тоже.

Тогда Кастелано вызвал на «чертову кухню» Роя Де Мео. Но тот не пришел на свидание с главой мафии в назначенное им время. И тогда Пол Кастелано принял решение.

...

«ПОЛ КАСТЕЛАНО. Позаботься о том, чтобы его больше не было. Ты понял, что я имею в виду?

НИНО ГАГИ. Ты имеешь в виду этого х… Роя?

ПОЛ КАСТЕЛАНО. А кого же еще? Делай, что я тебе сказал. Немедленно».

На следующий же день, 10 января 1983 года, труп Роя Де Мео был найден в багажнике его собственной машины. Нино Гаги в тот же день позвонил своему боссу.

«Я сказал этому х…: «Будь здоров на веки вечные», а он

попросил передать тебе привет», – отрапортовал он Полу Кастелано.

Именно в те дни, когда Пол Кастелано избавился от Роя Де Мео, в Нью-Йорке появился новый генеральный прокурор южного округа, где сосредоточились основные криминальные семейства «итальяно-американских мафий», включая Клан Дона Карло.

Его звали Рудольф Джулиани. Дед и бабушка Руди, как называли его родственники и близкие друзья, были выходцами из Италии. Отец и мать, Хавард и Хелен, родились в США и были представителями первого итальяно-американского поколения.

Назначение Рудольфа Джулиани нарушило почти идиллическое существование Пола Кастелано. С тех пор как в 1964 году Роберт Кеннеди покинул пост генерального прокурора США, федеральные власти не слишком совали нос в преступные кланы. Во всяком случае, не так агрессивно, как во времена Роберта Кеннеди. И теперь, спустя почти двадцать лет, Рудольф Джулиани задумал сразиться с мафией, очень окрепшей и разросшейся за прошедшие годы.

ГЛАВА 7

Крестовый поход

До того как Рудольф Джулиани прибыл в Нью-Йорк, он много лет работал в Вашингтоне, занимая высокие должности в департаменте юстиции США. Карьера выпускника юридического факультета Нью-Йоркского университета шла успешно, продвигая его по карьерной лестнице. В свои тридцать четыре года он уже занимал должность заместителя генерального прокурора США.

В 1981 году на заседании членов правительственного кабинета он встретился в Белом доме с тогдашним президентом США Рональдом Рейганом. По существовавшим правилам позиция заместителя генерального прокурора США не позволяла Рудольфу Джулиани высказывать свое мнение по проблемам политического характера. Но в тот день он нарушил правило и выступил с предложением в адрес Рейгана по поводу мер, по его мнению, необходимых для усиления борьбы с организованной преступностью.

Спустя почти год после совещания в Белом доме, 14 октября 1982 года, Рональд Рейган прибыл в департамент юстиции США и произнес обращенную к жителям страны речь, транслировавшуюся по телевидению. Президент сообщил о том, что его правительство выделило следственным органам страны, включая органы прокуратуры, дополнительно 100 миллионов долларов для более результативной борьбы с организованной преступностью и главарями наркобизнеса. Он заявил, что эти средства будут затрачены на создание двенадцати новых специализированных отрядов ФБР, призванных предотвращать тайные поставки в США наркотиков из Мексики и других стран Латинской Америки.

Рядом с президентом находились генеральный прокурор США Уильям Смит, директор ФБР Уильям Вебстер и заместитель генерального прокурора Рудольф Джулиани.

После этого Рудольф Джулиани провозгласил крестовый поход против всех картелей организованной преступности, распространившихся почти по всем крупным городам Соединенных Штатов. Тогда же под его руководством была создана специальная организация «Инфорсмент таск форс», ставшая центром борьбы с наркобизнесом. И тогда же департамент юстиции, по рекомендации Рудольфа Джулиани, официально узаконил тайную прослушку в местах встреч мафиози и в домах их главарей.

Джулиани недолго оставался на службе в Вашингтоне. Он

предпочел Нью-Йорк. В середине 1983 года неожиданно с поста генерального прокурора южного округа города ушел в отставку Джон Мартин, прослуживший там многие годы. И Рудольф Джулиани занял его кресло. Как он сам выразился, чтобы «подсыпать перец из Вашингтона на войну с мафиями, лучше всего самому оказаться на передовой линии фронта этой войны». Прошло немного времени с тех пор, как Рудольф Джулиани приобрел репутацию самого успешного прокурора Нью-Йорка. Тем более что Джулиани, являясь выходцем из семьи эмигрантов из Италии, стал во главе опасной войны с мафиози одного с ним этнического происхождения.

Рудольф Джулиани еще с детства питал отвращение к слову «мафия». Он на всю жизнь запомнил рассказ бабушки о том, почему они с дедушкой решили покинуть родные места и сбежать в Соединенные Штаты. Дедушку, тогда еще совсем молодого человека, однажды чуть не до смерти избили гангстеры «Коза Ностра». Он также запомнил рассказ своего отца, владевшего в Бруклине пиццерией, о том, как он чудом избежал смерти от повадившихся в его ресторан рэкетиров. Эти уголовники были выходцами из Сицилии.

Теперь прокурор Рудольф Джулиани по своей инициативе возглавил войну против криминальных семейств Нью-Йорка.

Знакомство с документами ФБР окончательно доказало новому прокурору, что этот самый многонаселенный город страны был центром преступной деятельности «итальяно-американских мафий». Спустя некоторое время после тщательного анализа ситуации Рудольф Джулиани окончательно убедился в том, что Пол Кастелано – лидер организованной преступности в стране. По его мнению, все преступления, совершенные мафией Кастелано, во много раз превышали число преступлений той же мафии во времена Дона Карло.

По приказу Рудольфа Джулиани первым в разработку попал дом Аниэлло Деллароси. Стали прослушивать и его тайный офис в подвале одного из домов «Маленькой Италии». Вслед за этими объектами миниатюрными подслушивающими устройствами оборудовали и дом Джона Готти, и «Рыбный клуб», откуда он давал указания своим подчиненным. Не был забыт и роскошный особняк в предместье Нью-Йорка на Лонг-Айленде его ближайшего помощника Анжело Руджиерро.

Через месяц после установки подслушивающих устройств в объектах новому прокурору был представлен отчет: почти пять тысяч страниц записей разговоров мафиози. Потребовался месяц для их изучения и определения степени вины каждого из попавших в поле зрения агентов ФБР.

По окончании чтения Джулиани пришел к выводу о виновности всех перечисленных мафиози во главе с Полом Кастелано в совершении многих преступлений. Генпрокурор был готов возбудить уголовные дела против Пола Кастелано, Аниэлло Деллароси, Джона Готти и Анжело Руджиерро.

Неожиданно ему поступила дополнительная информация о совершенных солдатами Джона Готти преступлениях, включая убийства десяти человек, отказавшихся платить рэкетирам.

Расследование этих преступлений было быстро завершено. Ознакомившись с результатами следствия, Джулиани не сомневался в виновности солдат. Генеральный прокурор издал приказ об аресте двадцати двух солдат отрядов мафии Пола Кастелано. Таков был первый итог крестового похода против мафии нового генерального прокурора южного округа Нью-Йорка.

Но возникло одно обстоятельство, которое отложило решение Рудольфа Джулиани о возбуждении уголовного дела против четырех главных мафиози. Необходимо было расследовать уголовное дело Анжело Руджиерро и доказать его связи с Джоном Готти.

В отрядах Джона Готти, помимо небезызвестного информатора ФБР солдата Ваху, был и другой завербованный агентами ФБР солдат по прозвищу Вилли Бой. Он сумел разнюхать о связи Анжело Руджиерро с поставщиками наркотиков. И хотя он смог узнать их имена, был твердо уверен, что Анжело Руджиерро с Джоном Готти втайне от всех занялись наркобизнесом. С тех пор слежка за Анжело Руджиерро стала круглосуточной. В силу этого затянулось возбуждение уголовного дела против четверки мафиози.

В начале 1984 года численность группы Анжело Руджиерро увеличилась вдвое. Точное количество ее членов в то время еще не было известно агентам ФБР, так же как и не было известно, кто руководил торговлей наркотиками. В руки Вилли Боя попала важная информация: Анжело Руджиерро еще в конце 1983 года установил контакт с главарями «Коза Ностра» из Палермо, и те поставляли ему в Нью-Йорк большие партии героина, от продажи которых группа Руджиерро каждый месяц получала не менее 300 тысяч долларов.

Следственные органы Нью-Йорка к тому времени получили дополнительную информацию о том, что Анжело Руджиерро возобновил давнишние связи с мексиканскими контрабандистами, доставлявшими в США кокаин, марихуану и синтетические наркотики.

Анжело Руджиерро и его сообщники боялись, что эта информация станет известна Полу Кастелано, прекрасно

понимая, чем это могло для них закончиться.

Возможно, у Пола Кастелано и возникали подозрения о занятии наркобизнесом его ближайшими подчиненными. Поэтому в начале 1984 года он вызвал на свою «чертову кухню» Аниэлло Деллароси и Джона Готти и попытался деликатно напомнить гостям суть известного им наказа о запрете наркобизнеса в их мафии. Потом он еще раз напомнил о последствиях в случае ослушания. Затем сказал, что располагает информацией о том, что кое-кто в их отрядах начал заниматься торговлей наркотиками. Отрывок из их дальнейшего разговора сохранился в архивах следственных органов.

…

«КАСТЕЛАНО. Ох! Это не моя фантазия… Мать вашу… Пора кончать игры… Ты знаешь, кто такой Пит Тамбони?

ГОТТИ. Конечно!

КАСТЕЛАНО. А ты?

ДЕЛЛАРОСИ. Что за глупый вопрос…

КАСТЕЛАНО. Придержи язык! Я спрашиваю, ты знаешь Пита Тамбони? Ты знаешь, чем он сейчас занимается?

ДЕЛЛАРОСИ. Ох, мой бог! Ты знаешь, что он наш солдат. Но что с ним произошло? Я понятия не имею…

ГОТТИ. Что-то серьезное?

КАСТЕЛАНО. Мои люди сообщили мне, что ваш солдат… сукин сын… Вам за все придется отвечать…

ДЕЛЛАРОСИ. О чем ты говоришь? Мы можем узнать, что произошло?

КАСТЕЛАНО. Ах вы… мать вашу… Вы не знаете? Он ваш, а не мой… Он должен вам докладывать, а не мне. Вам! Вам! Мать вашу…

ГОТТИ. Вместо того чтобы вспоминать мою мать, скажи, что

случилось с Питом.

КАСТЕЛАНО. Ты не знаешь! Ха-ха! Вы не знаете! Ха-ха!

ГОТТИ. Я не знаю.

ДЕЛЛАРОСИ. Моя обязанность – докладывать тебе любое происшествие. Если я этого не сделал, значит, я ничего не знаю…

КАСТЕЛАНО. Успокой свои нервы. И думай, прежде чем что-то говорить.

ДЕЛЛАРОСИ. Я говорю, что ничего не знаю. Я говорю, что не знаю, что случилось с Питом.

ГОТТИ. Повторяю еще раз. Я ничего не знаю!

КАСТЕЛАНО. Успокой свои нервы, Джони! Ясно?

ГОТТИ. Мне ничего не ясно.

КАСТЕЛАНО. И мне ничего не ясно, а поэтому я спрашиваю… Понятно это или нет? Это правда, что ваш Пит Тамбони продает наркотики?

ДЕЛЛАРОСИ. Спрашивай у него, а не у нас.

ГОТТИ. Я согласен. Допроси Пита.

КАСТЕЛАНО. А может быть, и Анжело Руджиерро?

ДЕЛЛАРОСИ. О, мой бог! Что ты от нас хочешь?

КАСТЕЛАНО. Они оба кладут в карман тысячи долларов. Джони, ты что, думаешь, они захотят со мной поделиться? Ты думаешь, они расскажут мне правду? С тобой же они делятся…

ГОТТИ. Черт знает что!!! За кого ты меня принимаешь?

КАСТЕЛАНО. Закрой глотку и не ори! Понял? Я хочу все разрешить по-человечески. Понятно? А поэтому я говорю с вами, а не с солдатами

Питом Тамбони или Анжело Руджиерро. Ясно? Если вы с ними связаны, я хочу быть связанным с вами. Не смотрите на меня такими глазами. Я хочу, чтобы вы обо всем подумали. Подумали бы всерьез, мать вашу… Мы ведь одна организация…»

Неизвестно, чем закончился их разговор. Но, судя по всему, Пол Кастелано пытался вести двойную игру: с одной стороны, запугивал смертным приговором, а с другой – хотел бы получать определенную долю прибыли от продажи наркотиков не от торговцев, а из третьих рук – от Готти и Деллароси. И разумеется, его участие хранилось бы между ними в тайне.

Вскоре это мнение подтвердилось разговором Пола Кастелано с Джоном Готти по телефону, который также был зарегистрирован подслушивающим устройством в «чертовой кухне». Глава мафии сказал, что, возможно, сохранит жизнь Пита Тамбони: «Джо, я подумаю об этом. Может быть, я его уволю. Он твой старый друг. Так ведь? Подумай и ты!»

Последствия секретных переговоров Пола Кастелано со своими подчиненными неизвестны. Неизвестна также и судьба Пита Тамбони. Скорее всего, он не был расстрелян и, может быть, даже не уволен из мафии Пола Кастелано. Вероятно, история торговли героином вдруг стала меньше всего волновать «босса боссов». Потому как по настоянию Рудольфа Джулиани усилилась слежка за Кастелано, и он явственно ощутил приближение собственной кончины.

Совершенно случайно владелец «Белого дома», находясь в своей «чертовой кухне», услышал какой-то странный звук. Он решил не обращать на него внимания. Но звук повторился опять. Тогда хозяин дома в один миг взломал топором пол. И оторопел: он увидел вмонтированное подслушивающее устройство. К моменту его обнаружения батарейка устройства истощилась и потому издавала странные звуки и была обнаружена.

Пол Кастелано понимал, что находка запоздала и агенты ФБР получили важную информацию обо всех делах мафии за последнее время.

Оказывается, после захвата его рэкетирами профсоюза рабочих Пол Кастелано хотел получать 5 процентов от вырученной суммы: «Ты понял, что я сказал? Не нужно дополнительной расшифровки. Понял? Ты и я. И никто больше». Этот отрывок разговора Пола Кастелано с капитаном отряда рэкетиров вскоре оказался в числе документов, переданных

прокуратурой в нью-йоркский федеральный суд.

24 марта 1984 года генеральный прокурор южного округа Нью-Йорка Рудольф Джулиани официально возбудил уголовное дело против Пола Кастелано, в котором тот обвинялся в организации двадцати пяти убийств. Среди его жертв были члены мафии, в их числе Рой Де Мео, а также невинные люди, сопротивлявшиеся рэкету его гангстеров. В случае признания Пола Кастелано виновным ему грозило пожизненное тюремное заключение. В тот же день его уголовное дело было передано в федеральный суд Нью-Йорка.

25 марта 1984 года два агента ФБР арестовали Пола Кастелано. Тогда же были арестованы Аниэлло Деллароси, Анжело Руджиерро и капитан отряда киллеров Нино Гаги. Но Джон Готти почему-то оставался на свободе. В тот же день были арестованы десятки рядовых членов других криминальных семейств Нью-Йорка и их главари, включая Джозефа Бонанно. Ко дню его ареста ему исполнилось восемьдесят два года, он был сильно болен и доживал последние годы в доме престарелых. Но, невзирая на это, офицеры ФБР арестовали его и поместили в тюремную камеру.

Предательская любовь

В теплый мартовский вечер офицеры ФБР Андрис Куринс и Джозеф Обрейн прибыли к воротам «Белого дома» – резиденции крестного отца нью-йоркской мафии. Когда прозвенел звонок в дверь, Пол Кастелано выглянул в окно столовой и сразу все понял. Он не спеша спустился на первый этаж и сам открыл входную дверь офицерам. Они предъявили удостоверения и сказали, что он арестован.

Потом Пол проводил их в «чертову кухню», где Глория готовила ужин. Там же была и дочь главы мафии Конни с мужем, державшим на руках их трехмесячного ребенка.

Когда мафиози спросил у офицеров, может ли он переодеться, те согласились. Он вышел из кухни в сопровождении Глории и Конни. Через несколько минут Пол вернулся обратно, одетый в элегантный голубоватый костюм. Он поцеловал дочь, пожал зятю руку и, обняв Глорию, дважды поцеловал. Конни и Глория не смогли сдержать слез. Он быстро вышел в коридор и чуть ли не бегом пустился по лестницам к выходу из дома. В этот момент Глория догнала его и бросилась ему на шею. Рыдая, она целовала Пола.

«Прости меня, Пол, прости!» – крикнула она, когда офицер Джозеф Обрейн буквально вырвал арестанта из ее рук…

О том, какие отношения связывали Пола Кастелано с Глорией Оларте, все узнали из записей подслушивающего устройства,

тайно спрятанного в «чертовой кухне» «Белого дома». Об этом есть и в книге, написанной офицерами ФБР Андрисом Куринсом и Джозефом Обрейном «Босс боссов».

Глория Оларте в 1978 году иммигрировала из Колумбии в США. Ей было тогда тридцать лет. Она очень плохо владела английским языком, а поэтому первые месяцы пребывания в незнакомой стране не могла найти работу. Но судьба неожиданно пришла ей на помощь. В те времена в нью-йоркском районе Куинс обосновалась община выходцев из Колумбии. Кто-то из ее жителей случайно узнал, что какая-то очень богатая семья, проживающая на Стейтен-Айлен де, нуждается в домработнице. Эта новость дошла и до Глории. Она попросила своих знакомых, владевших английским языком, узнать телефон этой семьи и через несколько дней появилась в Стейтен-Айленде. Ее встретила Нина Манно, жена Пола Кастелано, тогда еще жившая со своим супругом. Глория очень понравилась хозяйке, хотя она с трудом понимала, что ей говорила симпатичная молодая женщина. Нина предложила Глории работу домработницы: шесть дней в неделю с проживанием в ее доме. Глории предоставили отдельную комнату со всеми удобствами, включая шикарную ванную. На следующий день знакомые Глории перевезли ее вещи в «Белый дом». Это произошло в сентябре 1979 года. В тот день Глория впервые увидела Пола Кастелано, который, как утверждали авторы книги «Босс боссов», произвел на нее удручающее впечатление. «Высокий, хмурый, со строгим взглядом, неприветливо посмотрел на меня и всего лишь небрежно кивнул, когда я с ним поздоровалась».

Общение Глории с Ниной и Полом было нелегким, поскольку она с трудом понимала, о чем ее просили. Жена Пола даже купила компьютер, работавший на двух языках, для облегчения общения. Нина выводила на мониторе расписание заданий на каждый день, затем Глория с ее помощью прочитывала каждую строку и запоминала данные ей поручения. В итоге компьютер, вероятно, сыграл решающую роль не только в оптимизации общения Глории с хозяевами дома, но и ускорил процесс познания английского языка. А заодно и наладил взаимоотношения с Полом Кастелано.

Хозяин «Белого дома» неожиданно взялся за обучение своей домработницы пользованию компьютером и английскому языку. Он каждый вечер встречался с Глорией наедине в своем кабинете. Мистер Пол иногда позволял себе во время занятий обнять ее за плечи, смотрел ей в глаза с мягкой улыбкой и, как бы невзначай, мог гладить ей ножки. Потом стал часто делать подарки, покупал ей платья, туфли и дорогостоящие духи, чем она хвасталась перед

своими знакомыми, иногда приезжавшими в воскресные дни навестить подругу.

Через полгода Глория уже свободно говорила на английском языке. Но занятия английским языком с хозяином не прерывались. Однажды он увидел, как обнаженная Глория плавала в бассейне. Он помахал ей рукой и послал воздушный поцелуй.

Как утверждали авторы книги «Босс боссов», Глория не понимала, почему за столь долгое время ее пребывания в «Белом доме» Мистер Пол ни разу не попытался установить с ней более близкие отношения. Она не имела понятия о том, что у него диабет и, как следствие, импотенция. Что, собственно, и стало причиной охлаждения его отношений с женой, завершившихся разводом.

После развода Пол Кастелано чувствовал себя одиноким и брошенным на произвол судьбы. Несмотря на то что вскоре у них с Глорией возникли близкие отношения, Кастелано всегда был уверен в том, что молодая и обаятельная домработница никогда не сможет ему заменить теперь уже бывшую жену Нину Манно.

К семейным неурядицам добавились серьезные проблемы со здоровьем. Мистер Пол готовился к серьезной операции, которая должна была возвратить ему сексуальную активность. Домой «босс боссов» вернулся светившимся радостью.

Нина Манно, покинув «Белый дом», переехала в купленный кондоминиум там же, на Стейтен-Айленде. А Глория Оларте превратилась из домработницы в хозяйку. Ее отношения с Полом после его возвращения из больницы приняли именно тот характер, о котором она мечтала. Отныне они оба плавали нагишом в огромном бассейне «Белого дома». А когда подвластные Полу Кастелано члены мафии приходили на встречи с мафиози, Глория вежливо встречала гостей, рассаживая их за стол «чертовой кухни», угощала чаем, кофе, подавала закуску.

По свидетельству авторов книги «Босс боссов», в кругу высшего эшелона мафии не одобряли отношения Пола Кастелано со своей домработницей, критиковали своего босса за то, что он расстался с Ниной Манно, считая Глорию виновницей расторжения их брака.

Но Кастелано делал вид, что его не интересовали эти разговоры. Он наслаждался жизнью, считая Глорию той женщиной, которая, как он выражался, «открыла для него вторую весну». Мафиози даже откровенничал с Глорией о делах мафии. В книге Джона Дэвиса «Династия мафии», изданной в 1993 году, была опубликована интересная выдержка из их разговора, состоявшегося в «чертовой кухне».

«КАСТЕЛАНО. Глория, ты ведь знаешь супермаркет «Волдбаум»?

ГЛОРИЯ. А кто же его не знает? Все знают этот роскошный магазин.

КАСТЕЛАНО. Теперь этот магазин мой.

ГЛОРИЯ. Что же ты мне раньше не говорил? Ты его купил?

КАСТЕЛАНО. Я? О нет! Я их купил, а не магазин. Они платят мне, а не я им.

ГЛОРИЯ. Не понимаю.

КАСТЕЛАНО. А что тут понимать? Мои ребята им сказали… Кто они, ты догадываешься? Не крути головой…

ГЛОРИЯ. Нет, не догадываюсь…

КАСТЕЛАНО. Ну, хозяева… Они – это хозяева… Понимаешь? Мои ребята им сказали, что мы будем их охранять, а они нам – платить. Ха-ха-ха! Но они к моим ребятам относятся очень хорошо. И платят. Платят. Понимаешь? Но если мои ребята будут к ним плохо относиться, то… Ты понимаешь, я тут же дам команду. Они меня уважают и ценят.

ГЛОРИЯ. Ха-ха! Мистер Пол! Ты настоящий президент… Вот если бы ты был президентом страны! Я не шучу…»

Что побудило Глорию предать своего любовника, осталось неизвестным, а Пол Кастелано наверняка даже не догадывался об истинном значении слов Глории, когда она, рыдая, просила у него прощения…

«Босс боссов» был помещен в тюремную камеру местного отделения полиции. Утром 26 марта 1984 года ему сообщили о том, что в три часа дня в суде будет рассматриваться вопрос о его освобождении под залог. В тот же день в суд были вызваны и арестованные Аниэлло Деллароси, Нино Гаги и Анжело

Руджиерро.

Пол Кастелано надеялся на то, что ко времени слушания его дела о залоге в суд прибудет Глория Оларте. Но он ошибся. Ее там не было до самого конца судебного разбирательства. Зато в суд прибыла его бывшая жена Нина с их дочерью Конни и тремя сыновьями, Джо, Филиппом и Полом-младшим. Приехал и адвокат Пола Кастелано Рой Кон, вызванный в суд по просьбе Нины Манно. Слушание длилось более четырех часов. Суд согласился освободить до суда всех четырех арестантов под залог и подписку о невыезде.

Неизвестно, по какой причине в уголовное дело Аниэлло Деллароси каким-то образом попали документы о незаконном отцовстве.

История о его тайном отцовстве родом из 60-х годов. Тогда Аниэлло Деллароси соблазнил жену Эместо Грилло, нью-йоркского мафиози, которую звали Шеннон. Она родила от него двоих детей, девочку Шеннон и мальчика Шина. Эместо Грилло узнал об этом от одного из своих подручных. Тогда по правилам «Омерты» за нарушение этики Аниэлло Деллароси могли убить. Но, как утверждают архивные материалы, Аниэлло Деллароси через посредников передал Эместо Грилло большую сумму денег и был спасен. Но сам факт биологического отцовства детей никогда не рассматривался ни в одном суде Нью-Йорка при жизни Шеннон, которая умерла еще до возникновения уголовного дела против мафии Пола Кастелано.

На выяснение всех этих обстоятельств у судей федерального суда Нью-Йорка ушло много времени. В конце концов слушание дела Аниэлло Деллароси завершилось. Ему присудили залог в сумме 2 миллионов долларов.

Пол Кастелано был освобожден под залог в 4 миллиона долларов. Он возвращался домой на машине, которой управляла его бывшая жена Нина. Вслед за ними ехали Конни, Джо, Филипп и Пол-младший.

Глория Оларте отворила им ворота «Белого дома», проводила в столовую, где, кроме ужина, Пола Кастелано ожидал букет роз. С того дня в доме появился новый ритуал: ежедневно до завтрака Мистер Пол находил в «чертовой кухне» букет роз.

Заговор убийц против убийц

Вскоре после освобождения Пол Кастелано столкнулся с двумя проблемами. Во-первых, его стали тяготить отношения с Глорией, потому как он потерял веру в искренность ее любви и понял, что она никогда не сможет отдать ему столько тепла и ласки, сколько в иные годы он получал от Нины.

Во-вторых, он почувствовал раскол в стане сообщников по

мафии. Прежде всего это касалось отношений с первым помощником Аниэлло Деллароси. По какой причине их отношения ухудшились, Пол Кастелано не имел понятия, но факт оставался фактом: Деллароси старался как можно реже встречаться с боссом, был, как никогда раньше, упрям, а в докладах о делах мафии немногословен. Вторым человеком, с которым у главы мафии не заладились отношения, был Джон Готти. Кастелано с каждым днем терял к нему доверие, подозревая его в связях с дельцами наркобизнеса других нью-йоркских мафий.

К тому же информаторы «босса боссов» сообщали ему о возобновившемся наркобизнесе в рядах его криминальной организации. Они даже назвали имена солдат одного из отрядов мафии, успешно торговавших кокаином и героином в Бруклине. Пол Кастелано отдал приказ об их расстреле.

Но потом в список торговцев наркотиками попали фамилии еще трех солдат, бывших членами отряда киллеров Нино Гаги. Через несколько дней они бесследно исчезли. А еще через несколько дней Пол Кастелано получил анонимное письмо, в котором говорилось о нарастающем недовольстве в мафии по поводу его запрета на торговлю наркотиками и расстрелами людей, игнорировавших, как говорилось в том письме, «идиотский закон правителя».

В конце 1984 года Пол Кастелано получил два известия. Одно из них вселяло оптимизм, поскольку рассмотрение его уголовного дела откладывалось федеральным судом Нью-Йорка до июля 1985 года. Аналогичные извещения получили Аниэлло Деллароси, Анжело Руджиерро и Нино Гаги. Причиной тому была совместная апелляция, поданная адвокатом Роем Коном вместе с адвокатами трех подсудимых в вышестоящую судебную инстанцию.

Второе сообщение испортило хорошее настроение. Информаторы сообщили ему об образовании в его мафии еще одной тайной группировки торговцев наркотиками, которые уже наладили продажу героина и марихуаны в Чикаго, Детройте и соседних с Нью-Йорком городах штата Нью-Джерси. Во главе группировки находились тяжелобольной Аниэлло Деллароси, Джон Готти и Анжело Руджиерро.

Пол Кастелано немедленно вызвал в «чертову кухню» для откровенной беседы Аниэлло Деллароси и Джона Готти. Он знал, что там уже не было подслушивающего устройства, поэтому можно было говорить не таясь. Кастелано готов был пойти на любой компромисс, но встреча не состоялась. За несколько часов до нее позвонил Джон Готти и сообщил, что у Деллароси

диагностирован рак. В дальнейшей хронике жизни Аниэлло Деллароси нет никаких подробностей, касающихся его дальнейших взаимоотношений с Полом Кастелано. По утверждению Андриса Куринса и Джозефа Обрейна, авторов книги «Босс боссов», Аниэлло Деллароси впал в депрессию, ослаб физически и ко всему относился с полным равнодушием.

Болезнь Аниэлло Деллароси подействовала даже на Пола. Он стал все чаще задумываться о своем будущем, которое рисовалось ему в мрачных красках. Он со страхом думал об итогах предстоящего в июле 1985 года суда и о возможной жизни в тюремной камере. Однажды Пол поделился своими страхами с Глорией, но та отнеслась к этому безразлично.

Это еще раз убедило Мистера Пола в том, что его отношениям с Глорией, как и всему остальному в его жизни, приходит неминуемый конец. Однажды он даже осмелился позвонить бывшей жене Нине, рассказав ей о своих переживаниях. В отличие от Глории та попыталась вселить в него бодрость и веру в адвоката, который всегда успешно вытаскивал своих клиентов из тюрьмы.

Наконец подошло время рассмотрения уголовных дел Пола Кастелано и его ближайших подчиненных. Но к июню 1985 года семидесятилетний Аниэлло Деллароси уже доживал последние дни и по настоянию адвоката был вычеркнут из списка подсудимых. А вскоре адвокат Рой Кон вновь сумел оттянуть начало процесса, добившись его отложения до первых чисел декабря 1985 года.

Пол Кастелано вновь пригласил Джона Готти на «чертову кухню» для деловой беседы, а заодно отужинать.

Их встреча состоялась 12 июня 1985 года. Пол Кастелано высказал гостю опасения о возможном неблагоприятном для него завершении уголовного дела. И он решил, если его посадят в тюрьму, передать власть трем членам мафии, которые, в соответствии с уже подготовленными им рекомендациями, должны будут сообща руководить их криминальной организацией. В числе этой троицы он желал видеть Джона Готти, а также Томми Гамбино, старшего сына покойных Карло и Катерины Гамбино, и своего давнего друга, постоянного спутника и личного шофера Томми Билотти. Разговор мафиози происходил за кухонным столом в присутствии Глории. Она ухаживала за гостем, подливая ему в рюмку вина и угощая поджаренными на гриле бараньими ребрышками. Встреча двух мафиози проходила в дружеской атмосфере и затянулась до позднего вечера.

На следующее утро Джон Готти позвонил своему доверенному лицу Пеллегрино и рассказал ему свои впечатления

о встрече на «чертовой кухне» «Белого дома». Он считал, что передача власти троице членов мафии нереальна. Их разговор был перехвачен подслушивающим устройством, вмонтированным в стену дома Джона Готти.

...

«ГОТТИ. Ну, что ты можешь сказать? Ты ведь знаешь, что собой представляет Билотти. Мать его…

ПЕЛЛЕГРИНО. Мм, ну что тебе сказать? Я его плохо знаю, но то, что я слышал о нем, не в его пользу.

ГОТТИ. Что ты слышал?

ПЕЛЛЕГРИНО. То же, что и ты.

ГОТТИ. Он туп, как мое кресло. Понял?

ПЕЛЛЕГРИНО. Согласен.

ГОТТИ. Можешь себе представить, что тогда произойдет?

ПЕЛЛЕГРИНО. Ну что заранее гадать? Не нужно утруждать свое воображение. Давай подождем…

ГОТТИ. Подождем? Чего подождем? Чего ждать?

ПЕЛЛЕГРИНО. Я чувствую, что-то должно произойти…

ГОТТИ. Но, честно говоря, я не понимаю нашего босса. Как можно такому истукану доверять мафию.

Бог мой! Если бы был жив Карло Гамбино, он бы пристрелил нашего босса…

ПЕЛЛЕГРИНО. К сожалению, Карло Гамбино от нас ушел. Ничего не поделаешь. Нет Карло Гамбино, но найдутся другие люди. Какие люди? Которые смогут все уладить с нашим боссом… Понимаешь?

ГОТТИ. Ты так думаешь?

ПЕЛЛЕГРИНО. Я шучу. Не вздумай кому-то это сказать…

ГОТТИ. Но я все-таки думаю,

что у нашего босса была какая-то причина включить этого болвана в тройку…

ПЕЛЛЕГРИНО. Конечно. Ты знаешь, кто такой Билотти?

ГОТТИ. Ну-ну!

ПЕЛЛЕГРИНО. Кастелано, где бы он ни был, узнает, что творится в этой тройке. Понимаешь? Билотти его давний связной. Его информатор. Понимаешь? Пол может ему доверить все-все. А тебе нет.

ГОТТИ. М-да… Ты прав. Что-то все равно произойдет. Должно произойти. Если не сегодня, то завтра. Даже если нашего босса не посадят в тюрьму… Надо обо всем подумать».

Чем ближе приближалось время судебного процесса над Полом Кастелано, Анжело Руджиерро и Нино Гаги, тем конкретнее в сознании Джона Готти вызревала идея избавления от «босса боссов». Последнее решение «босса боссов» окончательно вывело Джона Готти из равновесия. И тот принял решение об убийстве Пола Кастелано до вступления в силу его завещания. Не теряя времени, Готти связался с двумя членами мафии, которые тоже недолюбливали «босса боссов». Он был уверен в том, что они не откажут ему.

Офицеры ФБР Андрис Куринс и Джозеф Обрейн в своей книге «Босс боссов» писали, что в конце ноября 1985 года видели прогуливавшихся вместе Джона Готти и Фрэнка Де Сикко. 1 декабря 1985 года они застали в одном из кафе Бруклина Джона Готти с Фрэнком Де Сикко и Джеймсом Фаиллой. Офицеры ФБР не знали причины встреч Джона Готти с этими людьми, и только спустя некоторое время причина прояснилась. По всей видимости, они обдумывали покушение на Пола Кастелано.

Но событие, произошедшее на следующий день после встречи в кафе Бруклина, расстроило их планы. 2 декабря 1985 года скончался Аниэлло Деллароси. На его похоронах присутствовали сотни людей, и не только члены мафии, в которой Аниэлло Деллароси прослужил почти тридцать лет, также жены многих высших чинов мафии и даже жены солдат, с почтением относившиеся к главарю их мужей. И разумеется, там же были

мафиози из других нью-йоркских мафий.

На похоронах не присутствовал Пол Кастелано. Это наверняка возмутило всех прибывших на бруклинское кладбище, не говоря о Джоне Готти, который расценивал это как неуважение к покойнику, которого он знал десятки лет, и ко всему высшему эшелону мафии Нью-Йорка.

Спустя неделю после похорон Аниэлло Деллароси произошло еще одно совершенно неожиданное для Джона Готти событие. Не кто иной, как Фрэнк Де Сикко, передал Готти официальное извещение Пола Кастелано о том, что с этого дня он лишается должности капитана и руководителя своих отрядов, которые расформировываются, а их солдаты переводятся в другие подразделения мафии. На следующий день Фрэнк Де Сикко уведомил Готти о том, что Пол Кастелано вызвал его на совместный ужин в популярный ресторан «Спаркс стейк» для обсуждения с ним в присутствии нового первого заместителя Томми Билотти его дальнейшей судьбы.

Несмотря на то что Фрэнк Де Сикко имел постоянный контакт с Полом Кастелано, он и его друг Джеймс Фаилла оставались на стороне Джона Готти. Это подтверждается архивными документами ФБР и многими историческими публикациями. Они вместе умело спланировали покушение на Пола Кастелано, в которое вовлекли десять человек. Свидание Джона Готти с Полом Кастелано было им на руку. Ресторан находился вдалеке от шумной улицы и присмотра местной полиции.

Позиции исполнителей заговора были тщательно продуманы заговорщиками. Первая группа из восьми человек, вооруженных пистолетами, должна была в одиночку или парами прогуливаться по улице на полпути к ресторану «Спаркс стейк». Затем ровно в пять часов они все должны были приблизиться к его входу и ожидать прибытия на место встречи Пола Кастелано и Томми Билотти. Четырем из восьми участников было поручено сразу же взять под контроль охранников «босса боссов», а при необходимости тут же их расстрелять. Сам Готти вместе с Фрэнком Де Сикко и Джеймсом Фаиллой под охраной еще двух исполнителей должны были находиться за углом ресторана.

В случае провала заговора Джону Готти следовало как ни в чем не бывало прийти в ресторан сразу вслед за Полом Кастелано и Томми Билотти. В случае же успеха все десять исполнителей должны были мигом разбежаться в разные стороны и умчаться на своих машинах. А Джону Готти после первого же выстрела следовало сесть в машину Фрэнка Де Сикко и скрыться как можно дальше от места преступления…

В ночь на 16 декабря 1985 года Пол Кастелано спокойно проспал до девяти утра, пока его не разбудил телефонный звонок его зама и личного шофера Томми Билотти, напомнивший боссу об их свидании в полдень с Джеймсом Фаиллой. Пол Кастелано проснулся в хорошем настроении. Принял душ, побрился, Глория приготовила завтрак. За завтраком Мистер Пол поделился с Глорией мыслями о том, что намеревается предпринять, чтобы как можно скорее погасить неприятные разговоры среди членов мафии, возникшие в связи с его отсутствием на похоронах Аниэлло Деллароси. Она одобрительно кивала ему. Глория чувствовала себя хозяйкой этого дома, но ей, вероятно, было наплевать на его планы.

К одиннадцати часам дня владелец «Белого дома» был готов отправиться на свидание с Джеймсом Фаиллой. Он надеялся на то, что этот мафиози поможет ему уладить конфликт с Джоном Готти. В противном случае, о чем он тоже поведал Глории, он будет вынужден предпринять экстренные меры. Какие меры, он еще не решил.

Несмотря на то что на улице бушевала снежная буря и поток машин с трудом продвигался по нью-йоркским улицам, Томми Билотти прибыл точно по расписанию. Через минуту Пол Кастелано, одетый в шикарную меховую шубу, вышел из дома. Томми Билотти тут же поспешил ему навстречу и помог боссу сесть в шикарный автомобиль.

В полдень у них состоялась встреча в одном из китайских ресторанов на северной окраине Нью-Йорка, в который, по их мнению, вряд ли заглядывали агенты ФБР, к тому же Джеймс Фаилла и Томми Билотти очень любили китайскую кухню. Настроение у всех было отличное, потому что Джеймс Фаилла пообещал Кастелано примирить его с Джоном Готти. Глава нью-йоркской мафии не смог тогда уловить в словах собеседника иронии.

После удачного ланча у Пола Кастелано оставалось еще много времени до встречи в ресторане «Спаркс стейк» с Джоном Готти. По дороге он решил заехать в офис адвоката Джеймса Ла Россы, которого нанял в помощь своему ведущему адвокату Рою Кону. Получив от него заверение в благополучном завершении предстоящего уголовного процесса, Кастелано покинул офис в прекрасном настроении. По прибытии в Манхэттен он решил зайти в универмаг и купить Глории подарок по случаю приближавшегося Рождества. Он тщательно рассматривал полки магазина и наконец выбрал ей самые популярные в то время дорогие духи.

А в то же время на Сорок шестой улице Манхэттена и

пересекающей ее авеню уже занимали свои позиции участники заговора. Некоторые из них остались в своих машинах, припаркованных вдоль Сорок шестой улицы. Другие, невзирая на сильный снегопад, стали прогуливаться неподалеку от входа в ресторан. Вскоре появилась машина Фрэнка Де Сикко, на заднем сиденье которой прятались Джон Готти и Джеймс Фаилла. И тут подъехала машина с двумя охранниками Джона Готти.

Снегопад не утихал. Он завалил Сорок шестую улицу, и машины двигались по ней медленнее пешеходов. Наверняка эта погода послужила причиной опоздания Кастелано на встречу с Джоном Готти на пятнадцать минут. Но команда заговорщиков терпеливо ожидала начала событий. Как позже выяснили агенты полиции, Пол Кастелано прибыл на эту встречу без охраны. У него даже не было с собой пистолета, с которым, по утверждению его близких людей, он никогда не расставался.

Как только «кадиллак», за рулем которого находился Томми Билотти, въехал под навес входа в ресторан «Спаркс стейк», его тут же окружили участники заговора. А когда Томми Билотти вышел из машины и открылась противоположная от него дверь, где сидел его босс, тут же раздались выстрелы. Пули одного из участников заговора сразу свалили Томми Билотти замертво. Пять пуль попали в Пола Кастелано. Он упал, и его кровь обагрила снежный покров мостовой. Подбежавший Готти выстрелил в голову уже мертвого «босса боссов».

Кровавая сцена продолжалась не более минуты на глазах людей, столпившихся под навесом у входа в ресторан. Некоторые свидетели убийства согласились дать показания быстро прибывшим на место агентам полиции и ФБР. Участники заговора, как и планировалось, сразу растворились в снежной мгле.

Агенты произвели тщательный осмотр места преступления, сделали снимки погибших Пола Кастелано и Томми Билотти. Они нашли пули, застрявшие в «кадиллаке». Оружие у покойного Пола Кастелано не было найдено, но в карманах брюк и пиджака Томми Билотти они нашли заряженный пистолет и 6 тысяч долларов наличными. На месте преступления, как указывалось в отчете осмотра места происшествия, в тот вечер не было охранников «босса боссов».

Весть об убийстве Пола Кастелано через пару часов достигла его дома. С этим известием туда прибыли дочь Конни и его бывшая жена Нина. Они уведомили Глорию о случившемся. Конни передала ей пакет, в котором находилось 18 тысяч долларов, и сказала, что эти деньги – подарок от ее отца за то внимание, которое она оказывала ему на протяжении многих лет,

а потом резко потребовала, чтобы Глория немедленно убиралась вон, потому что дом по завещанию отца теперь принадлежит ей, а она не нуждается в домработнице.

Глория тут же собрала вещи, вызвала такси и навсегда покинула самый красивый и самый дорогой из всех дворцов на Стейтен-Айленде. Куда уехала тогда Глория, историкам неизвестно, как и ее дальнейшая судьба.

Пол Кастелано, как и его бывшая жена Нина, был верующим католиком. Но кардинал Джон О'Коннор отказал семье покойного мафиози в прощальной мессе в католической церкви. В архивах сохранилось официальное заявление о причинах отказа, сделанное пресс-секретарем нью-йоркской католической организации от имени кардинала. В нем говорилось, что «прощальная месса с господином Кастелано лишена прав на свое осуществление в связи с дурной славой его смерти и в связи с подозрением, подчеркиваю еще раз, в связи с подозрением его связей с синдикатом организованной преступности». В документе содержалось заявление, сделанное пресс-секретарем от своего имени: «Человек, который не соблюдал правил католической религии или участвовал в каких-либо организациях, нарушающих эти правила, не заслуживает той почести, которая разрешает проводить мессу по случаю его смерти в католической церкви».

Прощальная панихида по покойному главе самой властной в стране мафии состоялась через три дня после убийства в доступном каждому «Похоронном бюро Кузимано и Руссо» в Бруклине. На той церемонии присутствовали только бывшая жена покойного Нина, их дети, внуки и племянники и Томми Гамбино – старший сын Дона Карло.

За пределами похоронного бюро скопилась огромная толпа репортеров газет, телевидения и радио. И все они чуть ли не в один голос задали вопрос участникам прощальной панихиды, появившимся на улице по окончании этой церемонии: «Почему не присутствовал Джон Готти?» Им коротко ответил Филипп, сын покойного Пола Кастелано: «Это было семейное прощание с моим отцом». Свой комментарий добавил Джеймс Ла Росса, адвокат: «Я могу подтвердить. Это сугубо частная, семейная панихида. Я уверен, Джон Готти придет на его могилу, попрощаться со своим другом».

Пола Кастелано похоронили на старейшем кладбище Нью-Йорка, Моравиан-Семетри на Стейтен-Айленде, на высоком холме Донган-Хилл, неподалеку от того места, где возвышался «Белый дом» покойного. Из его окон хорошо было видно это заросшее кустарниками и деревьями старинное кладбище. Оно возникло давным-давно, еще в XVII веке, когда Стейтен-Айленд был частью

колонии Дании. На том кладбище по сей день сохранились старинные надгробия.

Последние похороны на Моравиан-Семетри состоялись почти сто лет назад, когда умер богатейший магнат Корнелиус Вандербилд. Ему отвели огромную территорию в 100 акров, на которой воздвигли мавзолей, где он теперь покоится. Это красивое старинное здание из разноцветного мрамора хорошо видно из окон «Белого дома». Пол Кастелано иногда прогуливался по склону Донган-Хилл, любуясь мавзолеем Вандербилда.

Вероятно, Пол Кастелано оставил завещание, в котором высказал пожелание о месте захоронения. Так ли оно или нет, неизвестно. Но на могиле Пола Кастелано, напротив мавзолея магната Корнелиуса Вандербилда, не воздвигнут монумент в память о нем. Нет даже обычной в таких случаях плиты с датой рождения и смерти, нет даже упоминания имени.

В день погребения Пола Кастелано на кладбище Моравиан-Семетри присутствовали только члены его семейства, и больше не было никого. Не было даже священника из местной католической церкви. На склоне холма Донган у самого входа на кладбище стоял отряд из двадцати вооруженных офицеров полиции. Им был дан приказ во время похорон главы самой властной мафии страны никого не пускать на кладбище, в том числе и репортеров нью-йоркских газет и телевидения. На следующий день в местных газетах и в телевизионных новостях рассказывалось об этой печальной истории, названной журналистами «Тайна Мистера Пола».

Почему место захоронения известного мафиози было тщательно замаскировано, а его могилу семейство Кастелано упрятало от посторонних глаз? Историки предполагали, что бывшая жена мафиози Нина подозревала Джона Готти в убийстве ее бывшего мужа. И она же, вероятно, считала, что Джон Готти мог с такой же легкостью в любой момент уничтожить могилу «босса боссов». Нина знала о начавшемся расследовании гибели ее бывшего супруга агентами ФБР.

Источником информации для Нины Кастелано, как предполагали историки, мог быть Томми Гамбино, старший сын Дона Карло. Возможно, Глория Оларте тоже подозревала Джона Готти в убийстве Мистера Пола и высказала эти подозрения его бывшей супруге. Все может быть, ибо неспроста могила Пола Кастелано была названа нью-йоркскими репортерами «Тайной Мистера Пола», а все, что происходило на его похоронах, держалось в секрете почти пятнадцать лет. Лишь спустя время эта история была рассекречена, и о ней вкратце рассказывалось в

книге Джона Дэвиса «Династия мафии».

На следующий день после похорон Пола Кастелано начался судебный процесс, о котором он при жизни думал со страхом. Не случайно он заблаговременно побеспокоился о завещании и передаче власти доверенным лицам. Нью-йоркские газеты подробно комментировали события, происходившие в суде. Они сообщили, что из списка подсудимых почему-то исчез Анжело Руджиерро, а вместо него на скамью подсудимых были посажены два наемных убийцы: Тони Салерно и Тони Коралло. Суд завершился накануне рождественских праздников. Если бы в то время Пол Кастелано был жив, его бы приговорили, как и всех подсудимых, к пожизненному заключению и уплате штрафа в сумме 250 тысяч долларов. По мнению адвокатов покойного мафиози Роя Кона и Джеймса Ла Россы, их клиент даже при благоприятных для него обстоятельствах был бы лишен возможности досрочного освобождения.

ГЛАВА 8

Джон Готти во весь рост

В то время как на кладбище Моравиан-Семетри хоронили Пола Кастелано, его убийца Джон Готти готовился к первому этапу захвата власти над мафией, которая вошла в историю под названием «Клан Карло Гамбино». Первый, кому она досталась в наследство после смерти Дона Карло, был ныне покойный Мистер Пол. За девять лет своего правления он сумел расширить диапазон ее влияния на мир организованной преступности в стране. Она богатела, несмотря на то что по приказу Пола Кастелано самый доходный наркобизнес был исключен из ее преступной практики. Теперь на престол Клана Карло Гамбино устремился Джон Готти. К тому времени у него было прозвище Даппер Дон («Щегольский босс»).

Джон Готти всегда одевался очень дорого и по последней моде. Обедал и ужинал всегда только в самых дорогих ресторанах Нью-Йорка. Даже офис, открытый им на следующий день после убийства Пола Кастелано в общественном клубе «Раввинат» на Манхэттене, был обставлен шикарной мебелью. Но кроме выставляемого на всеобщее обозрение богатства и щегольства, Даппер Дон прославился своей жестокостью и безжалостностью по отношению к людям.

Первые дни после убийства Пола Кастелано агенты полиции и ФБР предполагали, что в Клане Карло Гамбино произойдет раскол на две конкурирующие фракции. Однажды информатор Доминик Лофаро передал в нью-йоркское отделение ФБР рапорт с описанием событий в день похорон Пола Кастелано. В Бруклине состоялось тайное совещание лидеров Клана Карло Гамбино. Один из его главарей, Ральф Моска, сказал своим подчиненным, что «Джонни успокоил его нервы». В книге Николаса Гейджа «Мафия США» приводятся слова Ральфа Моска: «Готти тот человек, который нам нужен. Джонни уверен в том, что сейчас все идет так, как надо. Теперь нам не нужно будет ходить с оружием наготове».

Агентам полиции и ФБР стало ясно, что именно Готти стремится к захвату мафии покойного Пола Кастелано и в случае его прихода к власти раскола не будет. С того дня агенты органов приступили к тотальной слежке за Даппер Доном и сразу обнаружили его тесную связь с Фрэнком Де Сикко и Джеймсом Фаиллой. Агенты выследили их во время прогулки в бруклинском парке. Потом они застали троицу в клубе «Ветераны и друзья». Они дважды их сфотографировали за ужином в одном из самых

богатых ресторанов Манхэттена.

В день похорон Мистера Пола десятки членов мафии, оставшейся без лидера, толпились у входа в манхэттенский клуб «Раввинат», где позже был открыт офис Джона Готти. Среди них были даже люди из соседнего штата, Нью-Джерси. Они по очереди заходили в офис, чтобы высказать Джону Готти соболезнование по случаю смерти его босса и пожелать ему успеха на троне главы мафии, нежданно-негаданно оказавшемся пустым.

На следующий день в ресторане «Сизарс» состоялась встреча капитанов Клана Карло Гамбино. Они пытались выяснить, кто мог убить Кастелано и кто займет его трон. На первый вопрос ответа не было. Но когда началась дискуссия о выборе возможного «босса боссов», большинство из них высказались в поддержку Джона Готти. «Если он сядет на трон, то он в надежных руках, – сказал капитан Джо Галло, возглавлявший диспут капитанов. – Он знает, в чью сторону наводить наган».

Накануне Рождества у входа в клуб «Раввинат» собралось около трехсот человек. Напротив клуба стоял полицейский фургон с детективом Джоном Гурни. Тот фотографировал толпу. Они держали в руках плакаты с надписями, поддерживающими притязания Джона Готти на власть над мафией. Кроме того, возле клуба толпились репортеры, рассказавшие об этом событии в утренних выпусках нью-йоркских газет.

30 декабря 1985 года капитан Джо Галло возглавил еще одно секретное сборище главарей Клана Карло Гамбино, куда входили представители пяти криминальных семейств Нью-Йорка и штата Нью-Джерси. На этот раз судьба Джона Готти была окончательно решена. Джо Галло произнес: «У нас есть только одна кандидатура. У нас есть только один человек, способный заменить ушедшего на покой Пола Кастелано. Джон Готти. Кто будет голосовать за него?» Все участники сборища встали со своих мест и хором произнесли: «Джон Готти! Джон Готти!» В тот день Даппер Дон стал «боссом боссов» и третьим наследником Клана Карло Гамбино.

На следующий день всего за несколько часов до наступления нового, 1986 года агентам ФБР как-то удалось установить подслушивающее устройство в офис клуба «Раввинат», ставший штаб-квартирой Джона Готти. С тех пор в нью-йоркском отделении ФБР накапливалась важная информация о жизни мафии под руководством нового босса. В первый же час подслушивающее устройство в штаб-квартире Джона Готти зафиксировало разговор о назначении Фрэнка Де Сикко первым заместителем нового главы мафии. И, кроме того, Джон Готти

присвоил ему звание капитана, передав под его командование отряд гангстеров, орудовавших в богатом нью-йоркском районе Стейтен-Айленд.

Джон Готти со дня захвата власти в Клане Карло Гамбино реорганизовал структуру всех криминальных семейств, разбив каждую из них на мелкие отряды. И ни один из капитанов, командовавших этими отрядами, включая властителей криминальных семейств, не имел права самостоятельно принимать наиболее важные решения. Это право с тех пор принадлежало только Даппер Дону. Безграничная власть, которую он приобрел вскоре после убийства Кастелано, тешила его диктаторские амбиции.

Джон Готти смог за короткий срок реорганизовать мафию, сделав ее менее заметной для глаз агентов полиции и ФБР. Армии солдат всех ее криминальных семейств были сформированы в отряды численностью не более тридцати человек, что делало их более мобильными. В каждом криминальном семействе было до пятидесяти отрядов, названных еще во времена Карло Гамбино «режимами». Командовали ими, как и прежде, капитаны. По подсчетам криминалистов мэрии Нью-Йорка, в семействах Клана Карло Гамбино в общей сложности насчитывалось около 5500 солдат и специальных отрядов профессиональных убийц численностью от 200 до 300 уголовников.

Реорганизация мафии, оказавшейся в руках Джона Готти, шла без проблем. Один только вопрос беспокоил нового «босса боссов»: как наладить взаимоотношения с Томми Гамбино, младшим сыном Дона Карло и племянником убитого им Пола Кастелано? Готти наверняка понимал, сколь велика необходимость привлечь на свою сторону Томми, который значился в завещании его дяди, Пола Кастелано, следующим наследником Клана Карло Гамбино. И, кроме того, Готти не без оснований подозревал, что тайна покушения на Пола Кастелано и Томми Билотти стала известна Томми.

Как считают авторы многих исторических изданий, включая Джона Дэвиса, автора книги «Династия мафии», младший сын Карло Гамбино знал до мельчайших подробностей детали убийства своего дяди и его личного шофера Томми Билотти. Но держал язык за зубами. Единственным человеком, кому он доверял, была, по всей видимости, Нина – бывшая жена покойного Пола Кастелано. Томми Гамбино продолжал поддерживать дружеские отношения с убийцей своего родственника и всегда положительно отзывался о Даппер Доне. Главная причина тому – страх.

В один субботний день января 1986 года детективы нью-йоркской полиции, следившие за Томми Гамбино, стали свидетелями того, как в семь часов вечера в гости к Томми Гамбино пришел Джон Готти с женой Викторией. Томми Гамбино жил в роскошном пентхаусе высотного дома на Шестьдесят восьмой улице на Манхэттене. В квартире было восемь комнат и огромная терраса, с которой открывался красивый вид на центр Нью-Йорка. В США квартиры на последних этажах небоскребов – пентхаусы – стоят миллионы.

Спустя несколько лет во время одного из уголовных процессов над Джоном Готти Томми Гамбино сказал членам жюри присяжных, что в тот день он со своей женой Френсис устроили ужин для Готти и его жены. «Субботний вечер тогда прошел в дружеской обстановке», – показал Томми Гамбино.

Готти был доволен гостеприимством Томми Гамбино.

Сохранившаяся запись – свидетельство тому.

...

«ГОТТИ. Ох! Благодарю. Недурно, недурно. Все бы ло, как… Ох!

СОБЕСЕДНИК. А как Виктория? Ей понравилось? Моей жене тоже понравилась наша встреча.

ГОТТИ. Ужин был вкусный. Виктория восхищена. Она ценит людей, которые меня уважают.

СОБЕСЕДНИК. Спасибо.

ГОТТИ. Спасибо тебе и Анжелине.

СОБЕСЕДНИК. О, бог мой! Спасибо за то, что ты есть. Все в моей команде думают так же, как и я, так же, как Анжелина.

ГОТТИ. А как этот… которого я хочу убрать… Ну, что ты?

СОБЕСЕДНИК. Оставь его…

ГОТТИ. Нет. Если я сказал, так и будет.

СОБЕСЕДНИК. Когда?

ГОТТИ. Сегодня, ха-ха!

СОБЕСЕДНИК. Мм, да…

ГОТТИ. А ты будь осторожен.

Наш закон должен соблюдаться. То бишь, мой закон. Понятно?

СОБЕСЕДНИК. Но я хочу сказать…

ГОТТИ. Никаких но… Будет так, как я сказал. А его уже нет. Я смотрю на часы. Да, его уже нет. И так будет с каждым. Понимаешь? Закон есть закон.

СОБЕСЕДНИК. Я постараюсь объяснить им…

ГОТТИ. Постараешься? Черт возьми! Ты обязан. Это моя мафия. Ясно?

СОБЕСЕДНИК. Я это имел в виду, конечно. Но кое-кто это запомнит. Нам, черт возьми, могут припомнить.

ГОТТИ. Я сказал, действуй. У тебя есть еще один такой же… Мать его… Ты понимаешь, кого я имею в виду?

СОБЕСЕДНИК. Понимаю.

ГОТТИ. Держи язык за зубами и действуй!

СОБЕСЕДНИК. Понимаю.

ГОТТИ. Что значит – понимаю?! Действуй!

СОБЕСЕДНИК. Когда?

ГОТТИ. Завтра!

СОБЕСЕДНИК. Завтра суббота.

ГОТТИ. Вот и хорошо. Будет еще один праздник. Или ты хочешь мне возразить? Не советую. Даже не думай. Ясно?

СОБЕСЕДНИК. Я молчу.

ГОТТИ. Молчи и действуй. Это мой приказ. Действуй и не бойся, что тебе это кто-то припомнит».

Спустя некоторое время после этой беседы Джон Готти наверняка вспомнил слова, сказанные его собеседником: «Нам, черт возьми, могут припомнить». Именно так и произошло вечером 13 апреля 1986 года, почти через четыре месяца после

убийства Пола Кастелано. В тот день Фрэнк Де Сикко решил навестить больного Джеймса Фаиллу, тоже участвовавшего в покушении. И Готти собирался к Фаилле.

В тот вечер два гангстера одной из мафий Нью-Йорка, по заданию своего босса Энтони Коралло, должны были убить Джона Готти в отместку за смерть его давнего и близкого друга Пола Кастелано. Один гангстер должен был сидеть за рулем машины и проследовать за автомобилем Даппера Дона до места стоянки. Как только автомобиль Джона Готти начал бы парковаться, другой гангстер подложил бы под днище его машины бомбу с дистанционным управлением.

Но гангстер, сидевший за рулем машины, перепутал автомобиль Джона Готти с автомобилем его первого зама, под который и была подложена бомба. Автомобиль Фрэнка Де Сикко разлетелся на куски. Скорая помощь зафиксировала смерть его владельца.

На следующий день газеты «Дейли ньюс» и «Нью-йорк пост» написали об этой трагедии. Эту историю освещали и телевизионные каналы. Имя Джона Готти не сходило с уст репортеров, строивших всякого рода догадки в связи с неудачным покушением. Поговаривали, что это заговор в отместку за убийство Пола Кастелано. Другие считали, что это сам Даппер Дон решил таким образом избавиться от своего зама. Джон Готти на следующий день после этих событий назначил на должность своего первого заместителя тогда мало кому известного Джозефа Армоне.

О судьбе Фрэнка Де Сикко пресса вспомнила после еще одного важного события, произошедшего почти через неделю после гибели мафиози. 17 апреля 1986 года федеральный суд Нью-Йорка начал слушание уголовного дела Джона Готти и дюжины членов его мафии. Все они обвинялись в нарушении закона Соединенных Штатов, принятого в 1970 году, запрещающего рэкет.

Если бы к тому времени был жив Пол Кастелано, то и он оказался бы на скамье подсудимых. Но поскольку Мистер Пол отбыл в мир иной, на арене крупнейшего судебного разбирательства главным оказался Джон Готти. Газеты, телевидение и радио раструбили на всю страну о новом крестном отце нью-йоркской мафии, о его модных костюмах и его обаятельной улыбке. Даппер Дон, как никто из предыдущих мафиози, вошел в моду американской прессы.

Однако прокуратура не забывала и об участии в рэкете покойного Пола Кастелано и настаивала, чтобы все данные о фактах вымогательства бывшим владельцем Клана Карло

Гамбино фигурировали в судебном процессе Джона Готти в качестве доказательства чрезвычайной опасности для общества этого вида преступления.

Федеральный суд признал бывшую жену покойного Мистера Пола Нину его вдовой со всеми вытекающими последствиями. Закон штата Нью-Йорк в тех случаях, когда покойник не оставлял завещания, передавал право на владение одной трети оставленного им богатства его вдове. Таким образом, Нина сразу же стала миллионершей. Две трети богатств покойника, на основании того же закона, отошли его детям. Эксперты, назначенные федеральным судом Нью-Йорка, подсчитали персональное имущество и земли Стейтен-Айленда, которыми владел Пол Кастелано, оценив их в 620 миллионов долларов.

Кроме того, покойный мафиози был собственником двух мясокомбинатов в Бруклине, которые принесли владельцу годовой доход в сумме 4,46 миллиона долларов. И наконец, «Белый дом» с земельными угодьями оценили в 3,5 миллиона долларов. Кроме того, более миллиона долларов наличными было найдено в погребе подвала дворца. «Белый дом», по утверждению нью-йоркских прокуроров, был воздвигнут на награбленные деньги. Его прозвали монументом жертв рэкета. Нью-йоркские прокуроры сожалели, что Пол Кастелано не смог принять участие в том судебном процессе. По их мнению, все, что он сделал за девять лет господства над Кланом Карло Гамбино, могло стать прекрасной иллюстрацией к деяниям подсудимого Джона Готти до того, как он стал главой мафии. А на совести Мистера Пола было – это те, о которых знали! – двадцать пять убитых жертв рэкета.

В годы правления Мистера Пола кто-то даже присвоил его гангстерам прозвище «гамбинос». После убийства Пола Кастелано к своим обязанностям «босса боссов» приступил новый глава мафии Джон Готти, следовавший заветам предшественника.

Когда Пол Кастелано после смерти Карло Гамбино унаследовал Клан Гамбино, формирование специализированных отрядов уже было завершено. Джону Готти оставалось лишь раздробить отряды на меньшие по численности подразделения и усилить их профессионализм. Первым из всей армии капитанов, кто удачно сдал экзамен на преданность «боссу боссов», был Томми Гамбино. Частые семейные встречи в пентхаусе Томми Гамбино и Джона Готти сыграли свою положительную роль.

Подтверждением тому служили не утихающие слухи о том, что родственник покойного Пола Кастелано стал ставленником Джона Готти, поддерживавшим «босса боссов» во всех его начинаниях. И вероятно, именно поэтому Томми Гамбино по-

прежнему оставался на посту капитана отряда профессиональных рэкетиров, избравшего себе в качестве объектов фабрики пошива верхней мужской и женской одежды Нью-Йорка и соседнего штата, Нью-Джерси.

Специализированные отряды, подобные Томми Гамбино, действовали и в других отраслях бизнеса: в профсоюзах строительных и транспортных компаний, организации карточных игр в казино Нью-Йорка и других городов, угонах с последующей продажей машин и в других штатах и странах, вымогательстве денег у владельцев нелегальных борделей, подделке банковских документов и изготовлении фальшивых денег. Щупальца мафии простерлись и во многие другие отрасли.

Годовой доход Клана во время правления Пола Кастелано достигал 700–750 миллионов долларов. В соответствии с его структурой действовала система оплаты членов мафии. Деньги, вырученные за месяц от всех видов криминальной деятельности, прежде всего поступали в карман «босса боссов» и распределялись им. Как следует из финансовых документов мафии и по признанию некоторых арестованных солдат, их годовые заработки колебались в размере 100 тысяч долларов. Прекрасные доходы по тем временам!

В первые месяцы правления Карло Гамбино в его организации была введена еще одна выплата – дополнительные проценты Дону Карло. Это называлось «правило вознаграждения крестного отца», и оно по наследству перекочевало сначала к Полу Кастелано, а потом к Джону Готти. И наверняка до сих пор имеет силу закона в современных мафиях. Обычно такие подарки «боссам боссов» преподносились в их дни рождения и на Рождество.

Суть этого правила заключалась в том, что все члены мафии должны были – именно должны – удовлетворять неуемные денежные аппетиты ее главарей и два раза в год преподносить денежные подарки. Правда, в соответствии с правилом не более 100 тысяч долларов.

Незадолго до начала его судебного процесса у Джона Готти неожиданно для большинства членов мафии появились враги. Одни все громче говорили, что именно Даппер Дон организовал убийство Пола Кастелано и Томми Билотти. И призывали к мщению, что и требовал кодекс «Омерта». Других же просто все раздражало в новом вожаке, включая его шикарный «мерседес», золотое кольцо с огромным бриллиантом и прочее.

В мафии даже поползли слухи о том, что это именно он организовал покушение на жизнь Фрэнка Де Сикко, который якобы грозился на предстоящем уголовном процессе рассказать правду об убийстве Пола Кастелано. Но враги Джона Готти

боялись открыто обвинять его в гибели Фрэнка Де Сикко, памятуя слова Даппер Дона: «Ничего не говори против нас, а то сам уйдешь туда».

Однако Рудольф Джулиани, его прокуроры, агенты ФБР и детективы полиции были уверены в успехе возбужденного ими против Готти уголовного дела. Они не сомневались в том, что Даппер Дон будет приговорен к пожизненному тюремному заключению.

Судебная драма

В девять часов утра 17 апреля 1986 года Джон Готти был арестован. Офицеры нью-йоркской полиции доставили его в федеральный суд, где ему было объявлено о начале судебного процесса по обвинению его в рэкете и совершении ряда других преступлений. Судебный процесс проходил под председательством судьи Юджина Никерсона. Со стороны обвинения выступила Диана Джиакалони, заместитель генерального прокурора восточного округа Нью-Йорка. Адвокатом Джона Готти был Брюс Катлер, завоевавший репутацию знатока тонкостей уголовного права.

Судья Юджин Никерсон сообщил участникам судебного процесса, что на первой стадии будут решены все организационные вопросы, включая отбор членов жюри присяжных заседателей и тщательную подготовку адвоката подсудимого к его защите. Брюс Катлер представил прошение об освобождении Джона Готти до завершения судебного процесса под залог. Судья Юджин Никерсон согласился и назначил залоговую сумму миллион долларов. Джон Готти немедленно согласился с этим и был освобожден до последнего дня судебного процесса, когда будет вынесено решение, виновен он или нет.

На рассмотрение суда нью-йоркская прокуратура представила тысячи страниц с описанием преступных деяний Джона Готти за последние четыре года. Таким образом, первые дни судебного процесса были полностью посвящены знакомству федерального судьи Юджина Никерсона и адвоката подсудимого Брюса Катлера со всеми тайнами криминальной деятельности нынешнего главы Клана Гамбино. Одновременно шла заключительная стадия отбора членов жюри присяжных заседателей. Неожиданно произошло событие, которое вернуло Джона Готти к прежнему статусу арестанта.

Миллионный денежный залог подсудимого вызвал у всех сомнение в том, был ли он достаточным и имел ли право подсудимый находиться на свободе при новых обстоятельствах.

Слухи о возможной причастности Джона Готти к смерти его зама Фрэнка Де Сикко перекочевали на страницы нью-йоркских

газет и в телевизионные шоу. Это обстоятельство озадачило федерального судью Юджина Никерсона и заместителя генерального прокурора Диану Джиакалони. Они опасались при открывшихся обстоятельствах оставлять Джона Готти на свободе. Зная его крутой характер, можно было ожидать все что угодно, вплоть до совершения им очередных убийств.

Дискуссии Юджина Никерсона и Дианы Джиакалони продолжались почти до середины мая. Одно время, как утверждалось тогда в нью-йоркских газетах, Никерсон стал склоняться к тому, чтобы не лишать подсудимого свободы при условии установления за ним круглосуточной слежки. К такому же мнению пришли агенты ФБР, считавшие, что пребывание Джона Готти на свободе может даже принести им и судебным инстанциям пользу. Например, у них появится возможность подслушивать разговоры Готти со своими доверенными лицами, в которых могут содержаться дополнительные доказательства его вины.

Однако Диана Джиакалони придерживалась иной точки зрения, полагая, что нахождение Джона Готти на свободе может повлечь за собой другие преступления, в том числе убийства свидетелей. 13 мая 1986 года во время очередной дискуссии мнение Дианы Джиакалони взяло верх. Миллионный залог Джона Готти был аннулирован. На следующий день его арестовали и отправили в тюрьму Манхэттена. Уголовный процесс был приостановлен почти на четыре месяца, с целью тщательного ознакомления со всеми тонкостями дела против главы Клана Гамбино.

Американская пресса не утихала, обсуждая всевозможные варианты развития самого крупного уголовного процесса в истории организованной преступности страны. Имена судьи, прокурора и адвоката не сходили с газетных полос…

Судья Юджин Никерсон окончил Гарвардский университет. Некоторые газеты того времени писали, что он чувствовал себя некомфортно в общении с прокурором Дианой Джиакалони, хотя он никогда ей не возражал, даже когда не был согласен с ее мнением. Та порой была излишне категорична в своих высказываниях и была уверена, что Джон Готти заслуживает пожизненного заключения.

Диана Джиакалони родилась в семье выходцев из Италии. Ее семья с первых дней прибытия из Италии в Нью-Йорк жила в «Маленькой Италии». Диана училась в католической школе, а потом поступила в один из нью-йоркских колледжей на юридический факультет. Получив диплом юриста, Диана не пожелала стать адвокатом. Она была ярой сторонницей

соблюдения законов, а потому стала прокурором и успешно продвигалась по карьерной лестнице. Не случайно именно ей было поручено быть главной фигурой обвинения в судебном процессе «Правительство против Джона Готти».

Брюса Катлера, адвоката Джона Готти, Диана сразу невзлюбила. Ее раздражало в нем все, даже тот факт, что он скрупулезно изучал одну страницу за другой и задавал ей вопросы, на которые не так-то просто было сразу дать ответ. Диана Джиакалони старалась избегать дискуссий с адвокатом.

Брюс Катлер, закончив учебу в Нью-Йоркском университете, не пожелал вступить на прокурорскую стезю. Он мечтал быть адвокатом еще во время учебы в школе. Отец Брюса служил офицером нью-йоркской полиции. Брюс Катлер считался успешным адвокатом. Его имя было известно в преступном мире Нью-Йорка.

Когда изучение всех документов и показаний свидетелей завершилось, судья Юджин Никерсон объявил о дате судебного заседания. Нью-йоркские газеты тут же оповестили о том, что 18 августа 1986 года возобновляется слушание дела «Правительство против Джона Готти». К этому времени из двадцати четырех кандидатов в жюри присяжных заседателей было отобрано шесть мужчин и шесть женщин. По настоянию Дианы Джиакалони их имена были засекречены, и во время судебного разбирательства их вызывали только по номерам на табличках, приколотым к одежде.

Среди двенадцати присяжных заседателей двое были выходцами из Италии, двое афроамериканцами, еще двое – демобилизованные офицеры ВМФ США. Остальные – госслужащие Нью-Йорка. В соответствии с законодательством США члены жюри присяжных не имели права заранее ознакомиться с материалами дела.

Но истории из жизни Джона Готти освещались всеми СМИ. Более того, журнал «Тайм» (*Time magazine*) на развороте очередного номера напечатал портрет Джона Готти работы известного художника Энди Уорхола.

Тогда же в Манхэттене, Бруклине и в ряде других районов Нью-Йорка состоялись, правда немногочисленные, демонстрации сторонников Джона Готти. Некоторые демонстранты несли в руках разворот номера журнала с портретом своего любимца. Они его называли «наш идол». Такого рода события, предшествовавшие началу судебного процесса, впервые встречались в многолетней практике судьи Юджина Никерсона. И наверняка не случались за годы карьеры прокурора Дианы Джиакалони.

Слушание дела Джона Готти вначале проходило за закрытыми дверями. В зал заседаний, кроме судьи, прокурора, адвоката и членов жюри присяжных, никто не допускался. Судебный зал открыли для всех остальных, включая членов семьи подсудимого, его сторонников и репортеров местной прессы, 25 сентября 1986 года. Первой выступила Диана Джиакалони. В тот день она появилась в судебном зале в модном красном костюме. Джон Готти, сидевший на скамье подсудимых в первом ряду этого зала, прошептал своему адвокату: «Хороша мадам. Будем звать ее Красная Леди».

Свое первое полуторачасовое выступление Диана Джиакалони начала с рассказа о том, как подсудимый Джон Готти начал свою карьеру в мафии Карло Гамбино и как еще в 1974 году тот приказал ему убить главаря ирландской мафии Джеймса Мак-Бритни, который похитил его племянника Манну. В помощь ему крестный отец мафии отрядил Анжело Руджиерро и Ральфа Галиони.

Диана сказала, что за такое преступление Готти уже тогда полагалось пожизненное заключение, а он отделался всего двумя годами тюрьмы. И выразила уверенность в том, что ничего подобного не произойдет в этом уголовном процессе. «Все преступления Джона Готти за годы его криминальной деятельности подтверждены фактами» – этими словами Джиакалони закончила свое первое выступление в суде.

Она невольно бросила взгляд на подсудимого Джона Готти. Тот в это время ехидно улыбался, а поймав ее взгляд, даже чуть слышно рассмеялся.

Затем слово было предоставлено защитнику подсудимого. Брюс Катлер, улыбаясь присутствовавшим в зале, заявил, что слова прокурора Джиакалони – выдумка Красной Леди. Услышав это прозвище, присутствовавшие в зале люди рассмеялись, проявив свое расположение к защитнику подсудимого. Брюс Катлер обратился к членам жюри присяжных: «Ничего подобного в организации Карло Гамбино никогда не было и не могло быть. Убийства и рэкет? Это фантазия, выдуманная прокурорами. В частности, прокурором Дианой Джиакалони».

Потом Катлер перешел к рассказу о личности Джона Готти. Он заявил, что вся жизнь этого джентльмена убеждает в том, что он никогда не имел связей с организованной преступностью. «Прокуроры невзлюбили его за шикарный, свободный образ жизни. За его желание роскошно одеваться, проводить время в ночных клубах, играть в карты. Да, он любил ночные клубы. Возможно, их руководство и втянуто в деятельность организованной преступности. Но при чем тут Джон Готти?».

В книге Джона Дэвиса «Династия мафии» опубликован отрывок первого выступления адвоката Брюса Катлера во время его дискуссии с прокурором Дианой Джиакалони. Автор книги и авторы других публикаций того времени сочли выступление защитника Джона Готти театральным представлением, а самого Брюса превосходным актером.

«Прокурор Красная Леди, прошу извинить – леди Диана Джиакалони… Прокурор Диана Джиакалони утверждает, что мой подзащитный ничем не отличался от людей того круга, в котором вращался с молодых лет. Не вижу в этом ничего плохого. В его молодые годы Джона не допускали в богатые клубы, а в юношеские – не принимали в школы для богатых. Его отец был неимущим, и сын не смог поступить в Гарвардский университет. Так что же? Что он должен был делать? Игнорировать круг людей, в котором он вырос, с которыми общался в годы юношества? Джон не игнорировал этих людей. Они вместе росли. Разве можно обвинять моего подзащитного в том, что он имел связи с людьми, которых не любит прокуратура? А Джон любил проводить время в клубах, имевших, вероятно, думаю, наверняка связи с преступным миром… Джон любил ходить в клубы, встречаться с женщинами, играть в карты… Для кого кофе, а для кого виски… Разве за образ жизни можно человека держать в тюрьме?

Джон Готти, – поймите меня правильно, – семейный человек. Для него семья, его жена, преданная ему до конца жизни Виктория, его пять детей, две дочери и три сына, была единственным богатством, тем, ради чего он жил…»

В тот момент, когда Брюс Катлер закончил эту фразу, он подбежал к своему столу, взял с него лист бумаги и опять обратился к членам жюри присяжных:

«Вот смотрите! Это обвинительный документ. В нем утверждается, что мой подзащитный – Джон Готти – убивал людей и свою жизнь посвятил не своей семье, а рэкету».

Брюс Катлер поднял вверх руку, в которой держал копию обвинительного документа, и, обращаясь к членам жюри присяжных, произнес:

«Это гнилье. Гнилье от начала до конца! Оно воняет! Если вы возьмете тухлое мясо, морковь, прогнивший картофель, лук и подольете туда вкусный соус, это будет то, что вам предлагает обвинение прокуратуры. Обвинение моего подзащитного в убийствах и рэкете. Оно воняет. От него тошнит!»

Брюс Катлер подбежал к мусорной корзине рядом со столом судьи Юджина Никерсона и громогласно обратился к членам жюри:

«В ваших руках судьба Джона Готти. Вы можете остановить

игру прокуратуры. Вы можете взять этот приговор и выбросить его в эту мусорную корзину. Повторяю, в ваших руках судьба этого человека».

Затем он на мелкие кусочки разорвал лист бумаги и выбросил обрывки в мусорную корзину:

«Это место, где должно находиться выдуманное прокуратурой обвинение против Джона Готти. Самое подходящее место. Это прогнивший, тухлый документ. Прогнивший дотла. Он воняет. Его место на помойке».

Этим театральным представлением и завершился первый день судебного разбирательства. Последующие дни были посвящены обсуждению показаний свидетелей, представленных сторонами обвинения и защиты. То были нелегкие дни для всех участников процесса. Одна только сторона обвинения вызвала в суд для дачи показаний семьдесят восемь свидетелей.

В первый день уголовного процесса прокурор Джиакалони предупредила членов жюри присяжных о том, что большинство свидетелей были, как она сказала, «страшными, ужасными людьми». Вот лишь некоторые из них.

Джеймс Кардинали – распространитель наркотиков. Убийца пяти человек, в чем он и сознался во время судебного процесса. Был приговорен всего лишь к десяти годам тюремного заключения, поскольку дал согласие быть свидетелем уголовного процесса на стороне обвинения. Его под усиленной охраной ежедневно привозили из тюрьмы в зал заседания федерального суда Нью-Йорка.

Сальваторе Полиси – наркодилер, грабитель банков, автоугонщик. Он был арестован и осужден за участие в краже автомобилей, но потом освобожден взамен на согласие дать показания против Готти.

Доминик Лофаро – наркодилер, убивший трех человек. Он отбыл тюремный срок, а затем изъявил желание быть свидетелем на стороне защиты Джона Готти.

Мэтью Трэйнор – наркодилер, грабитель банков, профессиональный аферист, специализирующийся на подделке банковских документов. Одно время был информатором ФБР. Близкий друг Джона Готти. С начала процесса – свидетель обвинения, потом неожиданно решивший выступать на стороне защиты.

В процессе свидетельских показаний определились группы свидетелей обвинения и защиты. Потом начались перекрестные допросы.

Первым свидетелем перекрестного допроса стал Сальваторе Полиси. Начала Диана Джиакалони.

...

«ДЖИАКАЛОНИ. Где вы познакомились с подсудимым?

ПОЛИСИ. В клубе.

ДЖИАКАЛОНИ. В каком клубе?

ПОЛИСИ. В клубе Фрэнка Синатры.

ДЖИАКАЛОНИ. Там можно было хорошо проводить время?

ПОЛИСИ. О да! Там был прекрасный джаз. Там пел Синатра.

ДЖИАКАЛОНИ. И все?

ПОЛИСИ. Нет, не все.

ДЖИАКАЛОНИ. Что еще?»

После этого вопроса Сальваторе Полиси, занимавшийся автоугонами под руководством Джона Готти, подробно рассказал о том, что подсудимый и другие мафиози приходили не для того, чтобы слушать песни Фрэнка Синатры, а чтобы оговаривать дальнейшие действия. По словам Полиси, Джон Готти, кроме автоугонов и рэкета, руководил нелегальной карточной игрой в тайных клубах Нью-Йорка.

Потом к допросу свидетеля приступил Брюс Катлер. Его задачей было свести на нет все показания этого свидетеля. Адвокат решил вызвать у жюри присяжных отвращение к Сальваторе Полиси, опозорить его и доказать, что для этого человека легче плюнуть, чем сказать хотя бы слово правды. В начале допроса Брюс Катлер вынудил Сальваторе Полиси признать тот факт, что он освобожден из тюрьмы взамен обещания стать свидетелем обвинения. Потом Брюс Катлер перешел к очень неудобным для свидетеля вопросам.

...

«КАТЛЕР. Мистер Полиси! Сколько раз вы врали за свою жизнь?

ПОЛИСИ. Я никогда не подсчитывал.

КАТЛЕР. Мистер Полиси! Вы занимались продажей наркотиков? Это правда?

ПОЛИСИ. Да.

КАТЛЕР. Сколько продали?

ПОЛИСИ. Понятия не имею.

КАТЛЕР. Мистер Полиси! Сколько денег за свою жизнь вы похитили в банках?

ПОЛИСИ. Миллионы долларов.

КАТЛЕР. Подделывали документы, подписи. Так?

ПОЛИСИ. Это не имеет значения.

КАТЛЕР. Скольких людей вы избили за свою жизнь?

ПОЛИСИ. Много».

Следующие вопросы адвоката касались его личной жизни, тех ее сторон, которые ранее не обсуждались прокурорами и адвокатами во время слушания его предыдущего уголовного процесса.

...

«КАТЛЕР. За время вашей службы в клубе певца Фрэнка Синатры у вас были две пятнадцатилетние девочки, выполнявшие работу проституток. Они завлекали в этот клуб клиентуру. Они же развлекали посетителей этого клуба. Мистер Полиси, это правда?

ПОЛИСИ. Не совсем так.

КАТЛЕР. Что значит – не совсем так? Не совсем – это как? Мистер Полиси! Вы ведь знали Барбару, да не только ее… В недавние годы, когда вы занимались продажей наркотиков… Вспомните, вы избивали ее, принуждая к сексу с вами… Вы расплачивались с ней наркотиками. Сэр! Это правда?

ПОЛИСИ. Нет.

КАТЛЕР. А вы принуждали вашу жену участвовать вместе с вами в

наркобизнесе? Говорят, что так оно и было?

ПОЛИСИ. Нет. Этого никогда не было.

КАТЛЕР. Вы принуждали вашу жену быть там, где вы находились с вашими друзьями?

ПОЛИСИ. Не понимаю, о чем вы говорите.

КАТЛЕР. Там, где вы проводили время с участием Барбары.

ПОЛИСИ. Нет.

КАТЛЕР. Мистер Полиси! Вы фотографировали вашу жену, когда она по вашему требованию совершала половой акт с посторонним мужчиной? Сэр! Это правда?

ПОЛИСИ. Не совсем так.

КАТЛЕР. Опять не совсем так. Когда вы будете говорить правду?

ПОЛИСИ. Я всегда говорю правду».

«КАТЛЕР. Во Флориде вы убили пять наркодилеров. Это правда?

КАРДИНАЛИ. Правда.

КАТЛЕР. Почему вы дали согласие участвовать в этом процессе на стороне обвинения?

КАРДИНАЛИ. Чтобы сохранить свою… задницу…

КАТЛЕР. Всего лишь?

КАРДИНАЛИ. Да.

КАТЛЕР. Ну а все-таки, в чем причина ваших показаний против моего подзащитного Джона Готти?

КАРДИНАЛИ. Я же вам сказал.

КАТЛЕР. Вы мне ничего не сказали.

КАРДИНАЛИ. Я же вам сказал… для того чтобы сохранить свою задницу. Для того чтобы мне скостили срок.

КАТЛЕР. Что? Сэр! Вы это

обещали госпоже Джиакалони?

КАРДИНАЛИ. Да.

КАТЛЕР. Значит, она больше ничего не выдумывает, она больше не врет. Так?

КАРДИНАЛИ. Так».

Неожиданно судья Юджин Никерсон впервые за время этого уголовного процесса вскипел. Он даже привстал со своего кресла и взволнованным голосом произнес в сторону Брюса Катлера: «Пожалуйста, прекратите ваш комментарий. Пожалуйста, снизьте тон!»

В судебном зале воцарилась мертвая тишина. Впервые более чем за три месяца открытых слушаний Юджин Никерсон потерял спокойствие. Он еще раз требовательно повторил: «Пожалуйста, прошу вас, снизьте тон! Успокойтесь». Но Джон Готти не смог сдержаться, вскочил со своего места и стал обвинять прокурора Диану Джиакалони в постоянном вранье. А потом, указав пальцем на свидетеля Джеймса Кардинали, крикнул на весь зал: «Она старается защитить этого убийцу. Она и есть убийца, эта…» И он грязно выругался. В тот миг свидетель Джеймс Кардинали вдруг, глядя на Джона Готти, к удивлению всех, произнес: «Он самый прекрасный человек, которого я знал за всю свою жизнь».

Судебная драма небывалого в истории юриспруденции США уголовного процесса приближалась к финалу. Одновременно с завершением допроса свидетелей закончилось рассмотрение уголовных дел трех солдат Клана Гамбино, состоявших членами отряда, которым при жизни Пола Кастелано командовал Готти. Члены жюри присяжных признали всю троицу виновной в рэкете, автоугонах, ограблениях и убийствах. На основании этого вердикта судья Юджин Никерсон приговорил каждого из них к ста годам тюремного заключения.

В момент вынесения приговора в судебном зале находилось множество репортеров газет, телевидения и радио. Они пытались брать интервью у осужденных, которых охранники после оглашения приговора выводили из зала. Репортер «Нью-Йорк таймс» подбежал к Джону Готти и спросил, как он относится к приговору для его солдат. «Их приговор не имеет никакого отношения ко мне, – категорично заявил их бывший босс. – Я хожу по другой дороге. Ха-ха!» И истерически рассмеялся.

Процесс Джона Готти подошел к завершению. Предстоял перекрестный допрос свидетеля Мэтью Трэйнора, близкого друга Джона Готти. Но тот вдруг перешел на сторону свидетелей защиты. То, что произошло во время его допроса Брюсом

Катлером, потрясло всех участников судебного процесса. Включая, разумеется, членов жюри присяжных.

Мэтью Трэйнор поведал о том, что накануне судебного процесса Диана Джиакалони вызвала его в прокуратуру. Во время разговора в ее офисе он согласился выступить свидетелем обвинения. И тогда она якобы достала из ящика письменного стола новенькие трусики и сказала ему: «Пользуйся ими в свое удовольствие. Пребывай в эротических фантазиях».

Зал притих в ожидании сенсации. Мэтью Трэйнор продолжил свой фантастический рассказ о взаимоотношениях с прокурором Дианой Джиакалони. Якобы Диана Джиакалони во время допросов в прокуратуре предложила ему принять наркотики и выдала рецепты на возбуждающие препараты. «А для чего?» – спросил сам себя Мэтью Трэйнор. И тут же ответил: «Для того чтобы я расслабился во время допроса в суде и больше наговорил на Джона Готти».

Диана Джиакалони тут же назвала Мэтью Трэйнора лгуном, а его показания – беспардонной ложью. Не медля ни секунды, судья Юджин Никерсон заявил: «Наше судебное разбирательство не должно превращаться в цирковое представление. Достаточно того, что мы слышали от защитника подсудимого. Хватит!» Однако Диана Джиакалони решила продолжить допрос этого свидетеля. Она попросила Юджина Никерсона представить членам жюри предыдущие показания Мэтью Трэйнора, в которых он, как она заявила, не принимая наркотиков и возбуждающих препаратов, подтвердил все предъявленные прокуратурой обвинения против Готти.

Но судья отказал в ее просьбе. Тогда Диана потребовала вызова в суд для повторного допроса семнадцать свидетелей. На этот раз Никерсон дал согласие. И последнее заседание суда с перекрестным допросом перенесли на 11 февраля 1987 года.

Процедура допроса заняла три недели. Все семнадцать свидетелей еще раз подтвердили прежние обвинения. Однако вскоре стало ясно, что репутация Дианы Джиакалони в глазах членов жюри присяжных заседателей сильно пострадала.

Заключительная стадия уголовного процесса Джона Готти была назначена на 6 марта 1987 года. В тот день Диана Джиакалони и Брюс Катлер произнесли свои последние речи. Диана Джиакалони, по сведениям историков и сообщениям нью-йоркских газет, выглядела очень усталой. Она даже допустила несколько ошибок в своей двухчасовой речи, перепутав некоторые имена допрошенных ею свидетелей. Но Брюс Катлер, как всегда, был на высоте, хотя не прибегал к своей прежней практике и больше не критиковал Диану Джиакалони. Его речь была намного

короче, чем ее, но более яркой и образной. Катлер пытался убедить членов жюри присяжных в том, что среди свидетелей, поддерживавших обвинения прокуратуры, не было ни одного человека, которому можно доверять, как он выразился, «хотя бы на грош».

В тот день судьба Джона Готти была передана в руки членов жюри присяжных заседателей, которые потратили неделю на тщательное изучение уголовного дела Джона Готти и на дискуссии между собой по поводу предстоящего вердикта.

12 марта 1987 года судебный исполнитель огласил их вердикт: «Подсудимый Джон Готти невиновен». Он был оправдан по всем пунктам предъявленных ему обвинений. И в тот же день нью-йоркские газеты назвали его *Teflon Don* («не пахнущий барон»).

Охота продолжается

Победа Джона Готти над нью-йоркской прокуратурой тут же вознесла его на небывалую высоту. Неуязвимый Готти оказался в числе знаменитостей уровня Аль Капоне. Престиж его в собственной мафии некоторые историки сравнили с влиянием ее патриарха Карло Гамбино. Но вместе с тем победа Джона Готти сыграла для него и отрицательную роль. Он превратился в главную мишень для тайных агентов полиции и ФБР.

После освобождения он демонстративно по нескольку раз в день проезжал на своем новеньком «мерседесе» мимо офиса нью-йоркской прокуратуры, в котором работала ненавистная прокурорша. Он сшил на заказ костюм, в котором мечтал встретиться лицом к лицу с Дианой Джиакалони, чтобы предстать во всей красе. (Его роскошный костюм впоследствии был продан с аукциона за 2 тысячи долларов.)

Но их встреча так и не состоялась. Джон Готти знал, что его буквально по пятам преследуют агенты полиции.

Джона Готти не покидали мысли о том, что он вновь будет привлечен к уголовной ответственности. Хотя бы за организацию убийства Пола Кастелано и Томми Билотти. Он знал, что после завершения судебного процесса на свободу был выпущен и его ненавистник, свидетель со стороны обвинения Сальваторе Полиси. Джону Готти казалось, что тот что-то знает об участниках покушения. И стал раздумывать, как ему раз и навсегда избавиться от этого человека.

Сальваторе Полиси, как потом выяснилось, действительно знал о том, что Джон Готти был организатором убийства Пола Кастелано и Томми Билотти. Но сразу после окончания уголовного процесса над Готти он исчез из поля зрения знавших его людей, став участником программы защиты свидетелей. Джон

Готти понимал, что напасть на его след можно только за взятку кому-то из сотрудников спецслужб.

Но Готти одолевали и другие заботы. В мае 1987 года были арестованы три члена мафии, которые много знали о Джоне Готти, включая и его главную роль в организации убийства Пола Кастелано и Томми Билотти. В числе арестованных были его брат Джин, близкий друг Анжело Руджиерро и Джон Карнеглия, с которым у Готти были давние связи. Поводом для ареста послужила запись разговоров Руджиерро с мафиози, касавшаяся торговли наркотиками, поставляемыми мексиканским наркокартелем. В разговорах шла речь не только об источниках поставок, но и о том, что в тех нелегальных операциях, втайне от членов мафии, принимал участие сам «босс боссов» Джон Готти.

Через три месяца после ареста этой троицы нью-йоркская прокуратура возбудила против них уголовное дело, сразу же переданное в суд. Каждый из них был обвинен в организации и осуществлении незаконной торговли наркотиками. Центральной фигурой обвинения стал Анжело Руджиерро, его показания должны были служить вещественными доказательствами виновности его самого и всех единомышленников. Судя по перехваченным разговорам, именно Руджиерро располагал всей необходимой информацией, имевшей прямое отношение к наркобизнесу.

Но за несколько дней до слушания в суде Анжело Руджиерро, у которого врачи ранее обнаружили рак, был срочно отправлен в госпиталь. Его здоровье с каждым днем ухудшалось. Врачи констатировали неспособность их пациента участвовать в уголовном процессе, и суд был отложен на неопределенное время. Состояние Анжело Руджиерро не улучшалось. И прокуроры стали понимать, что они могут остаться без показаний главного фигуранта.

В ожидании возможного улучшения состояния Анжело Руджиерро прошла еще пара месяцев, после чего прокуроры были вынуждены освободить Джина, брата Готти, и Джона Карнеглиа. Вскоре уголовный процесс был закрыт.

Джон Готти вздохнул с облегчением, но тем не менее ни разу не навестил своего давнего смертельно больного друга Анжело Руджиерро, знавшего про него так много.

В некоторых исторических изданиях высказывалось предположение о том, что Готти даже планировал покушение на Анжело Руджиерро, не дожидаясь его естественной смерти, но состояние здоровья близкого друга не внушало оптимизма. Анжело Руджиерро умер 5 декабря 1989 года в возрасте сорока девяти лет.

Джон Готти не пришел на его похороны, сказав своему второму «заму» Фрэнку Локазио, не понимавшему, почему босс не посетил умирающего Руджиерро: «Единственное, что я бы мог сделать, заглянув в его глаза до смерти, – помочь ему поскорее отправиться на кладбище».

Тем не менее охота на Готти и членов его мафии постепенно набирала обороты. Очередной арест произошел 27 октября 1987 года – в день рождения Джона Готти, которому исполнилось сорок семь лет. Оба арестанта были намного старше «босса боссов»: Джозефу Армоне исполнилось семьдесят два года, Джо Галло – семьдесят четыре. Дело против них вскоре было передано в суд. Нью-йоркская прокуратура обвинила их в рэкете.

Во время разбирательства Джозефу Армоне было сделано заманчивое предложение: рассказать правду о преступной деятельности мафии времен Пола Кастелано и Джона Готти – первое условие; подробно о рэкете – второе условие; и подтверждение участия Джо Галло в других сферах их совместной преступной деятельности – третье условие. В этом случае он освобождался от судебного преследования и тюремного заключения. Но Джозеф Армоне, верный присяге «Омерта», держал язык за зубами и отказался от сделанного ему предложения.

Джозеф Армоне и Джо Галло были признаны виновными в предъявленных обвинениях, каждого из них приговорили к десяти годам тюремного заключения. «Скорее всего, там и закончится их жизнь», – прокомментировал судебный приговор глава Клана Гамбино, сам со дня на день ожидавший ареста.

Но, несмотря на столь мрачные мысли, Джон Готти продолжал активно развивать преступную сеть своей мафии. Рэкет занимал главенствующую позицию в перечне наиболее доходных источников мафиози. Содержание тайных карточных клубов с проститутками было второй статьей. Затем шли банковские аферы и автоугоны с последующей продажей машин в страны Африки и Азии. Наркобизнес при этом никогда не пропадал из поля зрения Джона Готти. Формально он сохранял в своей мафии закон времен Пола Кастелано, запрещавший торговлю наркотиками, но тайно расширял сеть этого бизнеса, самого, по его мнению, доходного.

Его мафия процветала больше, нежели во времена ее основателя, легендарного Карло Гамбино. Об этом говорится в книге «Первый зам» (*Underboss*), изданной в Нью-Йорке в 2002 году. Автор ее, Питер Мааз, утверждает, что в последний год жизни Пола Кастелано его мафия имела годовой доход 500 миллионов долларов. В таком виде она перешла к Джону Готти.

Ко времени ужесточения охоты за «боссом боссов» и членов его мафии преступный концерн Джона Готти имел годовой доход 700 миллионов долларов. Сам главарь, как утверждается в книге «Первый зам», имел годовой доход в пределах 10–12 миллионов долларов.

По всей вероятности, эти данные находились в распоряжении нью-йоркского отделения ФБР, доподлинно изучившего последние годы жизни Джона Готти. В те дни ФБР совместно со следователями Манхэттенского округа нью-йоркской прокуратуры заканчивало расследование покушения на жизнь главы крупнейшего в Нью-Йорке профсоюза строительных рабочих Джона О'Коннера.

Обе следственные организации на протяжении нескольких месяцев собирали доказательства покушения, вызвавшего негодование сотен тысяч строительных рабочих. Организатором этого преступления, как считали следователи, был Джон Готти. Они полагали, что он безуспешно пытался обложить богатейший профсоюз «данью», что и стало мотивом убийства.

В конце 1988 года уголовное дело против Джона Готти было готово для передачи в федеральный суд Манхэттена. Неожиданно дело застопорилось. Кроме Джона Готти в числе обвиняемых числился Анжело Руджиерро, на тот момент смертельно больной, который не мог присутствовать в суде, и его исключили из списка обвиняемых.

В соответствии с данными перехваченных разговоров между Джоном Готти и Анжело Руджиерро картина убийства профсоюзного лидера была именно такой, как отражена в обвинительном акте. К его убийству были привлечены четверо киллеров из мафии Джимми Конана, мало кому известной в Нью-Йорке. Его банда никогда ранее не имела контактов с «итальяно-американскими мафиями», но Готти был наслышан о профессионализме этих убийц. В обвинительном акте утверждалось, что именно эта банда 7 мая 1986 года убила профсоюзного босса.

Через несколько дней после возбуждения дела об убийстве Джона О'Коннора Джон Готти был арестован. О его аресте сразу же стало известно репортерам нью-йоркских газет. Им удалось взять у мафиози интервью. «Против меня десятки прокуроров. Пятьдесят против одного. Но все равно победителем буду я», – сказал им Джон Готти.

На следующий день глава Клана Карло Гамбино был отпущен под залог в 100 тысяч долларов. Один из тюремных охранников ему намекнул, что он сможет находиться на свободе около года. «Ваше дело еще не готово к слушанию», – сказал он. Прокуроры

Манхэттенского округа почему-то не спешили. В нью-йоркских газетах утверждалось, что они решили прежде всего получить надежных свидетелей.

В феврале 1989 года был арестован Питер Готти, старший брат Джона. Его обвинили в аферах при заказах строительных материалов, что стоило строительным организациям нью-йоркского района Куинс миллионы долларов, и приговорили к пяти годам тюремного заключения. Через пару месяцев по обвинению в организации незаконной торговли героином был арестован Джин, другой брат Джона Готти, и его партнер Джон Карнеглия. Процесс длился всего неделю, каждого приговорили к пятидесяти годам тюрьмы. На этот раз Джон Готти не сделал никаких комментариев. Он понял, что навсегда потерял своего брата.

Агенты ФБР пристально следили за каждым шагом Готти. Однажды они подслушали очень интересную информацию. Готти в разговоре с человеком, имя которого было неизвестно, сказал, что устал от преследований федеральных агентов, ему кажется, что они прослушивают его телефон, и отныне связь со своими соратниками по мафии будет осуществляться из другого места. И Готти назвал секретный адрес: дом, в котором на первом этаже находился клуб «Раввинат», где он основал свой штаб, уверенный, что здесь агентура ФБР его не достанет. Но ошибся. Как только его разговор стал известен, агенты ФБР оснастили подслушивающими устройствами и его новый штаб. Так Готти опять оказался в сети агентов. Но на этот раз их больше интересовали сведения, касавшиеся участия Джона Готти в убийстве Пола Кастелано и Томми Билотти.

Тут им на помощь подоспел закончившийся в первых числах ноября 1989 года уголовный процесс над восемнадцатью мафиози «итальяно-американских мафий», орудовавшими в Филадельфии. Главными фигурантами процесса выступали глава этой мафии Никки Скарфо и его правая рука Филипп Леонетти. Каждый из них был приговорен к сорока пяти годам тюремного заключения без права досрочного освобождения. Но Филипп Леонетти, в отличие от босса, решил бороться за сокращение срока. Он обратился к власти с предложением представить доказательства участия Джона Готти в убийстве Пола Кастелано и Томми Билотти.

Прокуроры тут же перевели его из филадельфийской тюрьмы. Они допрашивали Филиппа Леонетти по три – пять часов в день в течение месяца. И выяснили от него много чего ранее неизвестного не только им, но и агентам ФБР.

Клан Гамбино еще во времена правления Пола Кастелано

установил близкие контакты с филадельфийской мафией Никки Скарфо. Филипп Леонетти поклялся прокурорам, что не раз лично встречался с покойным Полом Кастелано, а после его убийства – с новым главой мафии Джоном Готти.

Вскоре после убийства Пола Кастелано и Томми Билотти капитан мафии Джона Готти Сальваторе Гравано по прозвищу Сэмми Бык прибыл в Атлантик-Сити, договориться о секретной встрече с новым главой Клана Гамбино Джоном Готти.

Эта встреча Джона Готти с Никки Скарфо состоялась в феврале 1986 года, на ней присутствовал и сам Леонетти. Он показал, что они с боссом Никки Скарфо прилетели из Филадельфии в Нью-Йорк, а Сальваторе Гравано привез их из аэропорта на Стейтен-Айленд на встречу с Джоном Готти, Фрэнком Де Сикко и Анжело Руджиерро. К этому времени Де Сикко и Руджиерро уже не было в живых, но зато в добром здравии пребывал хозяин дома, в котором произошла секретная встреча. Он слово в слово подтвердил агентам ФБР эту часть рассказа Филиппа Леонетти.

В книге Джона Дэвиса «Династия мафии» были опубликованы отрывки разговора двух мафиози, подтверждавшие убийство Пола Кастелано Джоном Готти.

...

«ГОТТИ. У меня есть подтверждение нашей Комиссии… Ты знаешь, что Комиссия – это высший орган наших организаций… Комиссия дала мне о'кей, подтвердила мое право убить Пола Кастелано и его зама… Понимаешь? Никки… Могу я называть тебя просто Ник?

СКАРФО. Конечно!

ГОТТИ. Ник! Я хочу уведомить тебя в том, что я все сделал правильно. Все правильно…

СКАРФО. Джон! Я уверен в том, что ты убил его…»

Во время допросов Филипп Леонетти утверждал, что он и его босс Никки Скарфо после встречи с Джоном Готти пытались получить подтверждение членов Комиссии о том, что они одобрили убийство Пола Кастелано.

«Да, мы настойчиво пробовали, и не один раз, получить доказательства того, что говорил нам Джон Готти. Это не такая простая задача. Все, что творится, так сказать, под столом Комиссии, содержится в тайне. Но нам все же удалось побеседовать с двумя членами известных в Нью-Йорке мафий – Дженовезе и Бонанно. Они подтвердили все то, что в моем присутствии говорил Джон Готти. Они сказали, что Комиссия выдала ему свое добро. Но, повторяю, все, что творится под столом Комиссии, содержится в тайне даже от самого Бога. Именно поэтому нам не удалось по этому поводу переговорить с самими боссами этих мафий. Но я убежден в том, что члены этих мафий знали не меньше чем их боссы. Уверен, они говорили правду о том, что Джон Готти получил согласие на убийство Пола Кастелано от членов Комиссии. Джон Готти настоящий гангстер».

На вопрос прокуроров, что Филипп Леонетти имел в виду, называя Джона Готти «гангстером», он ответил:

«Что значит быть гангстером? Удивлен, что вы не знаете этого. Думаю, даже школьники могут ответить на такой простой вопрос. Хорошо. Отвечу. Пол Кастелано, например, был бизнесменом. Он обожал деньги. Добыча денег для Пола Кастелано была главной целью. И он делал все, чтобы иметь в своем кармане как можно больше долларов. Доллары. Доллары. Ох эти доллары! Джон Готти тоже любит деньги. Наверняка не меньше, чем их любил Пол Кастелано. Но Джон Готти не бизнесмен. Он добывает деньги другим путем, не тем, которым пользуются бизнесмены. У Джона Готти свой путь. Он гангстер. Он убивает людей… Понятно? Если вы мешаете ему добывать деньги, встаете на его пути… у вас проблемы с этим человеком… Он не будет с вами долго разговаривать. Понимаете? Надо вас убрать с пути, чтобы вы не мешались… закрыли рот на веки вечные. Вы ему не нужны. Понятно? Теперь, надеюсь, вы понимаете, что такое гангстер».

Допросы Филиппа Леонетти, снабдившие прокуроров и агентов ФБР очень важной информацией, длились целый месяц и завершились в канун 1990 года. Вскоре должен был начаться очередной судебный процесс по делу Джона Готти, связанный с покушением на жизнь профсоюзного деятеля Джона О'Коннера. Прокуроры Манхэттенского округа надеялись выиграть это дело и посадить Готти за решетку минимум на двадцать пять лет.

Глава округа Роберт Моргантау не сомневался в победе. Он назначил председателем комиссии своего первого заместителя, прокурора Михаила Черкасского, и включил в нее еще двух своих заместителей: шефа следственного подразделения манхэттенской прокуратуры Барбару Дитата и прокурора Джефри Шленгера.

Этой команде предстояло серьезное сражение с победителем предыдущего уголовного процесса Джона Готти адвокатом Брюсом Катлером и двумя его помощниками, Энтони Гуерриерой и Джеральдом Шаргелом.

Слушание дела Джона Готти, обвиняемого в организации покушения на Джона О'Коннера, началось 8 января 1990 года. Джон Готти с улыбкой, сохраняя видимое равнодушие, предстал перед судьей Стивом Мак-Лаухлином, участниками процесса и залом, битком набитым зрителями и репортерами.

Он подошел к своему месту на скамье подсудимых, снял роскошную шубу и повесил ее на вешалку рядом. Потом повернулся лицом к залу, демонстрируя присутствующим свой новый модный костюм, приветственно помахал рукой и послал воздушные поцелуи.

После необходимой организационной процедуры слово было предоставлено стороне обвинения, в частности заместителю генерального прокурора Манхэттенского округа Михаилу Черкасскому.

«Рано утром 7 мая четыре гангстера, нанятые подсудимым Джоном Готти из посторонней мафии, встретив свою жертву, Джона О'Коннера, выстрелили ему в спину четыре раза. Теперь нет на свете Джона О'Коннера. Кто его убил?»

После этих слов прокурор подошел к подсудимому и, показывая на него пальцем, прокричал на весь зал:

«Он! Он убил этого человека. Джон Готти – глава самой властной в Нью-Йорке мафии».

После выступления главы обвинения судья Стив Мак-Лаухлин предоставил слово стороне защиты – адвокату Брюсу Катлеру. Тот подверг своего противника Михаила Черкасского словесной атаке. Его голос звенел по всему залу.

«Сторона обвинения утверждает, что все жители Нью-Йорка недовольны поведением моего подзащитного Джона Готти. Это же чушь! Мой визави по этому уголовному процессу утверждает, что жители Нью-Йорка обвиняют моего подзащитного и верят в преступность его намерений. Но кто же эти жители? Генеральный прокурор Манхэттенского округа Роберт Моргантау, сфабриковавший обвинения против моего подзащитного? Или команда его солдат, присутствующая сейчас в судебном зале? Кто эти граждане Нью-Йорка, которые обвиняют Джона Готти в убийстве несчастного профсоюзного деятеля Джона О'Коннера? Я не вижу их. Я не знаю никого, кроме шефа нью-йоркской прокуратуры Рудольфа Джулиани. Он отправил на скамью подсудимых моего подзащитного Джона Готти. Кто еще из жителей Нью-Йорка обвиняет человека, который сидит сейчас на

скамье подсудимых в ожидании отправки в тюрьму? Тройка свидетелей «Коза Ностра»? Они солдаты прокурора Роберта Моргантау и заинтересованы в гибели моего подзащитного. Этим людям нельзя верить».

Уголовный процесс по делу главы Клана Гамбино Джона Готти длился уже почти месяц, и каждый день судебный зал был набит битком. Нью-йоркские газеты подробно освещали это событие. Наступил уже февраль, а конца не было видно.

В «Маленькой Италии» начались демонстрации в защиту Даппер Дона. Со стороны прокуратуры были проведены весьма странные акции. Прокурор Михаил Черкасский согласился дать интервью репортерам нью-йоркской газеты «Ньюс дей» (*News day*). Он сказал, что прокуратура представила все необходимые доказательства, подтверждающие виновность главы Клана Гамбино, несмотря на то что весь уголовный процесс проходил, как он заявил, «в непрерывных эмоциях и симпатиях к подсудимому». «Мы имеем достаточно оснований верить в то, что выйдем победителями. Мы сохраняли свои эмоции, стараясь отстранять их от существа дела».

8 февраля 1990 года члены жюри присяжных приступили к обсуждению результатов закончившегося уголовного процесса. Среди них поначалу не было единогласия.

Но постепенно большинство из них пришло к выводу о том, что прокуроры не смогли убедительно доказать виновность подсудимого Джона Готти. На следующий день в десять часов утра 9 февраля 1990 года председатель жюри присяжных заседателей огласил приговор: «Невиновен по всем пунктам предъявленного обвинения».

Джон Готти вышел на свободу, оказавшись в объятиях своей жены Виктории, но понимал, что это ненадолго. Всего лишь чуть более десяти месяцев – и новый уголовный процесс, по своей сложности и опасности во много раз превышающий ранее счастливо закончившиеся. Начало слушаний было назначено на 23 декабря 1990 года.

ГЛАВА 9

Закат солнца

Через четыре дня после счастливого окончания предыдущего процесса Джон Готти с женой Викторией уехал на отдых во Флориду. Они отправились в далекий путь на «мерседесе», потому что Даппер Дон страдал аэрофобией. Виктория что-то предчувствовала, боясь навсегда потерять мужа. Она любила его, невзирая на все проблемы их жизни.

Перед отъездом во Флориду Джон Готти временно передал право владения мафией своему новому первому заму Фрэнку Локасио, профессионалу в области банковских афер, состоявшему в рядах Клана Гамбино более тридцати пяти лет. Фрэнк Локасио также слыл знатоком афер в карточных играх. И поэтому не случайно еще до предоставления ему временного права командования мафией Джон Готти назначил этого семидесятилетнего мафиози менеджером двух нелегальных казино, открытых мафией в Манхэттене и на Стейтен-Айленде.

Джон Готти велел во время своего отсутствия регулярно поддерживать с ним связь с помощью одного телефона, установленного в квартире на верхнем этаже здания клуба «Раввинат». «Все другие телефоны прослушиваются ФБР. Будьте предельно осторожны. За нами следят. Ясно?» Он не знал, что агенты ФБР давным-давно прослушивают и этот телефон.

Но перед отъездом Готти пришли известия, испортившие ему настроение не на один день. Неожиданно поступила информация из Палермо, где уже несколько недель находился его посланец, налаживавший контакт в сфере наркобизнеса. Он узнал, что его человек арестован в Палермо, и на допросах все рассказал о своей миссии в Италию, выдав итальянской полиции имя Джона Готти.

Затем Готти узнал о крахе идеи поставок из Мексики в Нью-Йорк героина, кокаина и марихуаны. Его посланник Сальваторе Рили был арестован агентами ФБР в тот момент, когда намеревался по подложным документам проскочить пограничный пункт при въезде на территорию Мексики. ФБР конфисковало у него 4 миллиона долларов, спрятанных в днище машины.

Даппер Дон был настолько подавлен, что отказался сесть за руль своего шикарного «мерседеса». Виктория предлагала ему отложить поездку, но Джон настаивал, и супруга сама села за руль машины. Они пробыли во Флориде почти полтора месяца. Вернувшись домой, Готти опять столкнулся с реальной опасностью.

В то время в Нью-Йорке закончился уголовный процесс над

Сальваторе Рили. По решению судьи он был освобожден под залог и клятву, данную под присягой, больше никогда не заниматься наркобизнесом. Вскоре Рили был опять арестован за нарушение клятвы. На этот раз его осудили на десять лет тюрьмы. Вся эта история опять вывела из равновесия Джона Готти. Его беспокоила судьба Сальваторе Рили: тот слишком много знал о деятельности главы Клана Гамбино, и Готти опасался его предательства.

Но были и радостные события в жизни «босса боссов». Его старший сын Джон, которому было двадцать шесть, решил жениться. Его избраннице Кимберли Албанизи, дочери выходца из Италии, который владел в Нью-Йорке компанией по укладке ковровых покрытий в строящихся жилых домах, исполнилось двадцать два года. День свадьбы был назначен на 22 апреля 1990 года.

Джон-младший, как его величали, ко дню своей свадьбы владел фирмой грузовых машин, принадлежавшей мафии его отца. Как и Даппер Дон, он не любил произносить длинные речи в случаях конфликтов со своими подчиненными, но пока не прибегал к пистолетам. Правда, у него были крепкие кулаки, которые он, не раздумывая, пускал в дело, за что был дважды арестован и дважды судим, избежав реального срока, замененного выплатой колоссальных штрафов. По примеру своего отца Джон-младший любил одеваться по последней моде.

По настоянию отца его сын окончил нью-йоркскую военную академию – привилегированное частное высшее учебное заведение, мало чем отличавшееся от обычного колледжа. После учебы Джон-младший был принят на работу в фирму грузовых машин, где получил хорошую практику бизнесмена, начав простым клерком и заняв впоследствии должность президента. Когда ему исполнилось двадцать пять лет, отец сделал сына владельцем фирмы. Затем Готти-старший передал под его подчинение отряд рэкетиров, одновременно занимавшихся нелегальной торговлей наркотиками.

В книге Джона Дэвиса «Династия мафии» приводится диалог между Джоном-старшим и его сыном во времена его учебы в академии. Он свидетельствует о том, как велико было влияние отца на сына, который только начинал свою жизнь в преступном мире.

...

«ДЖОН ГОТТИ. Ты чей сын? Мой?
ДЖОН-МЛАДШИЙ. Твой.

ДЖОН ГОТТИ. Тогда слушай.

ДЖОН-МЛАДШИЙ. Слушаю.

ДЖОН ГОТТИ. Ты назвал Майклу имена тех людей?

ДЖОН-МЛАДШИЙ. Да.

ДЖОН ГОТТИ. Я тебе… твою мать… говорил, чтобы ты по телефону никогда не называл ему имена. Или я его, сучье рыло, сошлю в сумасшедший дом. Понял?

ДЖОН-МЛАДШИЙ. Понял.

ДЖОН ГОТТИ. Теперь прежде, чем что-то делать, говори мне.

ДЖОН-МЛАДШИЙ. О'кей».

Джону Готти казалось, что теперь все пойдет хорошо, настроение его улучшилось, он даже стал забывать об уголовном процессе. Но за четыре дня до свадьбы сына он узнал, что прокуратура Манхэттенского округа передала всю документацию предстоящего 23 декабря 1990 года уголовного процесса членам Большого жюри присяжных заседателей для предварительного ознакомления. Большое жюри созывается в редчайших случаях. Членам Большого жюри присяжных заседателей разрешается вызывать на допросы свидетелей предстоящего суда.

Именно так и случилось с делом Джона Готти. Членам Большого жюри предстояла нелегкая задача – оценить все доказательства против Джона Готти, дабы вынести обоснованное решение. Глава Клана Гамбино обвинялся в десяти случаях рэкета, убийствах шести человек, в том числе Пола Кастелано и Томми Билотти, организации нелегальных казино, взяточничестве и неуплате федеральных налогов на протяжении последних трех лет.

В процессе изучения этого сложного уголовного дела у членов Большого жюри возникло желание познакомиться с одним из главных персонажей этой криминальной истории, который, как утверждалось в обвинительном заключении, знал подробности убийства бывшего владельца мафии Пола Кастелано и его друга и помощника Томми Билотти. Его звали Джозеф Ла Форте по прозвищу Кот. Он был владельцем манхэттенского клуба «Раввинат», в котором Готти устроил офис. Глава Клана Гамбино был с ним в близких отношениях и даже разрешал присутствовать во время разговоров со своими подчиненными. Некоторые историки утверждают, что Джозеф Ла Форте наверняка принимал участие в некоторых преступных акциях «босса боссов».

Хозяину клуба были известны обстоятельства убийства Пола Кастелано и Томми Билотти, о чем он и сообщил, подтвердив версию, что организатором покушения на жизнь этих людей мог быть Джон Готти.

Но во время последнего допроса членами Большого жюри владелец клуба «Раввинат» отрекся от всех своих прежних показаний, сделанных под присягой. Он заявил даже, что понятия не имеет, где находится ресторан «Спаркс стейк». И он якобы никогда не говорил, что подозревает Джона Готти. Джозеф Ла Форте был арестован по обвинению в нарушении данной им под присягой клятвы и отправлен в тюрьму.

Это событие очень взволновало Джона Готти. Он чувствовал, что Джозеф Ла Форте ради спасения жизни может его предать. Виктория делала все возможное, чтобы успокоить мужа и отвлечь его от дурных мыслей. Она советовала ему больше уделять внимания предстоящей свадьбе их сына.

Джон Готти не жалел денег на свадебные расходы. В одной из самых дорогих гостиниц Манхэттена «Хэлмсли-Палас» он арендовал для свадьбы помещение с огромным танцевальным залом, стоившее ему десятки тысяч долларов. 22 апреля в семь часов вечера огромный зал был уставлен столами, украшенными разноцветными скатертями, за ними собралось триста сорок гостей. Раздался звон колокола, возвестивший начало свадебной процедуры. В зале появились молодожены в сопровождении своих родителей и их близких друзей. Оркестр заиграл вальс, и Джон-младший с теперь уже его второй половиной Кимберли под гром оваций исполнили свой первый супружеский танец.

У входа в гостиницу «Хэлмсли-Палас» стояла вооруженная охрана из сотни солдат мафии Джона Готти, не пропускавшая внутрь здания репортеров газет и телевидения. На следующее утро местная пресса с сожалением сообщила, что не располагает подробной информацией о свадьбе, на которой присутствовало небывалое количество гостей.

Джон Готти и Виктория были счастливы за сына. Прошедшая свадьба вселила в них новые силы и веру в то, что Джон и на этот раз избежит тюремного наказания. Некоторые историки, изучавшие жизнь Даппер Дона, утверждают, что его не раз уговаривала супруга, пока не поздно, порвать связи с Кланом Гамбино.

Но Джон Готти и думать об этом не мог. Однажды он, задолго до предстоящего в декабре 1990 года нового уголовного процесса, в разговоре по телефону, перехваченном агентами ФБР, сказал: «Не беспокойтесь обо мне. Не беспокойтесь, если я пойду в тюрьму. Я уже был там. Я всегда был номер один! И я есть номер

один. Понятно? Не беспокойтесь обо мне. Я люблю тюрьму больше, чем свободную улицу».

12 декабря 1990 года, когда Джон Готти вошел к себе в офис в клубе «Раввинат», его арестовали агенты ФБР. При обыске в карманах его меховой шубы и пиджака они обнаружили толстую пачку стодолларовых купюр – 6 тысяч долларов, которые Джон собирался положить в ящик, спрятанный в подполе клуба «Раввинат», где, по сведениям ФБР, хранилось около 100 тысяч наличными.

На следующий день после ареста Джона Готти генеральный прокурор восточного округа нью-йоркской прокуратуры Эндрю Малони принял участие в пресс-конференции представителей СМИ. Он заявил: «Мы представили в суд уголовное дело главы мафии Нью-Йорка Джона Готти, как никогда ранее снабженное множеством вещественных доказательств виновности арестованного мафиози по всем пунктам обвинения».

22 декабря в федеральном суде района Бруклин состоялось слушание дела, на котором решался вопрос об освобождении арестанта под денежный залог, на которое не допускались репортеры, публика и даже близкие родственники. Когда слушание завершилось, всем желающим было разрешено занять места в судебном зале. Однако неизвестно почему среди присутствующих не оказалось Виктории.

Судья Лео Глассер сказал: «Мы закончили совещание, обсудив все возможные варианты удовлетворения просьбы арестованного мафиози Джона Готти. И пришли к выводу, что в целях сохранения безопасности находящихся на свободе других членов мафии и кого-либо еще, арестованному Джону Готти отказано в освобождении под денежный залог до окончания уголовного процесса». Казалось, Джон Готти должен был расстроиться, но он вдруг рассмеялся, глядя прямо в лицо судьи Лео Глассера, потом вскочил и бросился к своему брату Питеру, сидевшему в первом ряду, обнял его, поцеловал и поздравил с наступающим Рождеством.

Через минуту раздался громкий голос Брюса Катлера, адвоката подсудимого: «Мы будем бороться за то, чтобы мой подзащитный был освобожден под залог. Мы раньше успешно боролись. И мы будем бороться сейчас».

В тот же день на улицах Бруклина прошли демонстрации в поддержку главы Клана Гамбино. Джон-младший призывал выступить в защиту отца, который, по его словам, был ложно обвинен. Его поведение возвело молодого Готти-младшего на трон «босса боссов» на время, пока отец находится в тюрьме. По мнению историков, это все отцом и сыном было продумано

заранее.

А в те же дни агенты ФБР заподозрили некоторых членов мафии Джона Готти в намерении совершить покушение на его жизнь. В Клане Гамбино были люди, ненавидевшие Джона Готти за убийство Пола Кастелано. Нет прямых данных, подтверждающих подозрения агентов ФБР. Но тем не менее руководство отделения ФБР считало, что нахождение босса мафии в тюрьме обеспечит его безопасность.

Судебный процесс продвигался очень медленно. Нью-йоркские СМИ в буквальном смысле слова бушевали, требуя обнародования записанных на пленку разговоров членов мафии. Но администрация федерального суда не реагировала на эти требования.

Однако кое-какие секреты все же просочились в прессу. Газеты сообщили, что однажды Джон Готти лично разговаривал по телефону с одним из офицеров бруклинской полиции, пообещав тому 10 тысяч долларов «за пустяковое одолжение»: сообщить места, где находятся подслушивающие устройства. Также сообщалось о разговорах между собой адвокатов Брюса Катлера и Джеральда Шаргела и их бесед с подсудимым. Выяснилось, что оба адвоката служили в мафии Джона Готти в качестве «консультантов». После публикации столь компрометирующей информации судья Лео Глассер признал участие в процессе Брюса Катлера и Джеральда Шаргела противоречащим законодательству и отстранил их.

Слушания были прерваны на неделю, до тех пор, пока Джон Готти не подыскал себе других адвокатов. Он нанял Альберта Кригера, о котором слышал хорошие отзывы еще во времена Пола Кастелано.

26 февраля 1991 года был убит персональный охранник Джона Готти, его доверенный и шофер Бартоломео Борриелло. После этого инцидента нью-йоркские газеты неделю дискутировали по поводу того, кто его убил.

Поговаривали, что Бартоломео Борриелло мог быть свидетелем покушения на Пола Кастелано и Томми Билотти. Но, вероятно, не хватало доказательств для возбуждения против него уголовного дела. Его никто не допрашивал. Распространились слухи о том, что Джон Готти, находясь в тюрьме, сумел спланировать убийство своего охранника, а убил Джон-младший.

На похороны рядового солдата Бартоломео Борриелло собралось необычное число членов мафии Даппер Дона – не менее трехсот человек. В траурной процессии растянулась длинная вереница лимузинов. В первом лимузине, следовавшем за катафалком, находилась его жена с Джоном-младшим.

Это все было не похоже на похороны заурядного мафиози. Затраты взял на себя Джон Готти и не скрывал своей щедрости. Об этом сообщил прессе его новый адвокат Альберт Кригер. И стали с новой силой распространяться слухи о том, что убийство рядового солдата Бартоломео Борриелло обошлось организатору преступления слишком дорого. Намеки на личность убийцы были весьма прозрачны.

Вскоре газеты, со ссылкой на следственные органы ФБР и городскую прокуратуру, сообщили читателям о том, что Джон Готти никакого отношения к этому убийству не имеет. Причиной кровавого конфликта стала месть людей, с которыми у охранника Готти были личные счеты. Новые сведения изменили настроение прессы и, разумеется, читателей. Некоторые рядовые жители города даже сочувствовали мафиози, который, как им казалось, ни за что был посажен в тюрьму.

Но в конце 1991 года на заключительной стадии уголовного процесса Джона Готти в нью-йоркские СМИ каким-то образом просочились сведения о том, что городская прокуратура обзавелась достаточными сведениями для признания Джона Готти виновным по всем пунктам обвинения, в том числе и в убийствах Пола Кастелано, Томми Билотти и еще четырех человек. Кроме того, в рэкете, торговле наркотиками и во многих других уголовных деяниях.

Пресса сообщила о том, что члены мафии Джона Готти за несколько месяцев до начала этого уголовного процесса обнаружили подслушивающие устройства в офисе босса в клубе «Раввинат». Они их уничтожили, и Джон Готти, вздохнув с облегчением, посчитал, что избавился от преследований властей. Но ошибся. Агенты ФБР вновь установили их там же и более тщательно замаскировали. Выдержки разговоров были опубликованы в нью-йоркских газетах. Вот краткая выдержка об убийстве некоего Луиса Боно.

...

«ГОТТИ. Ох! Луис Боно.

ЛОКАСИО. Ты ведь был связан с ним.

ГОТТИ. О да! Навеки! Я имел связи с этим парнем. Ну и что?

ЛОКАСИО. Ничего.

ГОТТИ. Ты знаешь, почему он помер?

ЛОКАСИО. Кое-что…

ГОТТИ. Ох, этот сукин сын! Потому что он не пришел ко мне, когда я его вызывал. Ясно? Он больше ничего плохого не сделал».

И еще одна короткая запись разговора Джона Готти с Сальваторе Гравано.

…

«ГОТТИ. Сэмми! Что бы ты сделал, если бы твой партнер не был с тобой согласен?

ГРАВАНО. То же, что и ты.

ГОТТИ. Значит, ты согласен?

ГРАВАНО. Конечно.

ГОТТИ. Мы должны таких людей убирать. Убивать или убирать – какая разница! Сэм! Я сказал ему гуд-бай».

В последние дни декабря 1991 года нью-йоркские газеты, с согласия судьи бруклинского федерального суда Лео Глассера, опубликовали еще несколько записей из офиса клуба «Раввинат» между Джоном Готти и его подчиненными Фрэнком Локасио и Сальваторе Гравано. В одном из них глава мафии вдруг обрушился на своего тогдашнего адвоката Брюса Катлера. Даже Сальваторе Гравано был этому удивлен.

…

«ГОТТИ. Я знаю его… мать его… всю мою жизнь… сукин сын…

ГРАВАНО. О ком… кто… мать его…

ГОТТИ. Брюс, этот… ну, мой адвокат… Он сволочь… любит деньги наличными. Плати… сразу…

ГРАВАНО. Все любят деньги…

ГОТТИ. Брюс требует на стол. Сразу же. Плати вперед. Понял?»

Суть беседы сводилась к тому, что Джон Готти хотел в случае его ареста, несмотря на то что он уже обещал в этой ситуации передать власть своему помощнику Фрэнку Локасио, из тюрьмы руководить своей мафией. Он просил Фрэнка заранее подготовить для этого почву и придумать закодированный текст разговоров из тюрьмы. А из разговора Джона Готти с Сальваторе Гравано стало известно, что еще до свадьбы своего старшего сына он присвоил ему звание капитана.

Это было первым намеком на то, что глава Клана Гамбино заранее думал, кому в экстренной ситуации нужно передать бразды правления мафией. Может быть, к такому решению его склонила Виктория. Но вероятнее всего, к тому времени Джон Готти перестал доверять многим из ближайших помощников.

Короткая запись из обвинительного заключения прокуратуры служила доказательством совершенных Джоном Готти уголовных деяний.

...

«ГРАВАНО. Не тебе же я должен рассказывать, кто отправил на тот свет твоего босса. Если я знаю, а я, как ты понимаешь, действительно все это знаю, то ты ведь наверняка… Я имею в виду…

ГОТТИ. Я понимаю, понимаю. Кто убил Пола? Какое имеет значение, кто убил Пола. Как ты думаешь? Я или кто-то другой? Кто бы ни убил Пола, убийца правильно поступил. Пол заслужил то, что получил. Он заслужил… Так?

ГРАВАНО. Так».

Незадолго до Нового года телевизионный канал, транслировавший свои передачи по всей стране, показал документальную повесть о жизни Даппер Дона в сериале «Розыск самых опасных американцев»

(*America's Most Wanted*), который не сходит с телевизионных экранов и по сей день.

В нем было открыто сказано, что, по мнению специалистов и независимых авторов документальной повести о жизни Джона Готти, именно тот организовал покушение на Пола Кастелано и

Томми Билотти. Как потом оказалось, Джон Готти молча посмотрел передачу о своей жизни от начала до конца.

Судья Лео Глассер принял решение приступить к заключительной стадии уголовного процесса 15 января 1992 года. К тому времени глава Клана Гамбино находился в тюрьме уже тринадцать месяцев.

Предательство

Джон Готти прочитал в газете статью, в которой сообщалось о том, что в финале уголовного процесса примет участие свидетель, который 16 декабря 1985 года, когда произошло убийство Пола Кастелано и Томми Билотти, видел Готти неподалеку от ресторана «Спаркс стейк». Он якобы даже слышал, как Готти скомандовал киллерам, через несколько минут расстрелявшим Кастелано и Билотти: «Делайте свое дело. Немедленно».

Во время допроса ему были показаны сто фотографий мужчин. И он опознал Джона Готти. Личность свидетеля неизвестна.

А через пару дней Сэмми Бык решил выступить на стороне обвинения, рассказать всю правду о главе Клана Гамбино и его роли в организации покушения на жизнь Пола Кастелано и Томми Билотти. В истории «итальяно-американских мафий» еще не было случая, чтобы мафиози столь высокого ранга когда-либо предавали своих боссов.

Нью-йоркские газеты немедленно отреагировали на измену Сальваторе Гравано. «Король крыс» – так была озаглавлена статья в газете «Нью-Йорк пост» (*New York Post*). Газета «Дейли ньюс» (*Daily News*) предоставила своим читателям длинный заголовок своей статьи: «Босс номер два будет петь предательскую песню». В ней говорилось: «Предательство Сальваторе Гравано есть не что иное, как беспрецедентное явление в истории мафий Нью-Йорка. Теперь известно, что в преступном мире есть люди, которые способны сделать то, что сделал бывшая правая рука «босса боссов» Гравано. Оказывается, есть такие мафиози. Гравано раскрыл нам и эту тайну. Спасибо ему. Теперь мы будем знать, что нам нужно делать в критических ситуациях».

Сальваторе Гравано прозвали Быком потому, что он действительно выглядел как бык. Высокий, атлетического сложения мужчина с толстой шеей. В юношеские годы Сальваторе Гравано был боксером-тяжеловесом, чемпионом среди своих сверстников. Кроме того, толкал штангу, делая неплохие успехи.

Сальваторе Гравано родился в 1945 году. Он был на пять лет моложе Джона Готти, с которым плечом к плечу был в мире организованной преступности почти четырнадцать лет. Они познакомились в 1977 году, а окончательно сблизились в годы

правления Пола Кастелано.

В преддверии последней стадии судебного процесса на обозрение членов жюри присяжных была представлена запись разговора Джона Готти с Сальваторе Гравано в офисе клуба «Раввинат», что состоялся незадолго до ареста Готти.

...

«ГОТТИ. Наконец у нас есть время для разговора. Надеюсь, и у тебя есть время. Скоро со мной что-то произойдет. Ты знаешь что… Сэмми, как ты сам себя чувствуешь? Все в порядке?

ГРАВАНО. Пока, ну что тебе сказать. Я лишь тебе желаю всего самого наилучшего. Все, что произошло, остается между нами. Ты это знаешь. Ну а как ты себя чувствуешь?

ГОТТИ. О'кей, о'кей. Ну а как ты хочешь? Ты хочешь оставаться замом или побыть боссом на то время? Ну, на то время, пока я буду в тюрьме. Как ты думаешь?

ГРАВАНО. Не беспокойся заранее. Все будет о'кей.

ГОТТИ. Когда я сяду в тюрьму? Сколько я там пробуду? Ты понимаешь… Пока неизвестно.… Но что тебе лучше? Я тебя спрашиваю еще раз: что тебе лучше? Что ты хочешь? Ты понимаешь, что я имею в виду? Ты хочешь быть первым или вторым? Я просил тебя раньше подумать об этом. Подумай теперь. Подумай и скажи мне завтра…

ГРАВАНО. Ох, Джонни, Джонни. Честно говоря, я не знаю, что случится со мной, тоже.

ГОТТИ. Да, обвинения за обвинениями. Рэкет, мать их… И убийства…

ГРАВАНО. Об этом, кроме нас, никто ничего не знает. И никто ничего не узнает. Все между нами. Мы оба молчим до конца нашей жизни.

ГОТТИ. Ты так думаешь?

ГРАВАНО. Да.

ГОТТИ. Тогда и с твоим делом должно быть все о'кей.

ГРАВАНО. Мое дело, ох, мое дело о рэкете – это большое дело, ты знаешь. О твоих делах я промолчу, даже там, на том свете…

ГОТТИ. Я это знаю. Ну, так как? Что поможет тебе чувствовать себя лучше? «Босс боссов» или зам? Подумай.

ГРАВАНО. Подумаю. А ты думаешь о своем деле? Можешь вообразить, чем все это кончится? Можешь посмотреть вперед?

ГОТТИ. Сэмми! Сэмми!

ГРАВАНО. Я подумаю. Все наши дела в тайне, между нами. Повторяю, только между нами. А я подумаю.

ГОТТИ. Завтра скажешь мне. Я должен знать заранее».

Сальваторе Гравано почувствовал радость от предложения Готти стать «боссом боссов», хотя ранее оно было сделано Фрэнку Локасио. Сэмми Бык принял это предложение, хотя такое возвышение раньше ему даже не снилось. И он размечтался о том дне, когда Джона Готти до конца жизни запрут в тюремную камеру, а он получит трон Клана Гамбино.

Но как только на его босса надели наручники, ему замерещилась та же самая судьба. Так и произошло: через несколько дней после ареста Готти Сальваторе был арестован и обвинен в аналогичных преступлениях. Гравано понял, что его могут приговорить к пожизненному заключению без права на досрочное освобождение.

С самого начала пребывания в тюрьме у него появилась мысль любыми путями добиться смягчения приговора, чтобы иметь хотя бы шанс умереть на свободе. Когда же во время одного

из допросов ему дали прослушать запись разговора в офисе клуба «Раввинат», доказывающего его участие в убийстве трех человек, Сэмми Бык созрел для предательства и согласился стать свидетелем обвинения.

Сэмми Бык считался одним из самых преуспевающих рэкетиров мафии. Он сумел завладеть четырьмя небольшими строительными компаниями, отнятыми у бывших владельцев за долги по рэкетирскому «налогу». Постепенно, год за годом, небольшие строительные компании разрослись в солидные фирмы, приносившие Гравано хороший доход. И теперь их конфисковали, как и миллионы на банковских счетах и наличные, спрятанные в подвале дома. Его жена Дэбра с двумя несовершеннолетними детьми осталась без цента в кармане.

Доказательства против Сальваторе Гравано были собраны быстро. Этому в немалой степени помогли записанные в офисе Готти разговоры. Каждый раз, когда Сэмми Бык получал задание кого-нибудь убить, он обращался за одобрением к «боссу боссов». И тот давал команду: «Действуй!» В одном разговоре Джон Готти даже выразил недовольство тем способом, которым Сэмми Бык иногда это делал.

...

«ГОТТИ. Что ты, мать твою, делаешь? Ты совсем одурел? Если кто-то из наших партнеров не согласен с нами, выступает против нас, убивай его! Убивай! Но как? Ты должен это знать назубок!»

Члены жюри присяжных, прослушав этот разговор, не поняли, что имел в виду Готти. Это разъяснил сам Сэмми Бык, сказав, что босс требовал соблюдения правил, предусмотренных кодексом «Омерта». «Таких людей надо убивать не в лоб, а в затылок», – пояснил Гравано.

Предательские показания начались с первого дня после возобновления процесса, 15 января 1992 года, и длились вплоть до 6 февраля. Сальваторе Гравано сообщил не только об убийствах, совершенных с участием главы Клана Гамбино, но подробно поведал членам жюри обо всех уголовных деяниях Джона Готти за все годы. Однако неизвестно, насколько члены жюри доверяли его показаниям. Это выяснилось после того, как федеральный суд Нью-Йорка огласил приговор самому

Сальваторе Гравано. Закончив слушание уголовного дела Сальваторе Гравано, члены жюри сказали: «Виновен». Однако, ввиду того, что подсудимый сотрудничал со следствием, прокурор попросил судью Лео Глассера заменить пожизненное заключение пятью годами тюрьмы. Судья согласился.

Но Сэмми Бык пробыл в тюрьме менее трех лет. В 1995 году в рамках программы защиты свидетелей он был вывезен из тюрьмы под другой фамилией в неизвестное место. Сэмми сделал пластическую операцию, но нет чтобы навсегда исчезнуть с поля зрения, – он не боялся появляться на экранах телевизоров и стал давать интервью газетам о тайной жизни «итальяно-американских мафий». Однажды даже заявил в телевизионном интервью: «Я никого не боюсь. Если кто-то подошлет наемных убийц в мой дом, то я их убью. Я независимый человек». Сальваторе Гравано в содружестве с одним из бывших мафиози, Питером Маазом, написал книгу воспоминаний под названием «Первый зам».

Казалось бы, новая жизнь вполне устраивала Сальваторе Гравано, но криминальная жилка продолжала напоминать о себе, и в 1998 году он вновь вернулся в преступный мир. Его двадцатитрехлетний сын Джеральд, прозванный Бэби Бык, посвятивший себя наркобизнесу, свел его с главарем банды, занимавшейся торговлей искусственными наркотиками типа «экстази». И Сальваторе Гравано стал партнером банды «Дьявольские собаки». По свидетельству архивных документов ФБР штата Аризона, Сальваторе превзошел все ожидания босса этой банды и своего сына, умудряясь за неделю продавать 25 тысяч таблеток наркотика, что приносило в его карман минимум пару тысяч долларов.

Однако всему есть предел. В 2002 году Сальваторе Гравано был арестован и обвинен в нелегальной торговле наркотическими средствами и приговорен к девятнадцати годам тюрьмы. Его отправили в тюрьму супермаксимальной безопасности в штате Колорадо, где он и находится по сей день.

Когда Гравано уже был в тюрьме, ему стало известно, что он был арестован в связи с доносом на него в ФБР членом банды «Дьявольские собаки». Вскоре после ареста Гравано был арестован и его сын Джеральд по аналогичному обвинению. Суд приговорил Джеральда к девяти годам заключения. И тогда же при рассмотрении его дела в суд были вызваны Дэбра, жена Сальваторе Гравано, и его дочь Кэрен. Им предъявили обвинение в оказании помощи главе семейства в продаже «экстази». Но жену и дочь мафиози судья помиловал, и они были тут же отпущены на свободу.

Во время нахождения в тюрьме у Сальваторе Гравано было

диагностировано заболевание щитовидной железы, провоцирующее усталость, потерю веса при резком возрастании аппетита и потерю волос. Он изменился даже больше, чем после пластической операции. Он настолько похудел, что отныне его никто не мог назвать Сэмми Быком, а голова выглядела как надутый резиновый шар. В книге Филиппа Карло «Признания босса мафии» (*Confessions of a Mafia Boss*), посвященной жизни уголовников в тюрьмах, упоминается о том, что бывший мафиози все время сидит в своей камере, а в столовой бросается на еду, словно умирающий от голода зверь. Автор утверждает, что заключенный Гравано никогда не вспоминал о своей семье, вероятно в связи с тяжелой болезнью, отрицательно сказавшейся и на его памяти.

Жизнь его дочери Кэрен сложилась так же неудачно, как и жизнь многих детей и некоторых жен, чьи отцы и мужья состояли в мафии. Они пребывали в постоянном страхе за будущее. Дети невольно втягивались в преступный мир, следуя по стопам своих отцов. Кэрен Гравано не исключение. Она оказалась в кругу торговцев нелегальным товаром, куда ее вовлек отец. Спасибо прокурорам, пожалевшим тогда еще совсем молодую женщину, избавив ее от тюремного заключения.

Проблемам жен и детей мафиози эпохи «итальяно-американских мафий» был посвящен телевизионный фильм «Жены мобстеров» (*MobWives*). Mobster, сокращенно Mob, переводится как «профессиональный преступник». Премьера фильма состоялась 17 апреля 2011 года. Одну из ведущих ролей сыграла Кэрен Гравано. Ей было тогда тридцать четыре года. В рецензиях на фильм отмечали хорошую игру Кэрен, сумевшую воссоздать на экране правдивую историю семейной трагедии.

В феврале 2012 года в США была опубликована книга Кэрен Гравано «Дочь мобстера», где она откровенно призналась, что она, как и жертвы ее отца, тоже была жертвой преступного мира. «Моя книга, – писала она в предисловии, – это правдивый рассказ о моей реакции на жизненный стиль отца. Вся моя семья была принесена в жертву преступному миру».

На краю пропасти

На следующий же день после оглашения приговора Сальваторе Гравано федеральный суд бруклинского района Нью-Йорка был готов взяться за обсуждение окончательной судьбы главы Клана Гамбино. Но неожиданно прошел слух о том, что кто-то из мафии узнал, что Джон Готти в отместку нанял убийц, чтобы разделаться с женой и детьми Сальваторе Гравано. Он просочился и в СМИ, которые незамедлительно растиражировали его, и многие приняли это за правду.

В день официального возобновления уголовного процесса Джона Готти в зале судебного заседания появился его прежний адвокат Брюс Катлер. Он тут же обратился к присутствующим в зале с коротким заявлением: «Нет другой семьи в нашем городе, которая бы находилась в большей безопасности, чем семья Гравано. Его жена и его дети любят Джона Готти и преданы ему». Заявление Брюса Катлера немедленно передали в СМИ, успокоив не только журналистов, но и участников судебного процесса. Ажиотаж угас.

31 марта 1992 года репортеры с нетерпением ожидали события, названного ими «днем мафии». Они в один голос выражали опасение повторного оправдания Джона Готти, заявляя, что в таком случае объявят протест и потребуют предания суду всех участников этого уголовного процесса. «Эпоха Карло Гамбино должна наконец завершиться, – писала газета «Дейли ньюс» (*Daily News*). – Последний мафиози Джон Готти должен стать ее загробным символом».

Прокурор Эндрю Малони выступил с обвинительным заключением. Он перечислил основные преступления, вменяемые подсудимому. Это организация убийства семи человек, включая Пола Кастелано и Томми Билотти, рэкет, содержание нелегальных игорных клубов, в которых, как заявил Эндрю Малони, процветала проституция. Прокурор ссылался на тайные записи разговоров подсудимого с соратниками по мафии и информацию, полученную от его доверенного лица Сальваторе Гравано. Он, правда, отметил, что тот ничем не лучше Джона Готти.

«Показания Сальваторе Гравано были для нас полной неожиданностью, – продолжал прокурор. – Сэмми Бык по собственной инициативе установил контакт с агентами ФБР. Он предоставил нам доказательства, касающиеся участия Джона Готти в убийстве Пола Кастелано, Томми Билотти и пяти других людей, жертв рэкета». В заключение Эндрю Малони еще раз подтвердил ранее высказанное мнение о личности самого предателя Джона Готти: «Признания Сальваторе Гравано в собственном участии в убийстве девятнадцати человек и его показания о преступлениях подсудимого Джона Готти вовсе не говорят о том, что он был лучше своего босса. Между ними нет никакой разницы. Они оба убийцы».

В тот день в судебном зале бруклинского суда был аншлаг. В левой части зала все места были заняты сторонниками и родственниками Джона Готти, числом не менее пятидесяти человек. Но, как утверждалось в ряде публикаций, среди них не было Виктории, жены подсудимого.

В правой части сидели представители нью-йоркских СМИ. Среди них были такие популярные личности, как Мэри Мурфи – ведущий корреспондент новостей телевизионного канала CBS, корреспондент NBC Джон Миллер, журналистка газеты «Дейли ньюс» Эйлин Корнел, прославившаяся своими публикациями о жизни мафии и участвовавшая в написании биографии Джона Готти.

Эндрю Малони заявил, что «запрет заниматься наркоторговлей послужил главной причиной убийства Пола Кастелано и Томми Билотти. А организатором этого убийства был подсудимый Джон Готти. Его преступление доказано и не вызывает никаких сомнений».

Прокурор сослался на ставший известным факт, который ускорил смерть Кастелано и Билотти. Оказывается, «боссу боссов» стало известно, что брат Джона Готти, Джино, с несколькими членами мафии под руководством самого Даппер Дона все же занимался нелегальной торговлей наркотиками. Предвидя его реакцию, Джон Готти и приказал своим единомышленникам: «Убрать Пола с глаз долой».

В заключение своей двухчасовой речи Эндрю Малони сказал, обращаясь к членам жюри присяжных заседателей: «Мы убеждены в совершении Джоном Готти всех преступлений, перечисленных в обвинительном акте. Теперь вам, а не мне и не судье Глассеру решать его дальнейшую судьбу».

Затем выступил адвокат подсудимого. Он призвал членов жюри присяжных заседателей не допустить ошибки при вынесении приговора. Альберт Кригер напомнил, что члены жюри присяжных на предыдущем слушании, ознакомленные с этими же тайными разговорами, вынесли Готти оправдательный приговор. Кригер назвал эти записи «дутыми доказательствами», которыми манипулировали прокуроры.

Таким же образом Кригер прокомментировал показания Сальваторе Гравано. Он обратился к присяжным заседателям: «Мой подзащитный Джон Готти никогда не занимался торговлей наркотиками. Никогда! Он не тот человек, который любит наркотики. Обвинения Джона Готти в наркобизнесе – это профанация. Этому нельзя верить. Это ничем не доказано! Это такая же выдумка, как и убийство Пола Кастелано, приписываемое моему подзащитному. Он не убивал Пола Кастелано. О! Нет, нет, нет! Нет никаких доказательств преступлениям, перечисленным в обвинительном акте. Все эти доказательства богохульство! Повторяю – богохульство. Верьте мне!»

На этом завершился первый день финальной стадии

уголовного процесса Джона Готти. 1 апреля 1992 года в 9 часов 35 минут утра слушания возобновились. Этот день был полностью посвящен ответам прокурора Эндрю Малони и адвоката Альберта Кригера на вопросы членов жюри присяжных заседателей. Во второй половине дня члены жюри попросили для прослушивания несколько записей разговоров Джона Готти со своими подчиненными, которые представляли большой интерес, в частности разговор Джона Готти с тогдашним замом Фрэнком Локасио и будущим предателем Сальваторе Гравано.

...

«ГОТТИ. Это мое пожелание. Если, если… я окажусь в тюрьме… Наша организация будет под командой… будет под властью Сэмми. Сэмми Гравано. Ясно? Я все равно остаюсь вашим боссом. Но, пока я в тюрьме, полномочия переходят к Сэмми».

Следующий разговор произошел между Готти и Сальваторе Гравано незадолго до убийства Пола Кастелано.

...

«ГОТТИ. Он [Кастелано] хочет меня пристрелить, прежде чем я отправлю его на тот свет. Но он этого не дождется. Но если он добьется своего, то вы останетесь без того, кто действительно может возглавлять нашу организацию. Мы не должны ждать…»

Из разговора с Фрэнком Локасио и Сальваторе Гравано:

...

«ГОТТИ. Мне стал известен один член жюри присяжных… Его зовут Хойли или что-то в этом духе…

Или Бойли. Может быть, скорее всего, Бойли. Он ирландец по происхождению. Живет в Нью-Йорке. Мне сообщили, он работает в Манхэттене… Но я с ним не хочу разговаривать. Даже не хочу встречаться с ним… Я не сумасшедший. Но выход на него дает мне надежду. Понимаете, что мне нужно? У вас тогда тоже появится много надежд. Ведь вас тоже вот-вот арестуют и подключат к моему делу. Ясно? Не надо долго рассуждать. Может быть, вы сможете выйти на него, найти кого-то, кто знает его… Понимаете, о чем я думаю? Все будет оплачено…»

2 апреля 1992 года члены жюри собрались в гостинице для вынесения вердикта: виновен или невиновен подсудимый Джон Готти в предъявленных ему обвинениях.

Около десяти часов вечера секретарь федерального бруклинского суда пригласил всех занять места в зале судебных заседаний. В 10 часов 13 минут вечера в зале суда появился Джон Готти. В отличие от уставшей публики, ждавшей в судебном зале, он выглядел бодро. Подойдя к столу, где сидел адвокат Альберт Кригер, он с улыбкой пожал ему руку и что-то тихо сказал на ухо.

Прокуроры заняли свои места. А затем появился судья Лео Глассер. Минутой позже – члены жюри присяжных заседателей. Старшина жюри присяжных заседателей вручил судье Лео Глассеру вердикт. Часы показывали 10 часов 19 минут вечера.

Лео Глассер зачитал: «Судья Глассер! Сообщаем вам, что мы единогласно достигли вердикта по обвинению подсудимого по всем предъявленным ему пунктам».

Джон Готти вопросительно взглянул на Альберта Кригера. И тот тихо произнес: «Это все. Все. Но не волнуйся. Не переживай. Все будет о'кей. Это еще не конец». В зале раздались голоса сторонников Джона Готти: «Изменить вердикт!» Но к Джону Готти подошли два шерифа, надели на него наручники и вывели из зала.

Через пару часов Джон Готти уже был в своей тюремной камере. На следующий день, беседуя с группой корреспондентов, Альберт Кригер сказал: «Мой подсудимый был очень расстроен результатами вердикта, признавшего его виновным по всем

пунктам. Он чуть было не потерял сознание, но быстро взял себя в руки».

В архивах сохранился отрывок разговора Джона Готти, перехваченного подслушивающим устройством в нью-йоркской тюрьме на следующий день после оглашения вердикта. Неизвестно, с кем он говорил. У того же Альберта Кригера возникло подозрение, что его подзащитный говорил сам с собой. Отрывок этого разговора был опубликован в книге Джона Дэвиса «Династия мафии», опубликованной в Нью-Йорке в 1993 году: «Вместе со мной пришла к концу «Коза Ностра». Она умерла, точнее, умрет вместе со мной. А я пока жив. Произойдет ли это сейчас, сию минуту, когда я сижу в тюрьме, или этой ночью, или через сто лет, пока я буду жить в тюрьме? Такова судьба «Коза Ностра». Так должно быть. Она умрет вместе со мной. Я сказал, так должно случиться. Так должно быть. Она умрет вместе со мной. Ох! «Коза Ностра!»

Прощай, Готти

В день оглашения вердикта в нью-йоркском отделении ФБР состоялась пресс-конференция, в которой приняли участие прокуроры, судьи, адвокаты и масса корреспондентов газет, радио и телевидения. Она транслировалась по всем телевизионным каналам страны. Пресс-конференцию открыл Джеймс Факс, глава нью-йоркского отделения ФБР. «Вердикт членов жюри присяжных заседателей ознаменовал конец длительного пути нелегкой борьбы с самой мощной и самой властной мафией, – заявил он. – Правосудие восторжествовало, вселив в нас уверенность в успешном продолжении борьбы с организованной преступностью».

На пресс-конференции было объявлено о том, что, помимо главы Клана Гамбино и его ближайших сподвижников, следственные органы Нью-Йорка арестовали и предали суду еще десяток главарей и профессиональных гангстеров этой мафии. Участники пресс-конференции выразили надежду на окончательный разгром в ближайшем будущем главных очагов организованной преступности, распространившихся по всей стране. И прежде всего последнего поколения Клана Гамбино.

На следующий день Брюс Моуф, шеф отряда ФБР, который месяцами вел наблюдение за главарями высшего ранга Клана Гамбино, высказал корреспондентам телевидения свое мнение о Джоне Готти: «Очень часто наша пресса возводила главу этой мафии на пьедестал, называя его Даппер Дон. Она, пресса, восхищалась его дорогими костюмами, а в особенности тем, который он однажды купил за две тысячи долларов. Его даже как-то назвали Робин Гудом. Чем он вызывал у представителей

прессы такое расположение к себе? Мы этого не могли понять, потому что до самого последнего дня пребывания на свободе он убивал людей. Кто он на самом деле? Он психопат-убийца».

Уильям Барр, генеральный прокурор США, выступая в тот же день по другому телевизионному каналу, сказал: «Признание Джона Готти членами жюри присяжных заседателей виновным по всем пунктам явилось своеобразным предупреждением всем главарям мафий. Пусть они знают: мы с пути не свернем».

В тот же день адвокат Альберт Кригер заявил корреспондентам газет и телевидения: «Члены жюри присяжных заседателей приняли ошибочное решение, ссылаясь на разговоры, записанные подслушивающими устройствами. Мы будем обжаловать этот вердикт».

В «Маленькой Италии» прошла бурная демонстрация сторонников осужденного главаря Клана Гамбино. Участники называли Джона Готти героем и требовали его освобождения. Вот что тогда заявила корреспондентам телевидения жительница итальянской общины Сина Секала: «Этот вердикт позволил всем жителям Нью-Йорка узнать, что мы любим Джона Готти. Он сохранял за нашей общиной доброе имя и безопасность…»

Ее страстный монолог был прерван криком одного из участников демонстрации, который услышали миллионы телезрителей: «Судья и прокурор пускай идут к черту! Пусть они лучше убьют этого негодяя Гравано. Клянусь! Я сам могу его убить!»

Тогда же фотокорреспонденты одной из нью-йоркских газет прибыли на авеню Хавард-Бич к дому Джона Готти. Как только они приготовились снимать, из машины вышел сын Джона Готти, Джон-младший, и грозно произнес: «Не смейте делать снимки этого дома. Ни одного снимка. Иначе я отрублю вам голову».

Вскоре после вынесения вердикта Джону Готти во многих нью-йоркских газетах, в телевизионных шоу и радиопередачах начались обсуждения возможных кандидатур нового главы мафии. Но Брюс Моуф, шеф отряда ФБР, высказал иное предположение: «Джон Готти не тот человек, который захочет так просто расстаться с привилегиями владельца наследия Карло Гамбино. Он будет руководить своей мафией до конца жизни». Брюс Моуф высказал тогда предположение о том, что Джон Готти, находясь в тюрьме, сможет передавать свои распоряжения через людей, которые будут его навещать. «Но вопрос в том, как долго его подчиненные захотят жить в таких условиях, – пояснил он свои мысли. – Как долго главари верхнего эшелона мафии пожелают с уважением относиться к его командам? Когда-то все же возникнет проблема выбора кандидатуры нового босса мафии.

Или подходящая кандидатура сама захватит власть в этой преступной организации».

Но, невзирая на мнение офицера ФБР, дискуссии о преемнике не утихали. И в мафии Джона Готти пошли разговоры о преемнике. Вероятной кандидатурой был семидесятилетний мафиози Джузеппе Аркури. Однако, как только разгорелись споры о соответствии его кандидатуры званию «босса боссов», произошло одно событие, прекратившее дебаты на эту тему.

Неожиданно от инфаркта умер ветеран мафии Джона Готти Кармине Ломбардози по прозвищу Король Уолл-стрит. Более двадцати лет он был финансовым боссом этой мафии и осуществлял нелегальные инвестиции во все сферы бизнеса, вклады в банки по подложным документам и выдачу займов наличными под высокие проценты, прозванные «долги акул» (*Loan Shark*). Кармине Ломбардози считался одним из самых богатых людей нью-йоркских мафий и знал все тонкости и секреты финансового мира, что сделало его незаменимым финансовым боссом в годы правления Карло Гамбино, Пола Кастелано и Джона Готти.

По сведениям бруклинской полиции, похороны Ломбардози привлекли внимание не менее трехсот человек. Это были не только члены мафии Джона Готти, но и представители почти всех криминальных картелей Нью-Йорка. Их автомобили до отказа заполонили автостоянки на территории, прилегавшей к похоронному дому «Похоронное бюро Кузимано и Руссо» в Бруклине.

Среди участников похорон находились не только представители прессы, но и агенты ФБР, и детективы полиции в штатском. Они прислушивались к разговорам почитателей покойного Короля Уолл-стрит и, пользуясь моментом, записывали номера их машин. Они стали свидетелями неожиданного события. Как только из первого лимузина, возглавлявшего похоронный кортеж, вышел сын Джона Готти, толпившиеся у входа в похоронный дом мафиози из мафии его отца встретили его овациями. Послышались возгласы: «Джонни, мы ждем тебя!» А некоторые подбегали к нему обниматься и целоваться.

На следующий день после похорон нью-йоркские газеты во всех подробностях оповестили читателей об этом событии. А возглас «Джонни, мы ждем тебя!» спровоцировал новую волну дискуссий по поводу того, кто возглавит Клан Гамбино в случае пожизненного заключения Джона Готти. Авторы последующих газетных публикаций в один голос отвечали: «В таком случае новым главой мафии станет его сын. И никто другой».

А пока шли дискуссии, высшее руководство ФБР приступило к реализации своего плана борьбы с организованной преступностью, аналогов которому не было ранее. Были охвачены почти все крупные города с востока на запад, от Нью-Йорка и Бостона до Лос-Анджелеса и Сан-Франциско. Во время рейдов специализированных отрядов ФБР были арестованы сотни главарей и рядовых членов мафий.

Полностью была разгромлена мафия Никки Скарфо в Филадельфии, которая контактировала с Кланом Гамбино.

Но главный удар пришелся по Нью-Йорку. Во время уголовного процесса Джона Готти там действовали четыре крупные мафии во главе с пятой, самой многочисленной и самой опасной – Кланом Гамбино. Возглавляли нью-йоркские мафии Джозеф Коломбо, Джозеф Бонанно, Томми Лучизи и Вито Дженовезе. В 90-х годах они лишились многих своих боссов и сотен рядовых уголовников. Тогдашний генеральный прокурор США Уильям Барр однажды заявил, что эти криминальные организации «на грани исчезновения». Какое-то время казалось, что он прав.

Все ждали, как решится судьба Даппер Дона и что будет с Кланом Гамбино. Главы остальных четырех криминальных организаций Нью-Йорка понимали, что от этого зависит и их будущее.

Приговор главе Клана Гамбино был вынесен 23 июня 1992 года. Сторонники Джона Готти еще загодя стали готовиться к этому дню. К ним примкнули посторонние люди, симпатизирующие мафиози. Утром 23 июня огромная демонстрация окружила здание бруклинского суда, где ожидалось оглашение приговора.

Когда в 9 часов утра дверь суда открылась, полиция преградила демонстрантам путь. Но корреспонденты газет, радио и телевидения, а за ними представители семейства Готти попали в зал. Свои места заняли прокуроры во главе с Эндрю Малони и адвокат подсудимого Брюс Катлер, заменивший прежнего адвоката Альберта Кригера. Потом появился судья Лео Глассер.

Лео Глассер спросил прокурора Эндрю Малони, адвоката Брюса Катлера и подсудимого Джона Готти, не желают ли они сделать какое-либо заявление или высказать просьбу. Джон Готти сжал губы и отрицательно покачал головой. Тогда его адвокат Брюс Катлер обратился к судье: «Ваша честь, никаких просьб и пожеланий у моего подзащитного нет».

Лео Глассер опять обратился к Джону Готти: «Закон и условия вашего уголовного процесса требуют от меня вынесения приговора о наказании вас тюремным заключением на все

оставшиеся у вас годы жизни». Он пояснил: «Ваш приговор означает пожизненное тюремное заключение без права на досрочное освобождение. Кроме того, вы должны заплатить штраф в сумме 250 тысяч долларов за судебные расходы».

Вся процедура заняла десять минут. Взбешенные демонстранты закричали на всю улицу: «Правосудие для Джона Готти! Освободить из заключения Джона Готти!» К ним тут же примкнул адвокат Брюс Катлер. Кто-то из демонстрантов без промедления передал ему микрофон, и он произнес на всю улицу: «Джон Готти – выдающийся человек. И как все выдающиеся люди, имеет врагов. Они пытаются принизить его и убрать со своего пути. Но мы выиграем апелляцию!»

Неожиданно к демонстрантам примкнули банды уличных гангстеров. Они попытались взломать двери бруклинского суда и проникнуть внутрь, угрожая убийством судье Лео Глассеру.

Полицейские, охранявшие здание, тут же оттеснили их от входа. Тогда гангстеры принялись крушить припаркованные вдоль улицы машины, некоторые вступили в драку с полицейскими. Как потом сообщили нью-йоркские газеты, восемь полицейских получили ранения от ударов палками. Почти сотня гангстеров вместе с присоединившимися к ним сторонниками Джона Готти из Клана Гамбино были арестованы. В их числе оказался племянник подсудимого, Джозеф Готти. «Шествие гангстеров из мафии Джона Готти не было спонтанным, – заявил корреспондентам нью-йоркских газет Джеймс Факс, глава нью-йоркского отделения ФБР. – Оно было тщательно спланировано людьми из близкого окружения Джона Готти».

На следующий день после оглашения приговора Джону Готти среди нью-йоркских адвокатов начались дискуссии о том, насколько успешным может быть апелляция. Большинство из них сомневалось в успехе Брюса Катлера, который прилагал все силы, чтобы, как он выразился, «предотвратить похороны живого подзащитного».

Но некоторые коллеги Брюса Катлера считали, что адвокат имеет шансы на победу. Они ссылались на несколько, по их мнению, убедительных факторов. Например, содержание Джона Готти в тюремной камере в течение тринадцати месяцев до начала его уголовного процесса и неоправданная дисквалификация Брюса Катлера. И исключение судьей Лео Глассером одного из членов жюри присяжных заседателей, как им казалось необоснованное.

Однако апелляционный суд штата Нью-Йорк отклонил прошение Брюса Катлера об отмене приговора его подзащитному. Адвокат немедленно выслал повторную апелляцию в Верховный

суд США. Она также была отклонена.

Джон Готти смирился со своей судьбой. С тех пор он, вероятно, стал верить только в божественное провидение, которое, по его мнению, смогло бы со временем помочь ему вновь оказаться на свободе и вернуться в семью.

Джон Готти был отправлен в тюрьму особого режима Мэрион, на расстоянии полутора тысяч километров от Нью-Йорка в штате Иллинойс. Это обстоятельство исключало возможность частых свиданий Джона Готти со своими единомышленниками из мафии и членами своей семьи.

Его поселили в крохотную камеру. Ему позволяли под присмотром охраны заниматься в спортзале физическими упражнениями. Единственным его утешением стали радиоприемник и телевизор, установленные в камере.

Видеться с посетителями он мог в комнате, разделенной стеклянной перегородкой. А разговаривать с ними только по телефону, и разговоры эти записывались.

В первые же дни тюремной жизни Джон Готти познакомился с тремя заключенными из соседних камер. Один из них – Джон Уолкер, бывший офицер военно-морского флота США, занимался продажей засекреченной информации советским шпионам. Второй сосед, Джонатан Поллард, сидел за шпионаж в пользу Израиля. А третьим соседом был бывший офицер разведки ЦРУ Эдвин Уильсон, попавшийся на продаже оружия тогдашнему лидеру Ливии Муамару Каддафи. Эти знакомства мафиози не радовали, и он старался держаться от этих людей подальше.

На четвертый день заключения ему сообщили новость, вконец испортившую его настроение: его отец, Джон Готти-старший, которому в 1992 году исполнилось восемьдесят пять лет, умер от повторного инфаркта. Он прожил честную жизнь: многие годы проработал столяром в одной из строительных компаний Нью-Йорка, а потом шофером в санитарном департаменте городской мэрии. Вместе с невесткой Викторией он постоянно просил сына порвать с преступным миром.

ГЛАВА 10

Когда опадают листья

Джон Готти-старший предвидел трагическую гибель мафии, пытаясь доказать своему сыну, что ее корни уже начали гнить. В одном историческом издании приводятся слова, сказанные им главарю Клана Гамбино незадолго до его ареста: «Сколько же арестов было сделано в твоей мафии? Уйма! И ты сейчас на прицеле. Я это чувствую всем своим больным сердцем. Ты знаешь, что происходит с деревьями, когда с них опадают листья? Я думаю, ты даже не хочешь этого знать. А когда с деревьев опадают листья, это значит, что корни их начали гнить. То же ждет и твою мафию. Подумай не о ней, а о своей семье».

В конце 80-х годов прошлого столетия электронные подслушивающие устройства стали главными источниками информации. Это и стало началом конца мафии.

До этого следственным органам страны мало что было известно о жизни мафиозных кланов. Требования секретности и молчания на допросах, предписываемые кодексом «Омерта», делали свое дело. А информация, которая попадала в руки следственных органов, в большинстве случаев не соответствовала действительности. Но с прослушиванием разговоров главарей криминальных картелей для властей открывалась вся картина жизни преступного мира страны.

Наиболее ярким примером тому стал уголовный процесс Джона Готти, который представил членам жюри присяжных заседателей записи разговоров членов Клана Гамбино. То, что на языке юриспруденции именуется вещественными доказательствами, сыгравшими решающую роль в вынесении приговора не только боссу мафии, Джону Готти, но и почти сотне мафиози, занимавших разные посты в его преступной организации.

Агентам ФБР стало известно, что мафия по наследству перешла в руки Джона-младшего. Ему было тогда двадцать восемь лет. Для его матери Виктории это событие обернулось очередным ударом, ибо она до того дня не знала, что сын пошел по стопам ее мужа. Виктория люто ненавидела преступную карьеру своего супруга, но была бессильна противостоять обстоятельствам.

Архивные документы нью-йоркской прокуратуры свидетельствуют о том, что Джон-младший по рекомендации отца был зачислен в ряды Клана Гамбино еще в 1988 году, когда ему исполнилось двадцать четыре года. Спустя два года он уже был

боссом одного из отрядов мафии. С августа 1992 года, как утверждают документы, Джон-младший стал обладателем трона Клана Гамбино. К тому времени мафия распространила свое влияние далеко за пределы Нью-Йорка. К моменту прихода к власти Джона-младшего она имела свои кланы в штатах Нью-Джерси, Массачусетс, Флорида, Пенсильвания и Луизиана.

Но Джон-младший недолго находился у власти. В 1999 году он был арестован, что вызвало у его матери Виктории тяжелейший стресс. Она клялась, что проклянет мужа, если тот не уговорит сына выйти из рядов мафии и забыть о существовании Клана Гамбино.

Готти-младший был обвинен в рэкете и содержании подпольных казино и борделей. После его ареста агенты нью-йоркской полиции произвели в его доме обыск, изъяв найденные в подвале 750 тысяч долларов. Эти деньги были конфискованы. Через несколько месяцев члены жюри присяжных единогласно признали нового босса Клана Гамбино виновным по всем пунктам. Суд приговорил его к шести годам тюремного заключения. По свидетельству архивных документов, Джон-младший, находясь в тюрьме, продолжал до последнего дня пребывания в заключении руководить мафией.

А пока Джон-младший находился в тюрьме, с его отцом произошло еще одно событие. Еще до ареста сына Джон Готти жаловался на боли в горле. Иногда его тошнило. Но он не желал обращаться к врачам. В тюрьме его здоровье сильно ухудшилось, и срочно приглашенные врачи диагностировали у него рак гортани. Арестанта увезли в медицинский центр тюрьмы Спрингфилда штата Миссури. Ему сделали операцию, удалив опухоль. Готти пробыл в центре неделю, восстановил силы, и его вернули в тюрьму Мэрион.

Через два года у него произошел рецидив, и его вновь поместили в медицинский центр тюрьмы штата Миссури. Врачи констатировали метастазы. Состояние здоровья мафиози ухудшалось на глазах, и врачи уже были не в состоянии оказать ему какую-либо помощь.

Бывший глава Клана Гамбино Джон Готти впал в кому и скончался в 12 часов 45 минут дня 10 июня 2002 года в возрасте шестьдесят одного года. За день до смерти, словно предчувствуя свою кончину, он сказал одному из врачей: «Послушайте меня внимательно. Я уверен, вы никогда в жизни не встречали такого человека, как я. Разве кто-то умирает перед смертью? Только я. Я уже мертв. Я чувствую, что уже мертв. Но я все еще жив. Да, я все еще жив. И я буду жить еще века. Это то, что я хотел вам сказать. Вы никогда больше не встретите такого человека, как я, даже если

проживете пятьсот лет».

Джон Готти, глава Клана Гамбино, действительно, по мнению его охранников, выделялся среди остальных арестантов хорошим расположением духа и чувством юмора. Это подтверждали и врачи медицинского центра. Они даже высказывали предположение, что Даппер Дон был последним «Доном» наследия Карло Гамбино, который пользовался у людей уважением и даже любовью.

На следующий день после смерти Джона Готти его тело было переправлено в Нью-Йорк, в католический храм Бруклина «Римский католический диоцез», где Виктория запланировала панихиду. Но священники отказали в ее просьбе по той причине, что ее муж – мафиози. Они предложили ей и семье покойного посетить храм после его захоронения. Виктория, конечно, отказалась от этого предложения. Ей пришлось забрать тело покойного мужа из «Римского католического диоцеза». Панихида состоялась в одной из церквей Бруклина. Последний «Дон» и властитель мафии патриарха Карло Гамбино был похоронен в мавзолее нью-йоркского кладбища Сен-Джонсон рядом со склепом, где двадцать два года тому назад был похоронен его младший сын Фрэнк.

По утверждению историков, похоронная процессия Джона Готти чем-то напоминала похороны крестного отца нового поколения «итальяно-американских мафий» Карло Гамбино. В ней участвовало не менее пятисот человек, за которыми наблюдали десятки тайных агентов ФБР и нью-йоркской полиции.

Джон-младший, отбывавший в тюрьме шестилетний срок, не смог присутствовать на похоронах отца. Не смог присутствовать и его старший брат Питер Готти. В тот день он был арестован и находился в суде, где началось слушание его уголовного дела. Все тяготы и заботы легли на плечи Виктории.

На следующий день после похорон Джона Готти нью-йоркская пресса зачислила его в число «селебрити» – знаменитостей, настаивая на том, что имя покойника стало не менее популярным, чем имя его предшественника Карло Гамбино. А имя Готти еще до его смерти ассоциировалось со словом «мафия». Адвокат покойного Брюс Катлер уверял читателей газет в том, что его подзащитный был честным бизнесменом, зарабатывая в год не более 60 тысяч долларов. Репортеры нью-йоркских газет смогли добиться беседы с Викторией Готти. Жена покойного сказала, что она женщина «старых взглядов», а посему никогда не вникала в суть его бизнеса. «Я никогда не спрашивала супруга, что он делает. Меня это никогда не интересовало. Я была в стороне от его работы. Меня интересовало только то, чтобы он

не забывал финансово обеспечивать семью». Вероятно, это заявление далеко от правды. Но тем не менее оно еще и еще раз подтверждало, что Виктория всегда была на стороне мужа и не позволяла разглашать тайны его преступного бизнеса.

Сам Джон Готти никогда не нарушал заветов «Омерты», не выдал ни одного из своих единомышленников по мафии.

Прямой противоположностью Джону Готти был его тогдашний коллега, глава одной из мафий Нью-Йорка, имевшей тесные контакты с Кланом Гамбино, Джозеф Массино – Большой Джо, как называли этого огромного широкоплечего детину весом почти триста килограммов. Большой Джо был на три года моложе Джона Готти. Он родился в Нью-Йорке в 1943 году в семье беженцев из Сицилии.

Штаб-квартирой мафии Джозефа Массино был шикарный ресторан «Касабланка» в нью-йоркском районе Куинс на Маспет-авеню. Там не раз проходили встречи Джона Готти и Джозефа Массино. Там же вплоть до своего ареста бывал и мексиканский наркобарон, босс картеля «Синалоа» Висенте Замбада-Ниэбла. Большой Джо не мог себе представить, чтобы его штаб-квартира служила главным объектом агентов ФБР по сбору ценнейшей секретной информации о жизни в США преступных кланов «итальяно-американских мафий».

В исторических публикациях того времени сообщалось, что Большой Джо везде, где только мог, выдавал себя за поклонника старых традиций сицилийской мафии, включая и ее давнишний закон «Омерта», но никак не думал, что вскоре ему самому придется его нарушить.

В начале марта 2004 года Джозефа Массино арестовали в его штаб-квартире в «Касабланке». Его обвинили в организации подпольной торговли наркотиками, рэкете, содержании тайных борделей и в убийстве восьми человек. Адвокат предупредил Большого Джо в неизбежности смертного приговора. И тогда Большой Джо заявил агентам ФБР и членам федерального суда Нью-Йорка о своем желании сотрудничать со следствием.

Большой Джо признался во всех преступлениях, включая убийство восьми человек, отказавшихся от рэкета. Он раскрыл в суде все секреты своей мафии и назвал имена своих подчиненных, совершавших преступления. Члены жюри присяжных заседателей вынесли единогласное решение о виновности подсудимого. Никто не сомневался в смертном приговоре. Но предательство Джозефа Массино и сотрудничество с прокурорами во время судебного процесса спасли ему жизнь. 23 июня 2005 года шестидесятидвухлетний Джозеф Массино был приговорен к пожизненному заключению.

Но на этом судебная эпопея Массино не закончилась. Его неоднократно вызывали для дачи показаний в федеральные суды Нью-Йорка во время слушания уголовных дел членов его мафии и мафий других городов. Последний раз Большой Джо был доставлен в суд в 2011 году. В апреле того же года нью-йоркские газеты, включая «Нью-Йорк таймс», в один голос заявили, что Джозеф Массино оказался первым в истории организованной преступности мафиози столь высокого ранга, который пренебрег кодексом «Омерта». О тюремной жизни этого человека нет никакой информации.

День грядущий…

В апреле 2005 года Джон Готти-младший отбыл свой срок. За воротами его ждала толпа людей: главари его мафии и репортеры нью-йоркских газет, радио и телевидения. Они окружили его, задавая уйму вопросов. Он удивил всех. Заявил, что с этого дня больше не является членом Клана Гамбино и порывает с миром организованной преступности. Готти-младший решил передать власть брату покойного отца Питеру Готти.

Разрыв Джона Готти-младшего с мафией был большой победой его матери Виктории. Она была счастлива. По каким-то причинам она не встречала сына возле тюремных ворот, зато устроила ему пышное празднество по случаю его дня рождения, хотя он родился 14 февраля, а не в апреле. Не менее счастливой была и его жена Кимберли, к тому времени родившая пять детей. Готти-младшему исполнился сорок один год.

Но, к сожалению, разрыв Джона Готти-младшего со своей прежней жизнью произошел с опозданием. В 2008 году он был вновь арестован и обвинен в рэкете, торговле наркотиками и убийстве двух человек. Все эти преступные акты, как утверждалось в судебных документах, были совершены Джоном Готти-младшим еще в начале 90-х годов.

Предал Джона-младшего один из его партнеров по наркобизнесу Джон Алити. Он признался в суде во всех предъявленных ему обвинениях. А затем во время допросов заявил, что Джон Готти-младший был его компаньоном в торговле наркотиками и даже однажды угрожал ему убийством в связи с какими-то недоразумениями. Виктория заявила корреспондентам газеты «Дейли ньюс», что «Алити – патологический врун, грязная крыса, не раз уличенный в своих лживых показаниях». Она утверждала, что ее сын уже порвал с преступным миром и никогда не имел дел с Джоном Алити.

Джон Готти-младший просидел в тюрьме до окончания его уголовного процесса почти полтора года. Завершающий день этого уголовного процесса был назначен на 1 декабря 2009 года.

Но члены жюри присяжных не смогли прийти к единодушному решению. Большинство склонялось к вынесению оправдательного приговора, остальные пребывали в нерешительности. В результате Джон Готти-младший был освобожден, а прокуроры заявили, что они не будут возбуждать против него новый судебный процесс.

Вскоре после этого в США вышел фильм, посвященный его жизни, «Готти: в тени своего отца». Главные роли исполняли Джон Траволта и Аль Пачино. Незадолго до выхода этого фильма Джон Готти-младший в интервью телекорреспонденту Стиву Крофту заявил: «Когда твоя жизнь протекает на улице, ты невольно становишься человеком совсем другого склада. Никогда не знаешь, что может с тобой произойти через минуту, через секунду. Это то, что произошло и с моим отцом, и со мной…»

Когда Готти-младший передал бразды правления Кланом Гамбино Питеру Готти, тому было шестьдесят шесть лет. Последнее десятилетие своей жизни он проводил то в одном, то в другом суде, где слушались его уголовные дела.

Предметом обсуждений даже стали его отношения с женой Катериной и любовницей Марджори Александр. Прокуроры напомнили членам суда, что подсудимый Питер Готти в ответ на признания Марджори в любви к нему обругал ее в присутствии посторонних людей нецензурными словами. С тех пор их многолетние, скрытые от всех отношения прекратились. Марджори куда-то исчезла. Выяснилось, что она покончила с собой. После ее смерти Катерина подала в суд заявление о разводе с супругом.

В исторических публикациях и в архивных документах нью-йоркской полиции и ФБР нет сообщений, каким образом и с чьей помощью Питер Готти, по прозвищу Одноглазый умудрялся управлять Кланом Гамбино. Высказывались лишь предположения, что некий мафиози Николас Короззо, его правая рука, помогал главе Клана Гамбино во время его тюремного заключения поддерживать контакты с партнерами по мафии.

Но в 2007 году Питера Готти после приговора к двадцати пяти годам тюремного заключения отправили в тюрьму особого режима в полутора тысячах километрах от Нью-Йорка, в штате Индиана. В ней содержатся отъявленные бандиты, убийцы и воры. Контакты заключенных этой тюрьмы со своими родными и близкими были ограниченны. Им разрешалось встречаться раз в месяц, встречи проходили в присутствии охранников.

Питер Готти должен выйти на свободу в мае 2032 года. Если, конечно, доживет до девяноста трех лет. Судя по имеющимся сведениям, обнародованным в нью-йоркской прессе адвокатами

Питера Готти в 2010 году, состояние его здоровья во время пребывания в тюрьме ухудшилось. Питер Готти страдал от развития эмфиземы, артрита и депрессии. На сегодняшний день других сведений о состоянии его здоровья нет.

Когда Питер Готти ощутил ухудшение самочувствия, в Клане Карло Гамбино было принято решение о лишении его власти. Репортер Джерри Капеси, хорошо осведомленный о жизни нью-йоркских мафий, написал в «Дейли Ньюс», что передача власти из рук Питера Готти в руки малоизвестного мафиози Доменико Сефалу произошла в ноябре 2010 года.

Доменико Сефалу родился в Палермо в 1947 году. Восемнадцатилетним юношей он прибыл в Нью-Йорк со своей матерью. С первых же дней был вовлечен в уличные банды гангстеров, таких же молодых парней из итальянских семей, живших в Бруклине. Доменико занялся наркоторговлей, попытался поставлять наркотики из Нью-Йорка в Палермо, но был пойман нью-йоркской полицией, судим и в 1982 году отправлен на шесть лет в тюрьму.

После отбытия срока Доменико Сефалу вернулся к матери, одиноко жившей в купленном ею доме в Бруклине. Сефалу вновь установил контакты с бандами гангстеров и вернулся к наркоторговле. В 1991 году тогдашний глава Клана Гамбино Джон Готти зачислил Доменико Сефалу на полную ставку солдата в отряд гангстеров, именовавшийся «Зип» («Свист пули»). Они промышляли автоугонами и грабежами. Вскоре капитан его отряда Паскуале Конти был арестован. Доменико Сефалу был вызван в суд для дачи показаний против своего шефа. Он отказался это делать даже под угрозой ареста. Его осудили на полтора года.

После освобождения Сефалу возглавил отряд уличных наркоторговцев, но был пойман с поличным, приговорен к четырем годам тюремного заключения, вышел в ноябре 2009 года и вновь вернулся в свою криминальную профессию.

Он был холостяком и продолжал жить со своей пожилой матерью в Бруклине по крайней мере до 2012 года. В возрасте шестидесяти трех лет он стал «боссом боссов» наследия Карло Гамбино. С того дня пришел конец четвертьвековой эпохи властвования семьи Готти над новым поколением «итальяно-американских мафий».

С тех пор информация о происходящем в Клане Гамбино весьма скудна. Судя по документам нью-йоркской полиции, эта мафия стала день ото дня терять авторитет не только среди боссов преступного мира страны, но и среди рядовых солдат. Их огорчала секретность деятельности отрядов наркобизнеса Клана

Гамбино и нежелание Доменико Сефалу привлекать к делу неизвестных людей. Он опасался предательства. О самом главаре этой мафии тоже ничего не рассказывалось ни на страницах газет, ни на телевизионных шоу, посвященных криминальной жизни Нью-Йорка и других городов страны.

Мало кто знал, кто такой Доменико Сефалу, и никто в киноиндустрии не горел желанием выпускать на экраны продолжение легендарной саги «Крестный отец», рассказавшее бы о жизни Сефалу. Новый глава мафии не был столь колоритен и привлекателен даже для своих партнеров по мафии.

Авторы исторических изданий причислили Доменико Сефалу к ретроградам, поборникам старых методов преступной деятельности, тех, что десятилетия назад преобладали в сицилийских бандах. Он был ярым сторонником наркобизнеса, который во все времена считался золотой жилой. Став «боссом боссов», он легализировал наркобизнес в своей мафии, оттеснив традиционный рэкет на второй план.

Судя по преобразованиям в криминальной организации, новый глава Клана Гамбино строил далеко идущие планы по расширению по всей стране сети наркоторговли. Но ему предстояло убрать конкурентов из других криминальных организаций, уже наладивших деловые связи с контрабандистами из мексиканского картеля «Синалоа». И он приступил к их ликвидации. Именно поэтому детективы полиции и агенты ФБР не спускали глаз с Клана Гамбино.

И день последний

Мексиканские контрабандисты из картеля «Синалоа» не давали покоя агентам ФБР, которые были обеспокоены размахом их вторжения на территорию страны и установлением деловых контактов с главарями «итальяно-американских мафий». ФБР сделало первый шаг на пути тайной войны против лидеров наркобизнеса, как в своей стране, так и за рубежом, арестовав мексиканского наркобарона, босса мексиканского картеля «Синалоа», тридцатипятилетнего Висенте Замбада-Ниэбла, тайно перебравшегося через границу и поселившегося в Чикаго. Его показания раскрыли агентам ФБР секреты созданной им в США сети наркоторговли.

Помимо Нью-Йорка сеть опутала Ньюарк, Чикаго, Детройт, Филадельфию, Майами, Новый Орлеан, Хьюстон, Лос-Анджелес, Сан-Франциско и Лас-Вегас. Все одиннадцать городов стали перевалочными базами поставок «итальяно-американских мафий». Лидерство по наркоторговле к концу 2011 года удерживало молодое поколение Клана Гамбино.

Висенте Замбада-Ниэбла сразу согласился сотрудничать со

следствием и засветил каналы ввоза наркотиков из Мексики в американские города. Получив информацию, агенты ФБР произвели во всех названных городах аресты мафиози, связанных с мексиканским картелем «Синалоа». На тайных складах были обнаружены и конфискованы десятки тонн наркотиков на общую сумму почти 100 миллионов долларов.

Таким образом, созданная мексиканским наркобароном подпольная торговая сеть перестала существовать. Ликвидация руководящего центра дала возможность агентам ФБР в содружестве с местными отрядами полиции приступить к выполнению разработанного ими грандиозного плана войны с лидерами наркобизнеса почти на шесть месяцев раньше намеченного срока. По своим масштабам он превосходил ранее предпринимаемые следственными органами мероприятия по борьбе с уличными наркоторговцами.

Зачистка началась рано утром 1 ноября 2011 года и завершилась на следующий день вечером. К тому времени Сефалу прочно восседал на троне властителя Клана Гамбино. Неизвестно, сказались ли на Клане Гамбино, возглавляемом Сефалу, последствия этого крупномасштабного рейда. Главным объектом тайной войны по-прежнему оставался картель «Синалоа». Полоса «военных действий» протянулась вдоль всей пограничной территории, разделяющей штат Аризона с Мексикой. Стокилометровая зона пустыни была фактически оккупирована контрабандистами картеля «Синалоа», превратившими ее в перевалочную базу с подземными ходами под пограничной полосой и выходами на территорию США. Через них, минуя пограничные заставы, годами проходили тысячи тонн наркотиков. Другим средством тайной перевозки в США «черного золота» служили тяжеловесные грузовики. Загруженные до отказа, они регулярно проскакивали через мертвую пограничную полосу песчаной пустыни, обозначенную лишь на картах, направляясь к созданному контрабандистами в отдаленном от границы пустынном районе секретному подземному городку. Это был колоссальных размеров подземный склад, откуда наркотики поступали в США. Кроме наркотиков, там обнаружили около 2 миллионов долларов, 108 автоматов, 200 пистолетов и 100 пуленепробиваемых жилетов.

Во время рейда агентов ФБР подземный городок был разрушен до основания. Тогда же были уничтожены все прорытые туннели, через которые на территорию США попадали наркотики. Агентами ФБР были арестованы два отряда мексиканских контрабандистов в количестве двухсот человек. Закончив военные операции в этом месте, спецотряды ФБР перебрались в другой

район, избранный новым наркобароном картеля «Синалоа» очередным бастионом наркобизнеса.

Но на этот раз изобретательные мексиканские главари «Синалоа» впервые в практике мирового наркобизнеса стали использовать подводные лодки. В ФБР просочилась информация о том, что субмарина для перевозки наркотиков была создана мексиканскими специалистами в джунглях Колумбии в конце 2011 года. Ее длина не превышала 100 метров, она могла без заправки проходить под водой почти 8 тысяч километров и мгновенно садиться на дно в случае опасности. В штабе ФБР стало известно, что она успешно завершила первый испытательный рейс, доставив в порт Майами порцию героина и кокаина. Следующий рейс ожидался в декабре 2011 года.

Через некоторое время агентура ФБР получила сведения о времени и маршруте подводной лодки. Она должна была стартовать с двадцатью тоннами кокаина от берегов Гондураса к Майами.

Но все произошло не так, как планировали мексиканские контрабандисты. Специализированные средства агентов ФБР помогли напасть на след подлодки. Контрабандисты попали в засаду и немедленно пустили субмарину ко дну в Карибском море неподалеку от берегов Гондураса, где отряд водолазов ФБР и захватил мексиканцев вместе с их подлодкой. Стоимость кокаина, находившегося на ее борту, равнялась 280 тысячам долларов.

В первый понедельник января 2012 года одновременно в одиннадцати городах страны прошли рейды спецотрядов ФБР совместно с местной полицией. Рейды завершились без единого выстрела. Мафиози даже не успевали опомниться от неожиданного прибытия офицеров ФБР и полиции, а потому сопротивления не оказывали.

Было арестовано около полутора тысяч солдат «итальяно-американских мафий», обретавшихся в самых многонаселенных городах по всей стране. Более половины арестантов принадлежали к Клану Гамбино. Всего за решеткой оказалось 127 главарей «итальяно-американских мафий». И среди них также большинство составляли члены высшего эшелона власти молодого поколения криминальных семейств Клана Гамбино.

Однако Доменико Сефалу, глава Клана Гамбино, почему-то арестован не был. Хотя, возможно, его и арестовали, но об этом нет ни единого упоминания даже в нью-йоркской прессе. О нем вообще ничего не сообщалось, равно как и о его дальнейшей судьбе. Мафия, выпестованная Карлом Гамбино, с приходом к власти Доменико Сефалу стала медленно сходить с арены

преступного мира.

Следственные органы ФБР после успешного завершения своего плана тайной войны с наркобизнесом сочли, что Клана Гамбино больше нет на свете. Именно об этом после завершения финальной стадии тайной войны с наркобаронами заявила корреспондентам Ассошиэйтед Пресс Дженис Федорчук, шеф нью-йоркского отделения ФБР. И опять же ни слова не было сказано ею о том, куда пропал Доменико Сефалу. Был ли он арестован или успел сбежать от агентов ФБР? Или остался на свободе, навсегда покинув преступный мир, как некогда сделал сын прославленного Джона Готти Джон-младший?

Последние жены мобстеров?

Возможно, есть люди, которые смогли бы пролить свет на этот вопрос. Это жены главарей «итальяно-американских мафий», пять женщин, которые согласились принять участие в съемках нового фильма «Жены мобстеров». Мужья некоторых из них были арестованы, иные развелись или просто проживали отдельно, после того как их мужья пустились в бега.

Съемки этого фильма начались в начале 2012 года в Чикаго, где проживает многотысячная община выходцев из Италии. Но производство фильма «Жены мобстеров» затормозилось, так как некоторые владельцы итальянских ресторанов запретили съемки на их территориях. Они не хотели быть сообщниками жен мобстеров и не желали иметь с ними никаких контактов. Как заявили тогда владельцы этих ресторанов, у них не было и нет с ними ничего общего. Казалось бы, этот фильм могла постигнуть та же судьба, что, в конце концов, после десятилетий богатой, процветающей жизни постигла династию Карло Гамбино.

Но судьба фильма «Жены мобстеров» сложилась иначе. Возникшие конфликты на его пути сами собой ликвидировались. Съемки завершились, и «Жены мобстеров» вышли на телевизионные экраны в июле 2012 года. Этот фильм из пяти хвалебных звезд завоевал три во время опросов его зрителей. Но, как бы то ни было, «Жены мобстеров» воспроизвели на телевизионных экранах правдивую драму их богатой, но погрязшей в тайнах опасной жизни.

Не исключена возможность других версий, посвященных новому поколению мафии, расцвету и гибели этого клана. Кто знает, что произойдет завтра с Кланом Гамбино и с другими криминальными организациями нового поколения? К сожалению, преступный мир сопровождает человечество со дня его рождения. Будет ли так и в веке нынешнем?

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. U.S.A. Congress. Committee on Governmental Affairs: Organized Crime.

2. *Joseph O'Brien, Andris Kurins.* Boss of Bosses.

3. The Federal Bureau of Investigation. New York: Transcripts of Tape-recorded Conversations over 600 hours from 1981 through 1990.

4. *John Davis.* Mafia Dynasty. New York, 1993.

5. Conversations intercepted by the FBI: John Gotti Tapes (1981–1990).

6. *Victoria Gotti.* The Family of Mine. New-York, 2009.

7. Chicago Sun-Times. April 12, 2012.

8. *Harper Collins.* Under Boss: Sammy the Bull Gravano. New York, 1996.

9. Oxford University: Law Without Justice, 2005.

10. Conversations intercepted by FBI: The Paul Castellano Tapes (1983–1985).

11. U.S. District Court, New York. United States v. John Gotti (April 1986—March 1987). Transcript of trial.

12. *John Marzulli.* Nab Newest Gambino Crime. New York, 2012.

13. State of new Jersey Commission of Investigation. Repost 1989: The Gambino-Gotti Family Operations.

14. *Ernest Volkman.* The Destruction of America Last Great Mafia Dynasty. New York, 2008.

15. *G. Kohn.* Dictionary of culprits and criminals. 1986.

16. U.S. Senate. McClellan Subcommittee on Organized Crime: The testimony of Joseph Valachi. His version of the history of organized crime in the United States. 1963.

17. U.S. Senate. Organized crime, 1990.

18. *Pino Arlacchi.* Mafia Business. London, 1986.

19. Killers in Prison // Time Magazine. October 4, 1963.

20. *K. Porello.* The Rise and Fall of the Mafia. New York, 2005.

21. The Body Impolitic. University of Chicago. 2004.

22. *Carl Horowitz.* New Gambino Boss. National Legal and Policy Center, 2006.

23. From Prison, Gotti reportedly Keeps Control of Mafia Group // New York Times. November 13, 1993.

24. Bureau of Prison Inmate Locator. FBI.

25. Reputed Mobster // New York Daily News, April 18, 2008.

26. Gambino Family // New York Times, December 5, 2005.

27. Feds Bust Gambino bigs // New York Daily, February 8, 2008.

28. The Grand Jury testimony of Thomas Gambino // U.S.

Eastern District Court, New York: September 13, October 4, 1988.

29. A Mafia Boss Breaks a Code in Telling All // New York Times, April 12, 2011.

30. *Ralph Blumenthal.* Last days of the Sicilians.

31. *Carl Sifakis.* The Mafia Encyclopedia. 1987.

32. *Paul Meskil.* Don Carlo. «Boss of Bosses». 1973.

33. *David Leon.* Brothers in Blood». New York, 1991.

34. U.S. Southern District Court of New York. The United States v. Paul Castellano. Transcript. 1985.

35. *Stephen Fox.* Blood and Power: Organized Crime in Twentieth. New York, 1989.

ОБ АВТОРЕ

Борис Винокур, член Ассоциации американских писателей. Автор трех романов на английском языке: Inside the Kremlin Walls («Тайна кремлевских стен») (1985), The Mafia («Мафия») (2005) и The Be witched Land («Заколдованная Земля») (2006). Они были изданы в США. А также трех документальных романов, изданных в Москве: «Путч» (1992), «Аль Капоне. Неизвестная история мафии» (2002) и «Тайны ядерного оружия» (2011). Автор сценария документального телевизионного фильма Al Capone. Yesterday and Today («Аль Капоне. Вчера и сегодня»), транслировавшегося в США.

В 70-х годах прошлого столетия был издателем первой в Чикаго газеты на русском языке, которая так и называлась: «Чикаго». Затем основал информационное агентство BMV News Service, на основе которого издавал еженедельную газету на английском языке Modern Times («Современное время»). В 90-х годах работал в одном из подразделений Пентагона.